В. А. Исупов

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ КАТАСТРОФЫ И КРИЗИСЫ В РОССИИ

в первой половине XX века

Российская Академия наук
Сибирское отделение
Институт истории

В. А. Исупов

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ КАТАСТРОФЫ И КРИЗИСЫ В РОССИИ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

Историко-демографические очерки

Сибирский хронограф
Новосибирск
2000

В. А. Исупов. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: Историко-демографические очерки. — Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. 244 с.

13ВК 5-87550-101-4

И 91 Основной целью исследования историка-демографа является определение и анализ зависимости пертурбационного развития демографической сферы СССР от функционирования коммунистического тоталитарного государства. Опираясь на известные и малоизвестные оценки и статистические данные, а также оригинальные материалы архивов, автор исследует демографические катастрофы и кризисы, сотрясавшие страну на протяжении полувека, в их связи с деятельностью структур государственной власти.

Книга удачно сочетает доступность изложения с научной основательностью и строгой выверенностью фактов, содержит обширную библиографию по теме исследования.

13ВЫ 5-87550-101-4 © В. А. Исупов, 2000

© Сибирский хронограф, 2000

Глава 1

В ЛОДКЕ ХАРОНА
(вместо введения)

В истории России не было, пожалуй, более «смутного» времени, чем первая половина XX столетия. На исторически коротком временном отрезке локализовались две мировые войны, три революции, беспрецедентная по своей жестокости Гражданская война и разрушительное безумие военного коммунизма, многочисленные вооруженные конфликты с соседними странами, беспощадный государственный террор, социалистическая индустриализация и насильственная коллективизация, голод 1921-1922, 1932-1933, 1946-1947 гг., сопровождавшийся эпидемиями особо опасных инфекционных заболеваний.

Социальные катаклизмы, сотрясавшие страну, преломлялись не только в экономике страны, образе жизни, культуре и ментальности народа, но и в демографической сфере. История народонаселения России первой половины XX в. не без оснований может быть представлена как перманентный кризис, прерванный тремя демографическими катастрофами: в период революции и Гражданской войны, на этапе индустриализации и коллективизации, в годы Великой Отечественной войны. Они унесли миллионы жизней наших соотечественников.

Первопричина демографических катастроф и кризисов коренится в политической сфере. Пертурбационное развитие народонаселения в ушедшем столетии явилось прямым следствием действий властных структур. Специфика демографической истории коммунистической России в том, что население развивалось в условиях постоянного и — что важно — жесткого давления со стороны государства. Демографические последствия политических решений очевидны: не плавная эволюция, а резкие пертурбационные скачки, повторявшие колебания руководящей линии правящей верхушки, были типичны для развития народонаселения страны.

Проблема демографических катастроф и кризисов долгое время игнорировалась до предела идеологизированной советской гуманитарной наукой. Коммунистическое руководство, чью позицию отражало официальное обществоведение, не было заинтересовано в открытом и свобод-

ном обсуждении драматических последствий «строительства социализма в одной, отдельно взятой стране». Демографическая сфера (и в частности такие ее индикаторы, как рождаемость, смертность, продолжительность жизни) представляет собой своеобразный, но точный барометр социального климата страны. Поскольку барометр с трагической постоянностью показывал «бурю», коммунистическое правительство делало все от него зависящее, чтобы стереть в народной памяти воспоминания о многомиллионных жертвах террора, голода и эпидемий.

Бывшее Центральное статистическое управление (ЦСУ) бывшего СССР, произвольно подбирая данные для публикаций, никогда не объясняя методику расчетов и не раскрывая толком источники информации, вольно или невольно искажало реальную картину демографической истории страны. Самая важная информация тщательно скрывалась в глубинах спецхранов. Архивные материалы о динамике народонаселения были недоступны большинству ученых. Многочисленные цензурные «табу», крепко привязанные к идеологическим целям режима, наглухо закрывали перед исследователями дверь к научному анализу темы.

Многие аспекты демографической истории России, и главным образом те из них, которые прямо или косвенно были связаны с проблемой людских потерь, оставались вне поля зрения ученых, являя собой обширные белые пятна. Вакуум заполнялся пространными псевдотеоретическими рассуждениями о преимуществах «социалистического закона народонаселения», скорее напоминавшими заклинания шамана, чем строгий научный анализ. Фальсификация документальных источников и самой демографической истории приняла столь крупные масштабы, что ее полная реконструкция уже, по-видимому, невозможна.

Тем не менее даже в этой затхлой атмосфере отечественные демографы и историки, преодолевая немыслимые трудности, по крупицам собирая достоверные источники, сумели издать ряд серьезных публикаций и выявить многие реальные тенденции демографического развития страны в прошлом[1]. Но это была лишь вершина айсберга, основная часть которого уходила глубоко под воду. Скованные цензурой и идеологическими догмами, советские ученые не в состоянии были, да в основной массе и не решались преступить строго очерченные идеологией границы. Попытки такого рода были, но они жестоко пресекались. Печально известна судьба И. Г. Дядькина, который изложил свои расчеты потерь населения СССР в книге «Статистики», напечатанной в самиздате[2]. За свою гражданскую смелость исследователь расплатился несколькими годами исправительно-трудовых лагерей.

Определение трагичных для народов России демографических последствий функционирования коммунистического режима долгое время — вплоть до конца 1980-х — начала 1990-х гг.— оставалось исключительной прерогативой западных исследователей. Заметных результатов в этой области добились Ф. Лоример (F. Lorimer), С. Виткрофт (S. Whitcroft), С. Розфилд (S. Rosefielde), Б. Андерсон (B. Anderson), Б. Силвер (B. Silver)[3], а также группа эмигрировавших из Советского Союза ученых: С. Максудов, Ю. П. Мироненко, П. А. Сорокин, И. А. Курганов[4].

Но зарубежные ученые, не владея конкретной статистической информацией, лишь догадывались о тех или иных процессах. Их оценки выстраивались скорее на интуитивных предположениях, чем на точном научном анализе цифровых материалов. Самые изощренные методы расчетов, широко вошедшие в практику западных исследователей, не в состоянии были компенсировать отсутствие конкретных статистических источников. Как справедливо указывают американские демографы Б. Андерсон и Б. Силвер, невозможно установить количественные параметры сверхсмертности, используя только доступную (т. е. официально опубликованную) демографическую статистику[5]. Подводя в 1989 г. первые итоги дискуссии о советских людских потерях, С. Максудов вынужден был констатировать: «Проблема очень далека от окончательного разрешения»[6].

Только в конце 1980-х — начале 1990-х гг. с ликвидацией цензуры и снятием нелепых идеологических запретов, отечественные гуманитарии получили возможность обратиться непосредственно к проблеме потерь советского населения. Источниковая база исследований была существенно расширена — историки получили доступ ко многим ранее секретным документам советских статистических организаций. Серьезный вклад в изучение темы внесла публикация статистических материалов, в особенности переписей населения 1937 и 1939 гг.[7]

Первые же шаги в научном анализе демографической истории России принесли интересные, а подчас неожиданные результаты: в одних случаях потери оказались выше самых смелых предположений, в других, как выяснилось, — исследователи пользовались явно преувеличенными оценками[8].

Но отрезок времени, отведенный для свободного научного поиска, еще слишком мал. Ученые не успели обдумать и сформировать новую парадигму демографической истории России. Исследования столь сложны, что требуют десятилетий упорного труда. Поэтому картина, полученная к сегодняшнему дню, далека от целостности. Она скорее напоминает незавершенную мозаику, где просматриваются лишь отдельные

контуры. Многое по-прежнему неизвестно, и есть необходимость в организации дальнейших интенсивных поисков. Это подтвердила, в частности, дискуссия, развернувшаяся в 1995 г. на страницах журнала «Социологические исследования»[9], а немецкий ученый Ш. Мерль в статье о советском голоде 1932-1933 гг. вслед за С. Максудовым вынужден был констатировать: «Споры об общем числе жертв голода не могут считаться оконченными»[10]. Сегодня то же можно сказать о подавляющем большинстве сюжетов советской демографической истории.

Между тем от определения количественных параметров движения населения зависят и качественные характеристики политического режима. К сожалению, надежды исследователей на расширение источниковой базы, и в частности на введение в научный оборот новых, ранее засекреченных советских статистических материалов, не оправдались. После открытия архивов ученых ждало жестокое разочарование: как выяснилось, регистрация демографических событий (смертей, рождений, браков, разводов) в 1920-е, 1930-е, 1940-е, а в значительной степени и в 1950-е гг. проводилась со столь серьезными погрешностями (состояние источниковой базы будет охарактеризовано в специальном разделе), что получить кардинально новые количественные данные о потерях практически невозможно.

Сегодня, как и прежде, предлагаются десятки различных вариантов оценок, которые в значительной степени зависят от применяемых методов расчета и в этом смысле являются артефактом. Ученые исчерпали резервы научного аппарата, и в настоящее время можно лишь присоединиться к какой-либо демографической оценке потерь населения или незначительно уточнить ее.

Следовательно, чтобы получить принципиально новые знания об истории народонаселения России в XX столетии, необходимо изменить сам подход к проблеме. Он должен быть не столько демографическим, сколько историческим, а именно исследующим связь «государственная власть — демографическая сфера» в её хронологически-последовательном развитии. Поэтому в книге в качестве главной цели выдвинуто не выявление количественных параметров потерь советского населения, но определение и анализ зависимости пертурбационного развития демографической сферы СССР от функционирования коммунистического тоталитарного государства.

Читатель не найдет в книге новых количественных оценок и оригинальных методик демографических расчетов. Авторская задача, непосредственно вытекающая из сформулированной выше цели, более скромна, — опираясь на имеющиеся в литературе оценки, опубликованные статистические данные и оригинальные материалы архивов, охарактеризовать, насколько это возможно, демографические катастрофы и кризисы, сотрясавшие Россию на протяжении полувека, в их связи с деятельностью структур государственной власти.

Книга рассчитана не только на сравнительно узкий круг исследователей, профессионально занимающихся проблемами исторической демографии, но главным образом на широкую читательскую аудиторию, проявляющую живой интерес к истории Отечества. По своей стилистике монография не является строго академическим исследованием. Для меня как ученого более важным было создать популярную по жанровой принадлежности, но научную по степени выверенности фактов книгу.

Примечания

1. *Урланис Б. Ц.* Войны и народонаселение Европы. М, 1961: *Он же.* Рождаемость и продолжительность жизни а СССР. М.. 1963: *Сифман Р. И.* Динамика рождаемости в СССР. (Но материалам выборочных обследований). М., 1974; Воспроизводство населения СССР / Пол ред. А. Г. Вишневского и А. Г. Волкова, М., 1983; П*оляков Л. Е.* Ценз войны: Демографический аспект. М,, 1985; *Поляков Ю. А.* Советская страна после окончания Гражданской войны: Территория и население. М.. 1986; *Дробижев В. 3.* У истоков советской демографии. М., 19S7; *Шелестов Д. К.* Историческая демография. М,, 1987: Воспроизводство населения и демографическая политика в СССР / Под ред. Л. Л. Рыбаконского. М., 1987; и др.

2. Эта монография была переведена на английский язык и в 1983 г, издана в США; *Dyadkin 1. C.* Unnatural Deaths in the USSR, 1928-1954. New Brunswick; London, 1983.

3. *Larimer F.* The Population of the Soviet Union: History and Prospects. Geneve, 1946; *WheaScrofs S.* On assessing the size of forced concentration labour in the Soviet Union, 1929-1956// Soviet Studies. 1981. V. 33. P. 265-295: *id.* More light the scale of repression and excess mortality in the Soviet Union in the 1930s // Soviet Studies. 1990. V. 42, № 2. P. 355-367; *Rosefielde S.* Excess mortality in the Soviet Union: A reconsideration of the demographic consequences of forced industrialization, 1929-1949// Soviet Studies. 1983. V. 35. P. 385-409; *Id.* Excess collectivization deaths, 1929-1933: New demographic evidence// Slavic Review. 1984. V. 43, Ns 1. P. 83-88: *Anderson B., Silver B.* Demographic analysis and population catastrophes in the USSR // Slavic Review. 1985. V, 44, №3. P. 517-536.

4. *Мироненка Ю. П.* Итоги Всесоюзной переписи 1959 г. // Вестник института по изучению СССР. Мюнхен, 1959. № 3 (31}. С, 44-59; *Курганов И. А.* Женщины и коммунизм. Нью-Йорк, 1968; *Максудов С.* Потери населения СССР. Benson, Vermont, ! 989; *Сорокин П.* Современное состояние России // Новый мир. 1992. №4. С, 181-203.

5. Anderson B., Silver B. Demographic analysis... P. 519.
6. *Максудов С.* Потери населения... С. 214.
7. Всесоюзная перепись населения 1937 г.: Краткие итоги. М., 1991; Всесоюзная перепись населения 1939 года; Основные итоги, М., 1992; *Жеромская В. Б., Киселев И. Н., Поляков Ю. А.* Полвека под грифом секретно. Всесоюзная перепись населения 1937 года. М., 1996.
8. *Соколов Б.* Цена победы. Великая Отечественная: неизвестное об известном.
М., \99\\ *Геяьфанд В. С.* Население СССР за 50 лет (19414990): Стат. справочник. Пермь, 1992; Население Советского Союза: [922-1991 / Под ред. А.Г.Волкова. М., 1993; Население России в 1920-1950-е годы: Численность, потери, миграции: Сб. научных трудов. М,, 1994; *Араловец Н. А.* Потери населения советского общества в 1930-е годы: проблемы, источники, методы изучения в отечественной историографии // Отечественная история. 1995. № 1. С. 135-146; *Попов В. П.* Причины сокращения численности населения РСФСР после Великой Отечественной войны // Социологические исследования. 1994. № 10, С. 76-94; Людские потери СССР в Великой Отечественной войне: Сб. статей. СПб., 1995; *Зима В. Ф,* Голод в СССР 1946-1947 гг.: Происхождение и последствия, М, 1996; и др.
9. См.; *Максудов С.* О публикациях в журнале «Социс» // Социологические исследования. 1995, №9, С. 114-118; *Земское В. Н. К* вопросу о масштабах репрессий в СССР // Там же. С. 118-127.
10.Мерль Ш. Голод 1932-1933 годов — геноцид украинцев для осуществления политики русификации? //Отечественная история. 1995,№ 1.С. 51..

Глава 2

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ КАТАСТРОФЫ В РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ

В отечественной литературе термин «демографическая катастрофа» впервые был введен в научный оборот А. А. Чупровым в начале 1920-х гг. для характеристики ситуации, сложившейся в России в период Первой мировой войны[1]. В 1923 г. это понятие применительно к Первой мировой войне употребил народный комиссар здравоохранения советской России Н. А. Семашко[2]. (Правомочность употребления термина «демографическая катастрофа» по отношению к Первой мировой войне в данном случае не обсуждается.) В силу многих причин, главным образом вследствие стремления коммунистического правительства предать забвению сам факт сверхсмертности населения в 1920-е, 1930-е и 1940-е гг., понятие «демографическая катастрофа» в отечественной литературе долгое время не использовалось и было забыто. Поэтому справедливым будет утверждение, что этот термин вновь пришел в Россию с Запада сравнительно недавно и быстро получил широкое распространение.

В книге наряду с термином «демографическая катастрофа» используется словосочетание «демографический кризис». Не берусь давать дефиниции и по этой причине кратко отмечу, что если демографическая катастрофа детерминируется главным образом грубым и подчас неожиданным повышением смертности, то демографический кризис, как правило, обусловливается падением рождаемости. Вполне допустимо, что уровень смертности при кризисе может не повышаться или повышаться незначительно. Демографическая катастрофа количественно характеризуется отчетливо выраженными депопуляционными процессами за счет резкого увеличения смертности, тогда как при демографическом кризисе происходит значительное сокращение естественного прироста вплоть до отрицательных величин вследствие снижения рождаемости.

Демографическую катастрофу я трактую как мощное, но кратковременное событие. Между тем кризис как бы растянут во времени и являет собой вялотекущий процесс. Образно выражаясь, катастрофа — это мгновенная смерть от взрыва бомбы, тогда как кризис — медленное

угасание человеческого организма от туберкулеза. Неотъемлемой чертой демографической катастрофы является резкое падение численности населения, а при демографическом кризисе чаще всего наблюдается замедление темпов прироста, нулевой прирост или медленное сокращение численности населения.

Грубые подъемы смертности и вызванные ими падения численности населения (а нередко и исчезновения с исторической арены целых народов) преследуют человечество на протяжении всего его существования. Как отмечает американский демограф Н. Эберштадт (N. Eberstadt), демографические катастрофы во всемирной истории «встречаются с такой регулярностью, что стали скорее правилом, чем исключением»[3]. Нет ни одной страны и ни одного этноса, имеющих более или менее длительную историю, которые избежали бы этих потрясающих воображение провалов. Засухи, наводнения, извержения вулканов, землетрясения, голод, опустошительные эпидемии и войны собирали на протяжении тысячелетий обильную дань с человечества. Одна только пандемия чумы, бушевавшая в Европе в середине XIV столетия, унесла около 25 млн.. жизней — возможно, почти половину населения континента[4]. «Эти катастрофы, — писал французский историк М. Блок, — придавали существованию как бы постоянный привкус бренности»[5].

Демографические катастрофы, столь характерные для социальных образований времен первобытного общества, античности и средневековья, свидетельствовали о почти полной зависимости людей от воздействия случайных факторов внешней среды, главным образом от природной стихии. Классическим примером демографической катастрофы может служить гибель Помпеи вследствие извержения вулкана в августе 79 г.

Природные катаклизмы в прошлом происходили не чаще, чем сегодня, но низкий уровень технологического развития не позволял человеческому сообществу эффективно защитить себя. Люди были столь же беззащитны перед природной стихией, как стаи животных, колонии муравьев или диких пчел. Только в XVIII столетии блеснула слабая надежда вырваться из замкнутого круга, а в XIX в. произошел решительный перелом. Неурожаи и голод были нейтрализованы новыми приемами агротехники и усовершенствованными орудиями труда. Открытия Л. Пастера, Р. Коха, Л. Флемминга и других выдающихся ученых не только объяснили механизм развития и передачи инфекций, но и указали пути борьбы с ними. Индустриализация и связанная с ней урбанизация, развитие коммунального хозяйства, медицины, фармакологии, гигиены, санитарии кардинально изменили образ жизни людей.

Вряд ли будет ошибочным утверждение, что уже во второй половине XIX в. человечеством был накоплен научный и технический потенциал, позволивший противостоять природной стихии, ограничить воздействие случайных по отношению к демографической подсистеме общества факторов, и в конечном итоге поставить под контроль ранее абсолютно неуправляемый процесс вымирания поколений. В сущности, создав искусственную среду обитания, люди воздвигли между собой и стихией своеобразный щит, который по мере совершенствования технологий становился все более прочным. К концу XIX — началу XX в. большинство развитых стран Западной Европы и Северная Америка были, по сути, гарантированы от непредсказуемых всплесков смертности, вызываемых неблагоприятными экзогенными факторами. Картофельный голод в Ирландии, унесший в 40-х гг. XIX в. жизни около 1 млн. человек, стал, по-видимому, последней демографической катастрофой в Западной Европе, порожденной природной стихией[6]. В XX столетии число стран, над населением которых уже не висел как неизбежная угроза дамоклов меч голода и эпидемий, быстро множилось. Казалось бы, само понятие «демографическая катастрофа» должно стать историческим архаизмом. И все же именно XX в. дал примеры катастроф, перекрывших по числу жертв все «рекорды» минувших тысячелетий. Современный человек настолько свыкся с огромными людскими потерями, что, как отмечает С. Максудов, количество погибших, исчисляемое цифрой менее миллиона, кажется ему незначительным[7].

Сила, сохранившая нетронутым механизм демографических катастроф, должна быть слишком могущественной, чтобы, вопреки возросшему научному, технологическому и медицинскому потенциалу человечества, все же регулярно вызывать вспышки сверхсмертности, превращая их в обыденное явление истории. Этой силой стало государство, заменившее собой природные катаклизмы. В генезисе демографических катастроф в начале XX столетия произошел переход от факторов стихийного происхождения к факторам антропогенным.

Правительства многих стран использовали новые технологические достижения, чтобы максимально продлить жизнь своих граждан. Здесь средняя продолжительность человеческой жизни, превысив семидесятилетний рубеж, приблизилась к границам мировых медицинских возможностей. Но были страны, где политические режимы искусственно культивировали повышенную смертность, а государственные чиновники осознанно пренебрегали открывшимися возможностями: нацистская Германия, маоистский Китай, социалистическая Албания, Северный Вьетнам и Северная Корея, Камбоджа «красных кхмеров». Среди госу-

дарств, искусственно поддерживавших феномен сверхсмертности, с первых же дней своего существования выделилась советская Россия.

Примечания

1. См.: *Новосельский С. А.* Влияние войны на естественное движение населения // Труды **комиссии** по обследованию санитарных последствий войны 1914-1920 гг. М.;Пг., 1923. Вып. 1.С. 71.
2. *Семашко Я. А.* Предисловие // Там же. С. 5.
3. *Eberstadt N,* Introduction to: Dyadkin *1. G,* Unnatural Deaths in the USSR, **1928-**
1954. New Brunswick; London, 1983. P. I.
4. Демографический энциклопедический словарь. М., 1985. С. 521.
5. *Блок М.* Апология истории, или Ремесло историка. М., **1986. С. 136.**
6. См.: *Вишневский А. Г.* Демографическая революция. М., 1976, С. 71.
7. *Максудов С.* Потери населения СССР. Benson, Vermont, 1989. С. 201. '

Глава 3

СТАБИЛЬНОСТЬ КРИЗИСА ИЛИ КРИЗИС СТАБИЛЬНОСТИ?

В советской России демографическая ситуация в большей степени, чем где бы то ни было, зависела от позиции и действий властей. Коммунистическая администрация использовала возможности монопольного распоряжения ресурсами и научно-техническим потенциалом страны главным образом для закрепления своей власти и установления тотального контроля над обществом, подчиняя решению этих задач и демографическую сферу. Смертность населения в Советском Союзе стала своеобразным, но действенным политическим инструментом.

Кровавая демографическая история России первой половины XX столетия может быть правильно понята и интерпретирована исходя из универсальной формулы функционирования тоталитарных систем, предложенной известным американским социологом русского происхождения П. А. Сорокиным. Советское коммунистическое государство прошло сложный путь развития, эволюционируя от авторитарного к тоталитарному режиму и обратно[1], но для демографической проблематики в данном случае это несущественно. В одной из своих книг Сорокин высказал мысль, что тоталитарные системы, в том числе и коммунистический режим как одна из разновидностей тоталитарных систем, могут существовать и функционировать только в условиях кризиса — экономического, социального, военного, природного или любого другого.

Всякий раз, когда в обществе создается критическая ситуация: война или угроза войны, экономическая депрессия, голод, эпидемии, народные волнения, анархия, политический хаос и т. д. — строгость правительственнои регламентации неизбежно усиливается, а централизация ресурсов и политической власти возрастает. В каком-то смысле это единственный способ выживания человечества в аномальных ситуациях. У сообщества людей, стоящих перед угрозой вымирания, ограниченный выбор — либо погибнуть, либо усилить контроль за производством и распределением продуктов питания, одежды, обуви, медикаментов, тепло- и энергоносителей, за деятельностью политических партий, общественных организаций и даже отдельных личностей. Государственные

институты, таким образом, испытывают тоталитарную конверсию, глубина которой зависит от многих условий, но прежде всего — от сложности переживаемого кризисного момента. Но после его преодоления необходимость жесткой государственной регламентации исчезает. Политический маятник перемещается в противоположную сторону к ослаблению государственного контроля над социальной жизнью и поведением граждан. Происходит своего рода тоталитарная реконверсия, означающая отказ от чрезвычайных мер, возврат к «норме» и возобновление работы демократических институтов[2].

Приняв тезис П. А. Сорокина как шаг вперед в объяснении механизмов функционирования тоталитарных систем, можно определить и некоторые особенности демографической истории России первой половины XX столетия. Здесь в октябре 1917 г. в условиях исключительного по глубине и масштабам политического и экономического хаоса зародился один из наиболее жестких и сильных тоталитарных режимов — коммунистический. Анархия Гражданской войны и разрушение экономики страны в ходе военного коммунизма только способствовали его укреплению. Однако после преодоления кризисной ситуации (на основе нэпа примерно к середине 1920-х гг.) гипотетически ожидаемой тоталитарной реконверсии не последовало: слишком глубокой оказалась предшествующая тоталитарная трансформация, обеспечившая мощное сопротивление коммунистического аппарата.

Коммунистическое государство, как и любое другое государство, стремилось к стабильности. Но в данном конкретном случае это была стабильность кризиса. Парадокс коммунистической системы состоял в том, что нестабильность общества являлась условием стабильности тоталитарного государства. Начиная со второй половины 1920-х гг. единственно возможным способом самосохранения тоталитарной системы в России (т. е. придания режиму устойчивости) стало искусственное провоцирование все новых и новых аномальных явлений. Только так коммунистическое государство могло формировать основу своего существования. Коммунистический режим, загнавший страну в тоталитарную ловушку, функционировал по примитивному принципу: «чем хуже, тем лучше». Чем глубже созданная государством кризисная ситуация, тем сильнее тоталитарная конверсия.

Дату «смены курса» — переход режима к политике провоцирования социально-экономических катаклизмов — историки в состоянии определить более или менее точно. Это конец 1920-х гг.: линия на свертывание нэпа, кризис хлебозаготовок 1927-1928 гг. и особенно начало ускоренной коллективизации в 1929 г., который был назван Сталиным «годом великого перелома». К преднамеренно вызванным кризисам можно отнести социалистическую индустриализацию и перманентный государственный террор, достигший пика в 1937-1938 гг. С этих позиций можно оценить и крайне агрессивную внешнюю политику сталинского правительства в конце 1930-х — начале 1940-х гг., подтолкнувшую мир ко Второй мировой войне.

Возможно, Сталин и другие коммунистические вожди как личности осознанно не стремились проводить политику, ухудшающую ситуацию. Сам термин «преднамеренно спровоцированный кризис» условен и относится скорее не к отдельным историческим фигурам, а к самому тоталитарному государству. Тоталитарные системы развиваются согласно своей внутренней логике, по объективным законам, мало зависящим от воли вождей. Сталин интуитивно, на подсознательном уровне, уловил эти законы и просто не сопротивлялся им. Если бы он вдруг вздумал противиться им, то был бы сметен тоталитарной государственной машиной и из вождя превратился бы в жертву.

Анализируя историю страны в контексте развития ее народонаселения, важно подчеркнуть, что спровоцированным государством катаклизмам не могла не сопутствовать череда демографических кризисов и катастроф, уносивших миллионы человеческих жизней. Можно согласиться с немецким историком Ш. Мерлем, что огромные людские потери во время голода 1932-1933 гг. явились непредвиденным, незапланированным, а быть может, и нежелательным следствием индустриализации[3]. Не исключено, что сталинское правительство субъективно не стремилось к уничтожению своих граждан, но объективно этому способствовало. С учетом сказанного нельзя не присоединиться к мнению Х. Арендт, что тоталитарному господству внутренне присущи огромные потери населения[4].

Гибель людей в бывшем СССР — не каприз его вождей. Было бы неправильным сводить проблему к «отдельным недостаткам» системы, ошибкам управления, неумелому планированию, тактическим просчетам вождей или, на худой конец, к извращениям «единственно верного учения». Социально-экономические катаклизмы и их прямое следствие — демографические кризисы и катастрофы — были необходимым и объективным условием функционирования коммунистического тоталитаризма. Они были его хлебом, воздухом и водой. Вряд ли будет большим преувеличением утверждение Н. Эберштадта, что тоталитарные государства — это государства-убийцы, поскольку они существуют, пока убивают[5]. Убивая своих граждан, они не разрушают себя, а напротив, становятся сильнее.

Примечания

1. См.: Тоталнтаризм в Европе XX века: Из истории идеологий, движений, режимов и их преодоления. М., 1996.
2. *Sorokin P.* The Basic Trends of Our Times. New Haven, 1964. P. 83-84.
3. *Мерль Ш.* Голод 1932-1933 годов — геноцид украинцев для осуществления политики русификации?//Отечественная история. 1995.№ 1.С. 57,
4. *Арендт Х.* Истоки тоталитаризма, М., 1996. С. 413.
5. *Eherstadt N.* Introduction to: Dyadkin I. G. Unnatural Deaths in the USSR, 1928-1954. New Brunswick; London. 1983. P. 4.

Глава 4

ИСТОЧНИКИ ИНФОРМАЦИИ

Анализ источников информации, их характеристика с позиций достоверности и сопоставимости сделаны в тексте книги при описании конкретных историко-демографических процессов. Цель данной главы — рассказ об основных методах сбора статистической информации о населении, каковыми являются переписи населения и регистрация его естественного движения.

Переписи населения

Основным источником информации о населении являются материалы переписей, которые содержат детальные сведения о численности населения и его распределении по территории страны, по городским и сельским населенным пунктам, его составе по полу, возрасту, социальному положению, брачному состоянию, грамотности, образованию и т. д. (таблица 4.1)[1].

Единственная в истории дореволюционной России перепись, охватившая все население огромной страны, была проведена 9 февраля (28 января по новому стилю) 1897 г. по программе известного русского ученого П. П. Семенова-Тян-Шанского. Несмотря на ряд недостатков, она стала важным и в основном достоверным источником сведений о населении империи конца XIX столетия. После 1897 г. в течение почти 30 лет переписи населения всей страны не проводились, хотя вопрос об их организации возникал неоднократно.

Первая после прихода к власти коммунистов демографическая перепись была организована 28 августа 1920 г., когда в стране еще шла Гражданская война. Эта перепись не была всеобщей, так как во многих районах России велись боевые действия. По имеющимся оценкам, она охватила примерно 72% населения страны[2]. Следующая перепись, проведенная 15 марта 1923 г., была городской. Она не затронула сельских жителей, составлявших тогда подавляющее большинство населения СССР.

Таблица 4.1

Содержание отечественных программ переписей **населения** 1897-1959 гг.

Формулировка вопросов	1897 г.	1920 г.	1923 г.	1926 г.	1937 г.	1939 г.	1959 г.
Отношение к главе семьи	+	-	-	+	-	+	+
Отметка о постоянном и временном проживании	+	+	—	+	—	+	+
Пол	+	+	+	+	+	+	+
Возраст	+	+	+	+	+	+	+
Состояние в браке	+	+	+	+	+	+	+
Занятия и источники средств существования	+	+	+	+	+	+	+
Общественная группа	+	+	+	+	+	+	+
Грамотность и уровень образования	+	+	—	+	+	+	
Отношение к религии	+	-	-	-	+	-	-
Национальность	-	+	+	-	+	+	+
Народность	-	-	-	+	-	-	-
Гражданство	-	+	-	+	+	+	+
Язык	+	+	-	+	+	+	+
Миграции Участие в войнах, физические увечья, психические недостатки, трудоспособность							-

Только 17 декабря 1926 г. в Советском Союзе была организована всеобщая — в полном смысле этого слова — перепись населения. Она была тщательно подготовлена и проведена на строго научной основе с привлечением кадров дореволюционной русской статистической школы. перепись 1926 г. характеризуется высокой точностью. Недоучет населения составил статистически незначительную величину и, по современным оценкам, не превысил 1%[3]. От всех последующих советских переписей населения Всесоюзная перепись 1926г. отличается широкой публикацией материалов. В 1927-1933 гг. было издано 56 томов, содержащих тщательно выверенную информацию о населении страны.

Перепись 1926г. в связи с кардинальными социальными изменениями в СССР быстро устарела. Уже в начале 1930-х гг. её данные не

могли использоваться в практических целях. Было решено организовать еще одну всеобщую перепись, сроки проведения которой неоднократно переносились. В конце концов она состоялась 6 января 1937 г. Ожидалось, что перепись языком цифр подтвердит правильность политического курса сталинского правительства. Но в процессе первоначальной обработки статистических материалов выяснилось, что полученные данные значительно разошлись со сделанными ранее оценками. Работники Госплана СССР предполагали, что население страны к началу 1937 г. достигнет 180,7 млн. человек[4]. Цифра эта была определена в результате простого, но «идеологически выдержанного» расчета. Статистики ориентировались на указания Сталина, сформулированные еще в 1930 г. на XVI съезде ВКП(б). Ежегодный прирост населения СССР, согласно установкам вождя, должен был составить около 3 млн. человек[5]. Позднее, в декабре 1935 г., на Всесоюзном совещании комбайнеров и комбайнерок (так в источнике. — *Авт.)* Сталин повторил этот тезис[6]. И в том, и в другом случае он исходил из упрощенно-догматического принципа, согласно которому при социализме рождаемость остается перманентно высокой, смертность только сокращается, а численность населения увеличивается ускоренными темпами. Для вождя быстрый рост населения был предметом особой гордости, ярким свидетельством торжества коммунистических идей.

Перепись 1926 г. показала, что в стране проживало 147 млн. человек. По Сталину, ежегодно население СССР увеличивалось примерно на 3 млн. человек. (Статистики тех лет исходили из цифры 3,37 млн. человек.) Следовательно, согласно пожеланиям вождя через 10 лет, к январю 1937г., численность населения СССР должна была составить:

$$147{,}0 + (3{,}37 \times 10) = 180{,}7 \text{ млн. человек.}$$

Но в действительности перепись 1937г. зафиксировала всего 162 млн. человек[7] — на 19 млн. меньше ожидаемого. Ежегодный прирост населения Советского Союза, таким образом, составлял не 3,37 млн. и даже не 3 млн., а всего 1,41 млн. человек. Полученные данные не только не подтвердили языком цифр достижения «социалистического строительства», усиленно рекламируемые большевистскими пропагандистами., но напротив, высветили явное неблагополучие демографической сферы, наглядно продемонстрировав негативные последствия индустриализации, коллективизации, и в частности голода 1932-1933 гг. Сопоставление данных переписей 1926 и 1937 гг. показало, что в ряде регионов СССР население не только не увеличилось, но даже сократилось.

Статистики очень скоро почувствовали, что материалы переписи 1937 г. не удовлетворили Сталина. Уже через несколько дней после проведения переписи, 10 января 1937 г., с Украины в Центральное управление народно-хозяйственного учета (ЦУНХУ) была направлена телеграмма, в которой начальник Республиканского управления народно-хозяйственного учета (УНХУ) Е. А. Кусталян с плохо скрытым испугом предлагал объявить данные переписи совершенно секретными[8].

В сентябре 1937 г. постановлением «О дефектности Всесоюзной переписи населения 1937 г.» СНК СССР признал организацию переписи неудовлетворительной, а её материалы дефектными[9]. Злополучная перепись была объявлена преднамеренно сфальсифицированной врагами народа. Советские статистики подверглись жестоким репрессиям. Руководители статистического ведомства И. А. Краваль и О. А. Квиткин были расстреляны, М. В. Курман, Л. С. Бранд, И. М. Обломов и многие другие арестованы.

Через два года, 17 января 1939 г., была проведена ещё одна всесоюзная перепись населения СССР. Она была призвана дать истинные цифры взамен искаженных «врагами народа» данных 1937г. Перепись 1939г. идеологизирована настолько, что становится неясной ее цель: получение информации о населении или пропаганда достижений социализма? Газета «Правда» накануне публикации данных переписи писала: «Трудящиеся всех стран увидят... как под благодатными лучами Сталинской Конституции из года в год увеличивается рождаемость в нашей стране, как неуклонно повышается культурный уровень советских людей»[10]. «Правде» вторила газета «Известия», специально подчеркивавшая, что перепись 1939г. «призвана отразить в точных цифрах всемирно-исторические победы социализма в нашей стране... достигнутые под руководством партии Ленина-Сталина за годы двух сталинских пятилеток»[11].

Учитывая предшествующий опыт, а также многочисленные «ценные» указания вождей, советские статистики при организации переписи 1939 г. исходили из принципа: недоучет населения — это преступление. Показатели лучше завысить, чем занизить. В представленных итоговых документах Всесоюзной переписи 1939 г. численность населения СССР составила 170,5 млн. человек (в границах СССР до 17 сентября 1939 г.)[12].

Но, разрешив обнародовать эти данные, Сталин мог оказаться в двусмысленном положении, так как они (как и данные переписи 1937г.) опровергали все сделанные им ранее заявления о численности и динамике населения Советского Союза. Выход из щекотливой ситуации был подсказан одним из руководителей советской статистики П. И. Поповым. В письме Сталину и Молотову в январе 1939 г. он писал: «Фашисты Германии, Италии, Японии и троцкистско-бухаринская банда шпионов, провокаторов и диверсантов постараются использовать это расхождение (между данными переписи 1939 г. и сделанными ранее оценками. —*Авт.)* для своих вражеских политических целей. Надо вырвать зубы у этих гадин... Исчисления Госплана СССР и ЦУНХУ не верны, не точны, заведомо были преувеличены, а если так, то необходимо разоблачить вредительские исчисления Госплана и ЦУНХУ прежнего состава, руководимого врагами народа»[13].

Смысл письма П. И. Попова ясен: все сделанные до переписей оценки необходимо объявить результатом происков вредителей. В таком случае перепись 1939 г. будет выглядеть вполне солидно и ее отдельные материалы можно будет опубликовать. (Попов обошел молчанием тот факт, что оценки, сделанные ранее советскими статистиками, основывались на прямых указаниях Сталина.) Вождь цепко ухватился за высказанную Поповым идею. Выступая на XVIII съезде ВКП(б), он счел необходимым специально подчеркнуть: «Некоторые работники Госплана старого созыва... считали, например, что в течение второй пятилетки ежегодный прирост населения СССР должен составить три-четыре миллиона человек... Это фантастика, если не хуже»[14].

«Диалектические маневры» вождя окончательно сбили с толку статистиков. До 1939 г. те из них, кто вопреки указаниям Сталина считал, что среднегодовой прирост населения Советского Союза составлял менее трех миллионов человек, объявлялись врагами народа, шпионами и диверсантами. После 1939 г. врагами стали работники Госплана и ЦУНХУ, следовавшие руководящим установкам и завышавшие численность населения Советского Союза.

К настоящему времени сформулирована и получила широкое распространение гипотеза о преднамеренной фальсификации материалов переписи 1939 г. Действительная численность населения СССР на 17 января 1939 г. составляла не 170,5 млн. человек, а, по мнению М. С. Тольца — 168,1 млн.[15], В. В.Цаплина — 168,8 млн.[16], Е.М.Андреева, Л. Е. Дарского и Т. Л. Харьковой — 168,9 млн. человек[17]. Таким образом, поправки, сделанные независимо разными авторами и по различным методикам, колеблются в узком диапазоне от 1,0 до 1,5%. В абсолютном выражении вносимые в перепись 1939г. поправки не превышают 2,4 млн. человек, что для многомиллионного населения Советского Союза является статистически незначительной величиной.

Нельзя упускать из виду и тот факт, что нет такой переписи, которая учла бы население абсолютно точно. Недоучет или переучет населения — рядовое явление в практике мировой статистики. Проблема не в

ошибках счета, неизбежных при организации переписей, а в определении размеров погрешности и внесении соответствующих поправок. В этом смысле советская перепись 1939 г. вполне может служить в качестве источниковой базы научных исследований.

Итог дискуссии о степени фальсифицированности и возможностях научного использования переписи 1939 г. подвела В. Б. Жиромская: «Хотя фальсификация общего итога численности населения СССР имела место в переписи, она незначительна по своей величине. Материалами переписи можно пользоваться, но при условии коррекции»[18]. К сказанному добавлю только, что цифры, полученные в ходе переписи 1939г., имеют принципиальное значение. Перепись 1939г. является своего рода «реперной» точкой для определения потерь советского населения. Если численность населения по переписи 1939 г. завышена, это почти автоматически ведет к занижению людских потерь в период индустриализации и коллективизации в 1930-е гг. и преувеличению военных потерь Советского Союза в 1941-1945 гг.

Первая послевоенная перепись населения СССР, которая используется в книге в качестве еще одной «реперной» точки для определения советских потерь в 1941-1945 и во время голода 1946-1947 гг., была проведена только 15 января 1959 г. Она характеризуется достаточно высокой степенью точности: поправка, которую используют демографы, минимальна — 0,1% или, в абсолютном выражении, 0,2 млн. человек[9].

Регистрация естественного движения населения

Переписи, несмотря на все их достоинства, дают как бы моментальный снимок населения, его неподвижное, застывшее изображение. Они содержат богатый материал о численности и составе населения на определенный момент времени, но не отражают динамику собственно демографических событий: рождений, смертей, браков и разводов. Для выявления собственно процесса воспроизводства населения необходимо привлекать материалы текущей регистрации естественного движения населения.

В Российской империи рождения, браки, смерти фиксировались при совершении религиозных обрядов (крещения, венчания, отпевания у христиан и соответствующих обрядов у представителей других конфессий). Священнослужители вели метрические книги, и таким образом появлялась неполная, но все же приемлемая информация о демографических событиях.

В конце января 1918 г. функции регистрации рождений, браков, разводов и смертей были изъяты из ведения церкви и переданы государственным органам. В городах создавалась сеть загсов (запись актов гражданского состояния. — *Авт.),* а в сельской местности их обязанности возлагались на местные советы. Загсы должны были передавать полученные сведения в региональные статистические учреждения, откуда они поступали в ЦСУ, созданное 25 июля 1918 г. на правах народного комиссариата. ЦСУ после обработки материалов получало сводные данные по стране.

Гражданская война, экономическая разруха и политический хаос сделали регистрацию демографических событий практически невозможной. Процесс формирования сети загсов затянулся. Население в силу глубоко укоренившегося недоверия к государству и государственным чиновникам уклонялось от регистрации. В итоге старая система учета естественного движения населения была разрушена, новая — не сложилась. Один из руководителей ЦСУ советской России в 1920 г. подчеркивал: «...опыт введения новой системы регистрации естественного движения населения через посредство органов гражданской власти... до сих пор не увенчался успехом. Статистики естественного движения населения не существует»[20]. Ещё более определенно высказался статистик Д. Мерхалев, трудившийся в то суровое время в провинции: «Сейчас имеется больше данных о „рождаемости" у отдельных видов домашних животных, чем о рождаемости населения»[21].

Статистический хаос удалось ликвидировать только после завершения Гражданской войны. Стабилизация политической обстановки, постепенное преодоление разрухи в годы нэпа способствовали развитию системы учета естественного движения населения. Увеличивалось число загсов, повышалось качество их работы. В 1926 г. была отменена упрощенная статистическая карточка, введенная в 1919г. Отныне все сведения в загсах записывались в двух экземплярах, один из которых передавался в органы статистики для получения сводных данных. Полной регистрации демографических событий добиться не удалось. И все же тенденция к улучшению учета наметилась настолько отчетливо, что появилась возможность выпустить в свет ряд статистических справочников, посвященных развитию народонаселения СССР[22].

Однако в конце 1920-х гг. далеко не совершенная, но все же работающая система учета естественного движения населения стала распадаться. Народонаселение СССР в годы сталинского «большого скачка» развивалось нестабильно. Вопреки оптимистическим прогнозам, рождаемость сокращалась, а смертность увеличивалась. Коммунистическое

правительство приняло ряд мер с целью сокрытия статистической информации.

ЦСУ СССР, существовавшее на правах наркомата, 23 января 1930 г. было ликвидировано, а на его обломках в Госплане был создан сектор народно-хозяйственного учета, который был не в состоянии справиться с возложенными на него задачами по сбору статистической информации в масштабах всей страны. Понадобилось почти два года, чтобы осознать нетерпимость сложившейся ситуации. Только 17 декабря 1931 г. при Госплане было создано Центральное управление народно-хозяйственного учета СССР, позднее, 21 марта 1941 г., вновь переименованное в ЦСУ СССР, но так и не вышедшее из подчинения Госплану.

Вследствие этих организационных пертурбаций органы статистики потеряли и без того ограниченную самостоятельность. Они были поставлены под прямой контроль коммунистического правительства, превратились в «вооруженный арифмометрами отряд партии». Отныне важнейшей целью советской статистики было не столько получение объективной информации (эта задача не снималась, но ее решение отодвигалось на второй план), сколько выполнение идеологической функции — подтверждение языком цифр правильности политической линии Сталина.

Чтобы утаить цифры, характеризующие действительное состояние демографической сферы, и одновременно закрепить подчиненное положение советской статистики, 1 февраля 1933 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение, запрещающее публикацию каких-либо данных до обнародования официальных сведений. Отныне все материалы могли издаваться лишь с разрешения Госплана СССР[23].

В 1934 г. загсы как органы сбора первичных данных о народонаселении были переданы в ведение НКВД. Таким образом, гражданского статистического учета в СССР в буквальном смысле этого понятия не было вовсе. (О гражданском статистическом учете можно говорить с некоторой натяжкой, имея в виду, что органы НКВД, используя сеть загсов, наблюдали за гражданским населением.)

Окончательно советская демографическая статистика была «добита» постановлением ЦК ВКП(б) от 21 сентября 1935 г. «О постановке учета естественного движения населения»[24]. Документ содержал нелепые и грубые обвинения в адрес работников статистических учреждений и загсов, в которых классовые враги — бывшие священники, кулаки и белогвардейцы — якобы проводили вредительскую работу, скрывая рост населения Советского Союза путем умышленного недоучета рождаемости и завышения смертности. Публикация данных о населении была практически полностью прекращена и вновь возобновилась в ограниченном объеме только после переписи 1939 г. М. С. Тольц несомненно прав, определяя 1930-е гг. как период катастрофы советской демографической статистики[25].

Демографические события в СССР регистрировались с огромными погрешностями. По современным оценкам, в 1927-1929 гг. в стране не было зафиксировано 24% рождений и почти 60% смертей, в 1930-1933 гг. — соответственно 42 и 94% (!), в 1934-1936 гг. — 16 и 24%[26]. Очень низким было качество регистрации структурных показателей смертности — причин смерти людей и половозрастного состава умерших.

Деятельность загсов распространялась только на гражданское население. Они не фиксировали рождения и смерти среди спецпереселенцев и заключенных. Эти функции возлагались на комендатуры НКВД и учетно-распределительные части (УРЧ) мест лишения свободы. Данные комендатур и УРЧ были строго секретными, и таким образом из поля статистического наблюдения выпадало несколько миллионов человек.

По существу, в 193 0-е гг. даже Сталин имел очень смутное представление о численности и структуре населения (если следовать марксистской терминологии — главной производительной силы) страны, которой он с такой самоуверенностью управлял. Есть все основания утверждать, что реставрировать полную картину динамики численности и воспроизводства населения СССР в первой половине 193 0-х гг. из-за погрешностей учета не удастся уже никогда. Сегодня возможны лишь оценки, позволяющие определить самые общие тенденции развития демографической сферы в СССР.

В сторону улучшения ситуация изменилась только во второй половине 1930-х гг., после преодоления некоторых очевидных демографических последствий катастрофы, связанной с голодом 1932-1933 гг. Этому в немалой степени способствовали потребности тоталитарного государства, стремящегося к установлению по возможности полного контроля над страной, в том числе над личной жизнью её граждан. 27 июля 1936 г. постановлением ЦИК и СНК СССР «О порядке и сроках регистрации рождений и смертей» было решено ввести административную ответственность за уклонение от регистрации[27]. Кроме того, согласно инструкции Комиссии по вопросам культа при ВЦИК РСФСР от 16 октября 1932 г., захоронение умершего допускалось «лишь после того, как факт смерти будет зарегистрирован в органе записей актов гражданского состояния»[28].

Но добиться полной регистрации демографических событий так и не удалось. На части территории СССР загсов не было вовсе. Ряд загсов и

сельсоветов не смогли организовать сбор сведений о населении. В 1940г., например, из 510633 загсов, действовавших на территории РСФСР, 192 вообще не представили материалов[29].

Но даже там, где функционировали вполне работоспособные службы учета населения, люди по тем или иным причинам не регистрировали родившихся и умерших. Это было особенно характерно для сельской местности. Начальник ЦУНХУ И. В. Саутин в письме председателю Госплана СССР Н. А. Вознесенскому от 31 марта 1940 г. сообщал: «Вследствие неполного охвата загсов, а также вследствие того, что население не все случаи рождений и смертей регистрирует в загсах, приводимые... цифры не являются вполне точными»[30]. По существующим оценкам, в 1940 г. в Советском Союзе не были зафиксированы 904 тыс. рождений и 686 тыс. смертей[31].

Это не означает, что материалы, собранные советскими статистиками в 1930-е — начале 1940-х гг., не могут быть положены в основу расчета людских потерь. Их использование вполне правомерно, но только при условии внесения обоснованных поправок.

Важный шаг в сторону улучшения системы учета движения населения был сделан в конце 1939 г., когда в соответствии с приказом НКВД СССР № 00674 смертность заключенных стала учитываться общегражданскими загсами[32]. Отныне начальники многочисленных лагерей, колоний и тюрем были обязаны в трехдневный срок направлять в общегражданские загсы по месту постоянного (до ареста) жительства заключенных извещение о каждом случае смерти. Но приказ этот выполнялся руководителями учетно-распределительных частей мест заключения крайне неохотно и со значительными нарушениями. Материалы о смерти заключенных направлялись в загсы и сельсоветы с большим опозданием. Сведения об умерших в конце 1930-х гг. заключенных поступали в гражданские регистрационные органы даже в 1943 г., что только запутывало учет естественного движения населения. Погибшие узники лагерей в документах фиксировались как гражданские лица. Начальник Отдела демографии ЦСУ СССР И.Ю.Писарев в апреле 1941 г. строго предупреждал руководителей республиканских, краевых и областных статистических управлений: «Вторые экземпляры актов гражданского состояния, полученные от комендатур НКВД, разрабатываются вместе с общим массивом актов... Никаких подсчетов актов по комендатурам производить не следует»[33]. В результате тысячи заключенных, погибших в воркутинских, сибирских, дальневосточных и других лагерях, ссыльные и высланные в статистических документах фиксировались как ленинградцы, киевляне, рязанцы и т. д. Вычленить смерти этой категории

граждан из общего массива статистических данных, имеющихся в загсах, не представляется возможным.

Годы Великой Отечественной войны характеризуются противоречивыми тенденциями в развитии советской системы учета естественного движения населения. В принципе надежность статистической информации о рождаемости, смертности и брачности населения тыловых районов России повысилась. Государство, заинтересованное в точных сведениях о трудовых и военно-мобилизационных ресурсах страны, усилило контроль за деятельностью загсов и сельсоветов. Уклонение граждан от регистрации родившихся детей и умерших родственников, а равно нерадивость чиновников, не фиксировавших в установленные сроки демографические события, карались в уголовном порядке вплоть до лишения свободы.

В 1941-1942 гг. доля населения тыловых районов России, охваченного загсовским и сельсоветским учетом, достигла 99%[34]. Это не означает, что теперь фиксировались все без исключения демографические события. Часть их, особенно в отдаленных районах сельской местности, выпадала из сферы статистического наблюдения. В городах люди не регистрировали смертные случаи, чтобы избежать уплотнения жилья или продолжать получение продуктов по карточкам скончавшегося родственника. Недостаточно высокой, как и прежде, оставалась фиксация качественных характеристик демографического процесса. Со значительными погрешностями регистрировались пол и возраст умерших. Из-за нехватки врачей зачастую «на глазок» определялись причины смерти, а в сельской местности большинства краев, областей и автономных республик такая статистика вообще не велась.

Не проводился учет естественного движения населения и на захваченных врагом территориях СССР. Попытки оккупационных властей наладить систему регистрации провалились полностью. Из сферы статистического наблюдения по мере отступления Красной армии выпадали сотни городов и поселков городского типа, тысячи сел и деревень. Хотя бы частично восстановить отдельные тенденции воспроизводства советского населения во время оккупации можно только на основе косвенных данных и оценочных расчетов.

Освобождение советской территории от захватчиков вело к расширению границ учета. В итоге имеющиеся архивные материалы о естественном движении населения СССР в годы Великой Отечественной войны территориально несопоставимы: они в значительной степени зависят от конфигурации линии фронта.

Особенностью советской демографической статистики в годы войны было наличие большого количества граждан, в документах того времени обозначаемых как «нераспределенные по территории». К этой группе населения, почти полностью выпадавшей из сферы гражданского статистического наблюдения, обычно относили военнослужащих (на фронте, в тыловых частях, в госпиталях), а также спецконтингент (заключенные, ссыльные, высланные).

Солдаты и офицеры Красной армии, погибшие в бою, умершие от ран и болезней, учитывались только наркоматом обороны. Начальник Отдела демографии ЦСУ И. Ю. Писарев в письме руководителям статистических управлений союзных республик в июле 1942 г. специально подчеркивал: «В связи с запросами, Отдел демографии ЦСУ Госплана СССР разъясняет, что смерти военнослужащих, погибших на фронтах и умерших от ран и болезней в госпиталях (только из числа эвакуированных с фронта), регистрируются органами НКО СССР и регистрации в органах загс НКВД СССР не подлежат»[35]. Однако наркомат обороны не справлялся полностью со своими обязанностями, и учет погибших солдат и офицеров в течение всей войны, а особенно в начальный ее период, проводился с очень большими погрешностями. Не менее запутан вопрос о регистрации умерших военнослужащих в тыловых эвакогоспиталях. Часть солдат и офицеров, скончавшихся в госпиталях от ран и болезней, регистрировалась органами наркомата обороны, часть попадала в статистику загсов. Начальник ЦСУ В. Н. Старовский в служебной записке от 15 апреля 1942 г., направленной в Главное управление формирования и укомплектования наркомата обороны СССР и в Главное управление милиции НКВД СССР, писал: «Военнослужащие, умершие от болезней, учитываются в органах наркомата обороны, и, наряду с этим, смертность их в ряде случаев, в особенности в тыловых районах, регистрируется в отделах ЗАГС»[36]. Но «очистить» от двойного счета данные о смерти военнослужащих в тылу не представляется возможным.

Вторая мировая война, вне всякого сомнения, дезорганизовала советскую систему учета естественного движения населения. Она была полностью восстановлена только во второй половине — конце 1950-х гг., но это уже выходит за рамки нашего исследования и здесь не рассматривается.

Примечания

1. Сост. по: *Исупов А. А., Дмитриева Р. М.* Организация переписей и текущего учета населения СССР. М., 1980. С. 13; Демографический энциклопедический словарь. М., 1985. С. 557-559; *Клупт М. А.* Летопись жизни. М., 1988. С. 84-85.

2. Демографический энциклопедический словарь. С. 323.
3. Население Советского Союза: 1922-1991. М., 1993. С. 22.
4. Всесоюзная перепись населения 1937 г.: Краткие итоги. М., 1991. С. 46-47.
5. *Сталин И. В.* Сочинения. Т. 12. М., 1949. С. 299.
6. Известия. 1935. 5 декабря.
7. Всесоюзная перепись населения 1937 г. С. 46-47.
8. РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 143, л. 121.
9. Всесоюзная перепись населения 1937 г. С. 227.
10. Правда. 1939. 4 сентября.
11. Известия. 1939. 6 сентября.
12. Численность населения СССР на 17 января 1939 г. М., 1941. С. 2.
13. РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 279, л. 57-60.
14. XVIII съезд Всероссийской Коммунистической партии (б). Стенографиче ский отчет. М., 1939. С. 18-19.
15. *Тольц М. С.* Репрессированная перепись // Родина. 1989. № 11. С. 60.
16. *ЦаплинВ. В.* Статистика жертв сталинизма в 30-е годы// Вопросы истории. 1989. №4. С. 180.
17. *Андреев Е., Царский Л., Харькова!.* Опыт оценки численности населения СССР. 1926-1941 гг. (Краткие результаты исследования.)// Вестник стати стики. 1990. №7. С. 38.
18. *ЖиромскаяВ. Б.* Численность населения России в 1939г.: поиск истины// Население России в 1920-1950-е годы: Численность, потери, миграции. М., 1994. С. 34-35.
19. Население Советского Союза. С. 62-63.
20. Цит. по: *Новосельский С. А.* Влияние войны на естественное движение насе ления // Труды комиссии по обследованию санитарных последствий войны 1914-1920 гг. Вып. 1. М.; Пг., 1923. С. 101.
21. *МерхалёвД.* Рождаемость за время войны и революции в Сибири // Сборник Сибирского статистического управления. Новониколаевск, 1922. Вып. 7, т. 2. С. 95.
22. Естественное движение населения Союза ССР в 1926 г. М., 1929; Естествен ное движение населения РСФСР за 1926 год. М., 1928.
23. Правда. 1988. 28 октября; История России. 1917-1940. Челябинск, 1994. С. 273.
24. Известия. 1935. 28 сентября.
25. *Тольц М. С.* Недоступное измерение// В человеческом измерении. М., 1989. С. 326.
26. Население Советского Союза. С. 44.
27. Сборник важнейших официальных и справочных материалов по санитарным и противоэпидемическим вопросам в помощь госсанинспектору и эпиде миологу. М.; Л., 1941. С. 43.
28. Там же. С. 81-82.
29. РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 402, л. 57.
30. Там же, д. 406, л. 20.

31. Население Советского Союза. С. 55.
32. Государственный архив Алтайского края (ГААК), ф. 635, оп. 2, д. 74, л. 76 об.
33. РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 540, л. 57.
34. *Исупов В. А.* Смертность населения в тыловых районах России в 1941-1942 годах // Население России в 1920-1950-е годы... С. 96.
35. РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 793, л. 3.
36 Там же д 791, л 66.

--•

Глава 5

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИЗМЕРИТЕЛИ

Этот небольшой раздел необходим для лучшего понимания текста книги. Описательная (классическая) история не знает проблемы измерителя. Но для исторической демографии, являющей собой своеобразный сплав гуманитарного и точного знания, вопрос: как измерять процессы рождаемости и смертности? — один из важнейших. С этой целью историки, которые, как правило, «не дружат» с математикой, вторгаясь в сферу демографических исследований, используют упрощенный вариант разработанной демографами системы коэффициентов.

Прежде всего, это общие, или, как их иногда называют, грубые коэффициенты естественного движения населения, представляющие собой соотношение годового (чаще всего) числа демографических событий к средней численности населения. Они обозначаются знаком ‰ — промилле (от латинского pro mille — «на тысячу», по аналогии с pro cent — «на сто»). Например, уровень рождаемости 18‰ означает, что в течение календарного года на каждую тысячу человек родилось 18 младенцев, а уровень смертности 7‰ означает, что из каждой тысячи человек в течение года умерло семеро.

Пусть 5 — среднегодовая численность населения, N — число родившихся в течение года, M— число умерших в течение года, тогда общий коэффициент рождаемости

$$n = \frac{N}{S} * 1000$$

общий коэффициент смертности

$$m = M/S*1000$$

коэффициент естественного прироста есть разность общих коэффициентов рождаемости и смертности:

$$k = (N/S*1000) - (M/S*1000) = n-m$$

Общие (грубые) коэффициенты естественного движения населения обладают существенным недостатком: они зависят от состава населения

по возрасту и полу, а следовательно, передают демографическую картину в искаженном виде. Например, увеличение числа стариков заметно повышает коэффициент смертности, а увеличение доли молодежи в населении позитивно отражается на коэффициенте рождаемости. Зависимость грубых коэффициентов от структурных факторов значительно снижает их аналитические возможности, затрудняет их сопоставимость. Последнее особенно важно для исторической демографии, поскольку историкам часто приходится сопоставлять уровни рождаемости или смертности в разные годы. В самом деле, как сравнить коэффициенты смертности, например, за 1913 г. и 1940 г. при условии, что структура населения в эти годы была явно неодинаковой?

Чтобы исключить влияние структурных факторов, демографы разработали более точные способы измерения, в частности повозрастные показатели рождаемости и смертности. Они рассчитываются как отношение демографических событий к определенной половозрастной группе. Например, можно определить коэффициент смертности мужчин (или женщин) в возрасте 8, 17, 30, 60 лет, выявить число родившихся на тысячу женщин молодого, среднего и старшего возраста.

Особое место в системе демографических измерителей занимает коэффициент детской (младенческой) смертности. Он представляет собой отношение числа умерших в возрасте до 1 года к числу родившихся:

$$K = \frac{M}{N} 1000,$$

где *M*— число умерших в возрасте до 1 года, N— число родившихся.

Имеются и другие, более точные способы расчета коэффициента детской смертности, но они в данном случае не рассматриваются, как не имеющие принципиального значения для нашей работы.

Наиболее достоверным способом измерения смертности являются демографические таблицы. Они позволяют максимально нейтрализовать влияние структурных факторов. Для нас самым важным показателем таблиц смертности является ожидаемая продолжительность жизни, рассчитываемая для каждого поколения людей отдельно. Ожидаемая продолжительность жизни для новорожденных показывает число лет, которые предстоит прожить человеку при условии, что на протяжении всей его жизни уровень смертности не изменится.

Глава 6 НАСЕЛЕНИЕ И ТЕРРИТОРИЯ

Нет населения без территории. Изменение внешних границ страны (присоединение или отторжение земель) оказывает значительное воздействие на численность и состав населения. Этот фактор особенно важен для понимания исторических текстов, поскольку перед историками всегда стояла задача сопоставления численности населения в разные периоды. Между тем территория Российской империи, а затем и Советского Союза постоянно изменялась. Расширение, а иногда и сокращение территории важно постоянно иметь в виду при расчетах численности населения. Недооценка этого фактора может привести к ошибочным выводам и неточностям.

Портсмутский мирный договор

В XX столетии первое крупное изменение внешних границ Российской империи произошло в 1905 г. После поражения в Русско-японской войне Россия, согласно Портсмутскому мирному договору, вынуждена была уступить Японии южную часть острова Сахалин до 50-й параллели. Но это не оказало заметного воздействия на численность населения страны. Япония получила пустующую территорию, основная часть жителей которой была переселена в российские земли. По данным Л. Л. Рыбаковского, в декабре 1905 г. в южной части Сахалина оставалось 150-200 русских[1].

Брестский мирный договор

Только после Брестского мирного договора, заключенного в марте 1918г. по настоянию Ленина, численность населения бывшей Российской империи претерпела значительные изменения. От России отделились и получили независимость Финляндия, Польша, Эстония, Латвия и Литва. В состав Румынии была включена Бессарабия, к Турции отошел Карский пашалык, а Польша отторгла западноукраинские и западнобелорусские земли. В течение 1920-1921 гг. было заключено восемь международных договоров, закрепивших новые границы советской России.

Юридически неотрегулированной вплоть до 1940 г. оставалась только граница с Румынией из-за нежелания советского правительства признать отторжение Бессарабии[2].

По приблизительным оценкам статистиков, сделанных в 1920 г., от России отделились территории площадью около 710 тыс. кв. верст (757,4 тыс. км^2) с населением 28,6 млн. человек (таблица 6.1)[3].

Таблица 6.1

Территория и население регионов бывшей Российской империи, отторгнутых в результате заключения Брестского мирного договора 1918 г.

Регионы	Площадь, тыс. кв. верст	Население, тыс. человек		Новый статус
		1897 г. (по переписи)	1920 г. (по оценке)	
Финляндия	286,5	2527	3348	Независимое государство
Эстония[4]	36,0	982	1750	-«-
Латвия	61,0	2011	2500	-«-
Литва[5]	51,5	2283	2246	-«-
Польша[6]	218,5	14039	16022	-«-
Бессарабия	39,0	1935	2213	В составе Румынии
Карский пашалык	17,5	373	492	В составе Турции
Всего	710,0	24 150	28571	

В 1960-е гг. в советской печати были приведены несколько иные цифры, согласно которым территория нашей страны после Брестского мира уменьшилась на 0,6 млн. км^2 — с 22,3 до 21,7 млн. км^2. Соответственно сократилось и население. В 1913 г. в стране (в границах Российской империи) насчитывалось 165,7 млн. человек. В том же 1913 г., но после пересчета численности населения в границах СССР до 17 сентября 1939 г. (без Польши, Западной Украины, Западной Белоруссии, Прибалтики, Финляндии, Бессарабии, Северной Буковины, Карского пашалыка) — 139,3 млн.[7]. Следовательно, только за счет отторжения территорий страна потеряла 26,4 млн. человек.

Эти официальные цифры, скорее всего, несколько занижены. При их расчете статистики не учли, что Бухара и Хива были включены в состав СССР только в середине 1920-х гг. До Октябрьского переворота 1917 г. Бухарский эмират и Хивинское ханство находились под протекторатом

Российской империи, но не входили в её состав официально. Пренебрегли статистики и тем фактом, что город Мемель (ныне Клайпеда) в марте 1939 г. отошел к Германии и стал советским лишь в январе 1945 г. Кроме того, в этом расчете не учтены изменения территории и населения в связи с вхождением в 1944 г. в состав СССР Тувы — бывшего Урянхайского края (протектората Российской империи), а после большевистского переворота 1917 г. и до 1944 г. — формально независимого государства.

В 1986 г. эта оценка была уточнена Ю. А. Поляковым. По его подсчетам, после заключения Брестского мира в состав других государств отошла территория в 718,8 тыс. кв. верст (818 тыс. км^2) с населением 31-32 млн. человек[8].

Сталинские аннексии 1939-1940 гг.

В конце, 1930-х —начале 1940-х гг. Сталин предпринял небезуспешную попытку вернуть то, что потерял Ленин в 1918 г. После заключения 23 августа 1939 г. договора о ненападении с нацистской Германией и подписания «секретного протокола» границы СССР были значительно расширены. 17 сентября 1939 г. вследствие так называемого освободительного похода в состав Советского Союза были включены отторгнутые от Польши Западная Украина (в том числе город Лемберг, ныне Львов, в состав Российской империи не входивший) и Западная Белоруссия, включая Белостокский выступ. В 1940 г. были аннексированы независимые государства Эстония, Латвия и Литва, а от Румынии отошли Бессарабия и Северная Буковина. В марте 1940 г. проигравшая «зимнюю войну» Финляндия вынуждена была уступить Советскому Союзу часть Карельского перешейка с городом Виипури (ныне Выборг), а также часть полуострова Рыбачий и некоторые острова на Балтийском море.

Финские территории достались Советскому Союзу пустынными — население было эвакуировано в глубь Финляндии, чего нельзя сказать о всех остальных присоединенных районах. В западных Украине и Белоруссии, в Бессарабии и Северной Буковине проживали несколько миллионов украинцев, белорусов, молдаван и евреев. В странах Прибалтики — эстонцы, латыши, литовцы, русские и другие. Расчеты советских статистиков, организованные «по горячим следам» в конце 1940 г., приведены в таблице 6.2.[9]

. .

Таблица 6.2

Территория и население регионов, включенных в состав СССР в 1939-1940 гг.

Изменения границ СССР	Территория, тыс. км^2	Население, тыс. человек
СССР в границах до 17 сентября 1939 г.	21 333,2	170 557,1
Расширение границ в сентябре 1939 г.		
за счет Польши	194,1	12818,0
В том числе присоединение Западной Украины	93,0	8 000,0
Западной Белоруссии	101,1	4818,0
СССР в границах на январь 1940 г.	21 527,3	183 375,1
Расширение границ в 1940 г.	266,2	9 627,6
В том числе за счет Финляндии	43,7	—
Румынии	50,5	3 677,6
В том числе присоединение Бессарабии	45,1	3 173,7
Северной Буковины	5,4	503,9
присоединения Литвы	59,8	2 880,0
присоединения Латвиии	65,6	1 950,0
присоединения Эстонии	46,6	1 120,0
СССР в границах на ноябрь 1940 г.	21 793,5	193 002,7

Итак, в 1939 и 1940 гг. Сталин, воспользовавшись геополитической ситуацией, сложившейся в начале Второй мировой войны, присоединил к Советскому Союзу территории площадью свыше 460 тыс. км^2, на которых проживало приблизительно 22,4 млн. человек. Сталину не удалось вернуть полностью то, что потерял Ленин в 1918 г., но территориальные потери были в основном компенсированы.

Изменения территории СССР в ходе и после Великой Отечественной войны

В 1944 г. к Советскому Союзу была присоединена в качестве Тувинской АССР формально независимая Тувинская народная республика. Население Тувы в мае 1945 г., по оценкам статистиков тех лет, составляло 97 тыс. человек[10]. В 1945г. Чехословакия уступила Советскому Союзу Закарпатскую Украину с центром в городе Ужгород. Здесь, согласно регистрации населения, организованной органами НКВД в ок-

тябре 1945 г., проживало 718,9 тыс. человек". В том же году в состав Литовской ССР был включен город Мемель (ныне Клайпеда).

В 1945 г. по договору с Польшей из СССР вышла Белостокская область (Белостокский выступ), где в 1941 г. проживало 1 368,8 тыс. человек[12]. Польша, в свою очередь, передала Советскому Союзу район с центром в городе Владимир-Волынский. Его население в январе 1945 г. насчитывало почти 10 тыс. человек[13]. Кроме того, к Советскому Союзу в 1945 г. отошла значительная часть Восточной Пруссии с центром в городе Кенигсберг (ныне Калининград) площадью 15,1 тыс. км^2 [и]. Жители Восточной Пруссии были депортированы в Германию.

Тогда же, в 1945 г., от Японии были отторгнуты Южный Сахалин и Курильские острова. Финляндия передала СССР район Печенги. Но присоединение этих земель не оказало воздействия на численность населения нашей страны. Они достались Советскому Союзу пустынными — местное население покинуло их.

Сталину не удалось вернуть полностью все земли, принадлежавшие бывшей Российской империи. В частности, Карский пашалык так и остался турецким. Но в силу того что Сталин присоединил к СССР земли, ранее в состав Российской империи не входившие, территория Советского Союза к концу 1945 г. расширилась до 22,4 тыс. км^2 и, таким образом, немного превысила площадь Российской империи, составлявшую в 1913 г. 22,3 млн. км^2[15]. На присоединенных территориях проживало несколько миллионов человек, что нельзя не учитывать при анализе демографического развития нашей страны. В таких границах Советский Союз просуществовал до августа 1991 г.

Примечания

1. *Рыбаковский Л. Л.* Население Дальнего Востока за 150 лет. М., 1990. С. 60.
2. См. подробнее: *Поляков Ю. А.* Советская страна после окончания Гражданской войны: Территория и население. М., 1986. С. 38-49.
3. Сост. по: Статистический ежегодник 1918-1920 гг. Вып. 1. М., 1920. С. 6-7.
4. Население Эстонии и Латвии в 1920 г. показано по английским консульским отчетам и, возможно, преувеличено.
5. Население Литвы в этнографических границах.
6. Население только «русской» (Восточной) Польши, без других территорий. Население всей Польши в 1920 г. — приблизительно 33 млн. человек.
7. Вестник статистики. 1963. № 11. С. 92.
8. *Поляков Ю. А.* Советская страна... С. 47.
9. Сост. по: РГАЭ, ф. 1562, оп. 20, д. 241, л. 12.

Ю. Там же, д. 564, л. 31 об.

П. Там же, д. 626, л. 121,122.
12. Там же, д. 241, л. 55.
13. Там же, д. 569, л. 59.
14. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года: РСФСР. М., 1963. С. 12
15. Вестник статистики. 1963. № 11. С. 92.

Глава 7

НАСЕЛЕНИЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В НАЧАЛЕ XX СТОЛЕТИЯ

Советская историография долгое время традиционно рассматривала демографическое развитие России в период до октября 1917 г. с позиции «все было очень плохо». Смертность оценивалась как повышенная, продолжительность жизни людей интерпретировалась только как низкая, а уровень инфекционной заболеваемости — как предельно высокий. Позитивные изменения в развитии демографической сферы империи игнорировались. Такого рода негативизм, хотя и имеет под собой веские основания, все же требует существенной коррекции, особенно с учетом динамики демографического развития страны.

Динамика смертности

В начале XX в. демографическая ситуация в Российской империи действительно была непростой. По большинству показателей (структура причин смерти, параметры смертности, продолжительность жизни) Россия отставала от развитых стран мира. В среднем за 1901-1910 гг. общий коэффициент смертности составлял: в Швеции— 14,9%о, в Англии и Уэльсе— 15,4, в Германии— 18,7, во Франции— 19,3, тогда как в России— 25,9%о'. Повышенной была в Российской империи и детская смертность. В 1905 г., например, из всей совокупности умерших более 60% приходилось на детей до 5 лет[2]. Нестабильность демографической ситуации в империи в значительной степени обусловливалась низким уровнем жизни населения (особенно земледельческого и скотоводческого), периодически повторяющимися неурожаями (фактор природной стихии), слабостью здравоохранения и санитарных служб.

И все же перелом, вследствие которого наступили бы решительные изменения к лучшему, был близок. Советские историки упорно не хотели замечать динамику развития, не видели, что в начале XX столетия Россия оказалась на пороге демографического перехода, означавшего кардинальные позитивные сдвиги.

В XX в. Российская империя вступила как относительно благополучное государство. Ускоренный экономический рост, обусловленный реформами Александра II, сопровождался повышением жизнеобеспеченности населения и его культуры. Развитие технологий означало существенное ограничение действия факторов природной стихии. Народы, населявшие огромную территорию Российской империи, быть может, не очень быстро, но глубоко впитывали элементы европейской цивилизации, а вместе с ними и новое отношение к собственной жизни. Человек «как мера всех вещей» занимал все более высокое место в системе ценностей россиян.

По степени жизнеобеспеченности населения, особенно крестьянского, Российская империя еще заметно уступала развитым государствам Европы и Северной Америке. Россия являла собой типичную страну контрастов, где самым причудливым образом сочетались дикость азиатских степей с передовыми по тому времени технологиями и урбанизированным образом жизни в Санкт-Петербурге, Москве, Нижнем Новгороде и других промышленных и административно-культурных центрах. Но рост материального благосостояния и культуры народа на всей территории империи очевиден. Это признавал даже такой субъективно настроенный политик, как Ленин. В 1903 г. он писал: «Промышленность и сравнительно развитые торговые сношения с остальным миром поднимают жизненный уровень населения и его культурность»[3]. В этом контексте динамику демографической сферы Российской империи в начале XX в. логично рассматривать как противоречивый, но позитивный в целом процесс, в ходе которого ведущим направлением тренда смертности стало его устойчивое снижение (таблица 7.1)[4].

Таблица 7.1

Воспроизводство населения в 50 губерниях европейской России в 1901-1913 гг., %о

Годы	Родилось	Умерло	Естественный прирост
1901-1905	47,7	31,0	16,7
1911-1913	43,9	27,1	16,8

За период с 1901-1905 по 1911-1913 гг. общий коэффициент смертности населения европейской России сократился более чем на 12%. Снижение смертности было характерно не только для европейской части империи, но практически для всей территории страны. Так, на Урале

из каждой тысячи человек в 1863 г. скончалось 55, в 1892 г. — 48, в 1905 г. — 43, в 1913 г. — 41 человек[5]. В Сибири в 1900 г. общий коэффициент смертности составлял 3 5,9%о, в 1913 г. — 31,1 %о[6].

Особенно заметное падение показателей смертности произошло после выхода России из Русско-японской войны и революционного кризиса 1905 г. По оценке выдающегося отечественного демографа и статистика С. А. Новосельского, уровень смертности, достигавший в 1905 г. почти 32%о, сократился к 1912г. до 26,5%о[7]. По данным официальной советской статистики, общий коэффициент смертности населения Российской империи в 1913 г. (в границах СССР 1991 г.) составлял 29,1%о, в том числе в городах— 21,9, в сельской местности— 30,7%о[8]. Но в любом случае он был ниже, чем в начале века, а тем более в 1905 г.

В основе снижения общих коэффициентов смертности лежало сокращение летальности в детских возрастах. Вероятность смерти новорожденных мальчиков в 50 губерниях европейской России за период с 1896-1897 по 1907-1910 гг. уменьшилась на 9%, новорожденных девочек — на 8, пятилетних мальчиков— на 14. девочек— на 15, десятилетних детей (мальчиков и девочек) — на 8%[9]. Если в 1900 г. из каждой тысячи родившихся младенцев не дожили до года 252 ребенка, то в 1911 г. — 237 детей[10]. Таким образом, в течение первого десятилетия XX в. уровень детской смертности в России уменьшился на 6%.

Возрастала, хотя и медленно, продолжительность жизни россиян. В 1884-1893 гг. она не превышала (в европейской части империи) у мужчин 29 лет, у женщин 31 года, в 1894-1903 гг. составляла соответственно 31 и 33 года, в 1904-1913 гг. выросла до 32 и 35 лет".

Снижение показателей смертности, в особенности детской, определялось главным образом сокращением числа умерших от острых инфекций. В 1893-1897 гг. от заразных болезней в Российской империи скончалось 546 тыс., в 1903-1907 гг.— 431 тыс., в 1908-1912 гг. — 409 тыс. человек[12]. Число умерших от оспы за период с 1901-1905 по 1911-1914гг. уменьшилось в 1,4 раза, от тифов— на 23%, от скарлатины, дифтерии, кори и коклюша — на 18%[13].

Снижение смертности от инфекционных и желудочно-кишечных болезней, которые в начале века уносили подавляющее большинство жизней россиян, было основным стратегическим резервом дальнейшего увеличения продолжительности жизни. Дальнейшее использование этого ресурса определялось развитием земской медицины, распространением санитарных знаний среди населения. С. А. Новосельский счел нужным специально подчеркнуть, что главными причинами позитивных изменений в динамике смертности населения России были повышение

культурного уровня людей и расширение бесплатной медицинской помощи[14]. Достаточно сказать, что только в течение 1913—1914 гг. в Российской империи было организовано более 10 млн. предохранительных прививок, являвшихся главным средством профилактики инфекционных заболеваний[15].

Динамика рождаемости

Россия стояла на пороге демографического перехода. Снижающаяся, но еще высокая смертность населения империи компенсировалась интенсивной рождаемостью. Её показатели, превышая отметку 40‰ (см. таблицу 7.1), фактически колебались почти на грани физиологических возможностей женского организма. Только в городах, особенно крупных, отдельные слои населения делали первые шаги к контролируемой рождаемости, уровень которой в стране начинал плавно сокращаться. Но этот фактор не мог кардинально воздействовать на интенсивность детопроизводства, так как в сельской местности, где проживало подавляющее большинство россиян, вопрос о контроле над рождаемостью еще не стоял. Естественный прирост в среднем за 1901-1913 гг. колебался в пределах 17‰.

Динамика численности населения

Высокие показатели естественного прироста обеспечивали в конечном счете быстрый рост численности россиян[16]:

Дата	Численность населения России в границах СССР до 17.09.1939 г., тыс. человек
1 января 1900 г.	109595,1
1 января 1905 г.	120082,9
1 января 1914 г.	139912,7

Приведенные данные показывают, что за 14 лет— с 1 января 1900 г. по 1 января 1914 г. — население Российской империи выросло почти на 28%. В абсолютном выражении прирост составил более 30 млн. человек. Ежегодно население страны увеличивалось в среднем на 2,2 млн. человек.

Демографический кризис 1905 г.

Было бы неверно представлять динамику демографического развития Российской империи в начале XX в. только как позитивный процесс,

обеспечивавший быстрый рост численности населения на основе высокой рождаемости и постоянно снижающейся смертности. В 1905 г. это поступательное движение было прервано демографическим кризисом, обусловленным Русско-японской войной и первой русской революцией (таблица 7.2)[17].

Таблица 7.2

Воспроизводство населения европейской России в 1903-1906 гг.

Год	Родилось		Умерло[18]		Естественный прирост	
	тыс. человек	‰	тыс. человек	‰	тыс. человек	‰
1903	4 978,3	48,1	3 103,2	30,0	1 875,1	18,1
1904	5 124,5	48,6	3 153,1	29,9	1 971,4	18,7
1905	4 830,3	45,0	3 405,5	31,7	1 424,8	13,3
1906	5 120,6	47,1	3 253,6	29,9	1 867,0	17,2

Демографические последствия Русско-японской войны, которая началась 27 января 1904 г., в полной мере проявились на втором году боевых действий— в 1905 г., когда коэффициент рождаемости населения России сократился по отношению к предшествующему году на 7,4%. Главным фактором уменьшения рождаемости явился характерный для военных лет распад уже сложившихся брачно-семейных отношений и дефицит женихов, обусловленные призывом дополнительного контингента мужчин в армию. Об этом, в частности, свидетельствует снижение количества заключаемых браков. В 1903 г. в европейских районах Российской империи было зафиксировано 919 тыс., в 1904 г. — 803 тыс., в 1905 г. — 817 тыс. браков[19]. И если в течение примерно девяти месяцев после начала массовой мобилизации (до осени 1904 г.) реализовывался довоенный запас зачатий и рождаемость оставалась высокой, то с конца 1904 г. — начала 1905 г. возобладала тенденция к уменьшению числа родившихся. Данные таблицы 7.2 показывают, что в 1903 г. в европей ской части России родилось 5 млн., в 1904 г. — 5,1 млн., тогда как в 1905 г. — 4,8 млн. младенцев. Таким образом, только по европейским регионам империи в 1905 г. родилось на 300 тыс. человек меньше, чем в 1904 г.

Процесс снижения рождаемости коснулся не только населения, проживавшего в европейской части страны, но и охватил все регионы, где проводилась военная мобилизация: Урал, Западную и Восточную

Сибирь, Дальний Восток. Так, в Сибири в 1903 г. коэффициент рождаемости составлял 50,1‰, тогда как в 1905 г. — 45,4‰[20]. Следовательно, дефицит рождений, образовавшийся в результате пертурбаций 1905г., составлял не 300 тыс., а большую величину, возможно около 400-450 тыс. человек.

Демографический кризис 1905 г. проявился и в некотором повышении уровня смертности населения. Важно отметить, что это повышение не было столь значительным, чтобы вызвать демографическую катастрофу. Общий коэффициент смертности в империи за 1904-1905 гг. увеличился на 6% (см. таблицу 7.2). В 1904 г. в европейской части страны скончалось 3,1 млн., а в 1905 г. — 3,4 млн. человек (без боевых потерь армии и флота). Таким образом, сверхсмертность гражданского населения составляла примерно 0,3 млн. человек, а с учетом всей остальной территории России — 0,35-0,40 млн. человек. Поскольку в данные таблицы 7.2 военные потери не входят, можно предположить, что в основной массе это косвенные жертвы Русско-японской войны (мирное население), но главным образом — революции 1905-1907 гг. Утверждение это основано и на том факте, что прямые потери в ходе революции (убитые и казненные) в России составляли относительно небольшую величину: в 1906-1912 гг. — около 4 тыс. человек[21]. Потери в период Русско-японской войны были значительно выше.

Вообще нужно отметить некоторую склонность российского общества, в особенности интеллигенции, сильно преувеличивать число жертв репрессивной деятельности государства. Например, число жертв так называемого Кровавого воскресенья составляет не тысячи убитых и раненых, как принято считать[22], а 130 погибших[23].

В войне 1904-1905 гг. сухопутные вооруженные силы и флот России потеряли выбывшими из строя около 600 тыс. солдат и офицеров. Но далеко не все раненые умерли, большая часть заболевших и контуженых вернулась в строй. Поэтому демографы безвозвратными потерями считают только случаи смерти, поскольку смерть полностью исключает участие человека в процессе воспроизводства населения[24]. С демографической точки зрения безвозвратные потери русской сухопутной армии в войне 1904-1905 гг. (убитыми, умершими от ран, контузий и болезней) составили 44,4 тыс. человек. Безвозвратные потери военно-морского флота России определены в 6,3 тыс. человек. Главным образом это моряки, погибшие в Цусимском сражении. Следовательно, суммарные безвозвратные потери русской армии и флота достигли 50,7 тыс. человек (таблица 7.3)[25].

Таблица 7.3

Потери русской армии и флота в Русско-японской войне 1904-1905 гг.

Виды потерь	Тыс. человек
	25,3
у Сухопутные войска:	146,1
Убито Ранено и контужено	6,1
из них скончались -	405,9
эаоолсло из них скончались	13,0
ц Флот: Убито и умерло от ран, контузий и болезней	6,3
Всего безвозвратные потери сухопутных войск и флота России убитыми и умершими от ран, контузий и болезней	50,7

Если учесть, что сверхсмертность гражданского населения в период демографического кризиса 1905 г. составила около 0,35-0,40 млн. человек, то можно утверждать, что внутренняя политическая нестабильность оказалась более вредоносной для демографической сферы России, чем собственно война с Японией.

Демографический кризис, вызванный войной и революцией, оказался явлением кратковременным. К 1907 г. его последствия были в основном преодолены: смертность сократилась, рождаемость повысилась. Этап 1907-1914 гг. оказался благоприятным для развития демографической сферы России.

Примечания

1. Воспроизводство населения СССР. М., 1983. С. 57.
2. *Рубакин Н. А.* Россия в цифрах: Страна. Народ. Сословия. Классы. СПб., 1912. С. 45.
3. *Ленин В. И.* Поли. собр. соч. Т. 3. С. 547.
4. Сост. по: Население России за 100 лет. М., 1956. С. 167-168, 187-188.
5. Население Урала. XX век: История демографического развития. Екатеринбург, 1996. С. 99.
6. *Сифман Р. И.* Динамика численности населения России // Брачность, рождаемость, смертность населения в России и в СССР. М., 1977. С. 73.
7. *Новосельский С. А.* Вопросы демографической и санитарной статистики. (Избранные произведения). М., 1958. С. 67-68.

8. Население СССР. 1987: Стат. сборник. М, 1988. С. 127.
9. Воспроизводство населения СССР. С. 61.
10. *Антонов А. Н.* Смертность грудных и малых детей, её причины и меры борь бы. Л.; М., 1931. С. 21.
11. Воспроизводство населения СССР. С. 61.
12. *Новосельский С. А.* Вопросы демографической и санитарной статистики. С. 72.
13. *Новосельский С. А.* Смертность и продолжительность жизни в России. Пг., 1916. С. 182, 184.
14. Там же. С. 184.
15. Статистические материалы по состоянию народного здравия и организации медицинской помощи в СССР за 1913-1923 гг. М., 1926. С. 142.
16. *Волков Е. 3.* Динамика народонаселения СССР за восемьдесят лет. М.; Л., 1930. С. 268-271.
17. Сост. по: *Новосельский С. А.* Влияние войны на естественное движение на селения // Труды комиссии по обследованию санитарных последствий войны 1914-1920 гг. Вып. I. М.; Пг., 1923. С. 64, 66.
18. Без потерь русской армии и флота в ходе Русско-японской войны 1904-1905гг.
19. *Новосельский С. А.* Влияние войны... С. 61.
20. *Сифман Р. И.* Динамика численности... С. 73.
21. *Гернет М. Н.* Смертная казнь. М., 1913. С. 98-99.
22. История СССР. М., 1970. С. 320.
23. *Эрлихман В.* Кровавое начало кровавого века// Известия. 2000. 22 января.
24. См.: *Урланис Б. Ц.* Войны и народонаселение Европы: Людские потери во оруженных сил европейских стран в войнах ХУИ-ХХ вв. (Историко-статистическое исследование). М., 1960. С. 13-14.
25. Сост. по: *Новосельский С. А.* Влияние войны... С. 66; *Биншток В. И.* Воен ные потери России в войну 1914-1918 гг. // Труды комиссии... С. 11; *Урла нис Б. Ц.* Войны и народонаселение Европы... С. 133.

Глава 8

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА: КРИЗИС ИЛИ КАТАСТРОФА?

Численность и воспроизводство населения

Инерция демографического роста, обретенная Россией в начале XX столетия, была столь велика, что численность населения страны увеличивалась даже после её вступления в мировую войну. За период с 1 января 1914 г. по 1 января 1915 г., согласно оценке Е. 3. Волкова, население империи выросло на 2,7 млн. человек (в относительном выражении на 1,9%). В 1915 г. численность населения России незначительно сократилась (на 0,2%), а в 1916 г. увеличилась на 0,1%. В итоге за три года — с 1 января 1914г. по 1 января 1917г. — число россиян выросло на 1,9%. В абсолютном выражении прирост населения страны за указанные годы составил 2,6 млн. человек (таблица 8.1)'.

Таблица 8.1

Динамика численности населения России (в границах СССР до 17.09.1939 г.) в 1914-1917 гг. по оценке Е. 3. Волкова

Дата	Численность, млн. человек	Прирост (убыль), млн. человек
1 января 1914 г.	139,9	—
1 января 1915 г. 1	142,6	2,7 -
января 1916 г. 1	142,3	0,3
января 1917г.	142,5	0,2

Однако по сравнению с мирным периодом в годы Первой мировой войны темпы роста численности населения России существенно замедлились. Среднегодовой прирост в период с 1 января 1914 г. по 1 января 1917г. составлял в абсолютном выражении 0,86 млн. человек. Но сам факт — что, несмотря на затянувшуюся кровавую войну, население страны продолжало увеличиваться — не вызывает сомнения и подтверждается данными других источников. По расчетам советских статисти-

ков, сделанным в начале 1960-х гг., население Российской империи (в границах СССР 1991 г.) в 1913 г. насчитывало 159,2 млн. человек, тогда как в 1917 г. — 163 млн. человек[2]. Прирост за 1913—1917 гг. составил, таким образом, в абсолютном выражении почти 4 млн. человек, а в относительном — 2,3%. В границах СССР до 17 сентября 1939 г. (данные приводятся для сопоставления с оценкой Е. З. Волкова, см. таблицу 8.1) расчеты советских статистиков выглядят следующим образом[3]:

Год	Численность населения России, млн. человек
1913	139,3
1917	143,5
Прирост за 1913-1917 гг.	4,2 (+3%)

Увеличение численности населения России в годы Первой мировой войны обусловливалось положительными величинами естественного прироста, т. е. заметным превышением числа родившихся над числом умерших. Если следовать авторитетным оценкам выдающихся отечественных демографов Б. Ц. Урланиса и А. Я. Боярского (см. таблицу 8.2), естественный прирост населения Российской империи в течение 1914— 1916 гг. был столь значителен, что количественно не только компенсировал, но даже перекрывал гибель солдат и офицеров в ходе боевых действий. В 1916 г. (а по расчетам Б. Ц. Урланиса, и в 1917 г.) общий коэффициент смертности населения России даже понизился. Во всяком случае, можно с уверенностью утверждать, что смертность тылового населения Российской империи в военные годы не увеличилась. «Смертность гражданского населения России за годы войны (1914-1917 гг.) не представляет... особенно значительных отклонений от обычных довоенных цифр», — указывает С. А. Новосельский, один из самых серьезных ученых, когда-либо занимавшихся исследованием демографической сферы России в период Первой мировой войны[4].

Данные, которые представили Б. Ц. Урланис и А. Я. Боярский, — всего лишь гипотеза. Есть основания полагать, что ученые, отдавая дань политической конъюнктуре времени (Б. Ц. Урланис издал свою работу в 1963 г., а А. Я. Боярский — в 1975 г.), несколько драматизировали демографическую ситуацию (таблица 8.2)[5]. Особенно это касается 1917 г., когда, по мнению обоих исследователей, число умерших превысило число родившихся. С. А. Новосельский, определяя тенденции воспроизводства населения страны в целом за 1915-1917 гг., подчеркивал, что естественный прирост на всем протяжении этого периода был положительным, так как в годы Первой мировой войны тыловые районы России

не знали голода и эпидемий. По его мнению, в среднем за 1915-1917 гг. уровень рождаемости составлял 34,8‰, коэффициент смертности колебался в пределах 26, а естественный прирост не опускался ниже 8,8‰[6].

Таблица 8.2

Воспроизводство населения европейской России в 1914-1917 гг., ‰

Год	Родилось		Умерло		Естественный прирост (убыль)	
	Урланис	Боярский	Урланис	Боярский	Урланис	Боярский
1914	**46,9**	**43,7**	**29,0**	**27,2**	**17,9**	**16,5**
1915	**39,7**	**35,9**	**29,9**	**28,8**	**9,8**	**7,1**
1916	**29,9**	**27,1**	**28,7**	**25,4**	**1,2**	**1,7**
1917	**23,9**	**26,3**	**27,7**	**29,1**	**-3,7**	**-2,8**

Еще более оптимистически высказался В. М. Кабузан, который на основе анализа архивных документов Главного врачебного инспектора России, Центрального статистического комитета и Синода пришел к выводу, что демографическая ситуация в стране в годы Первой мировой войны была менее напряженной, чем принято думать, поскольку в тыловых земледельческих районах снижение темпов естественного прироста было минимальным. К таким районам В. М. Кабузан относит Западную Сибирь, Северный Кавказ, Нижнее Поволжье. В Средней Азии и Казахстане, пишет исследователь, вообще не отмечалось снижения естественного прироста[7]. Коэффициенты естественного прироста населения, рассчитанные В. М. Кабузаном для периода Первой мировой войны, в среднем выше аналогичных показателей по оценкам Б. Ц. Урланиса и А. Я. Боярского. Они выглядят следующим образом[8]:

Год	Коэффициент естественного прироста, ‰
1914	16,2
1915	9,3
1916	5,5

По Кабузану, естественный прирост в Российской империи в годы Первой мировой войны был даже выше, чем в некоторых невоюющих странах Европы. Так, в Швеции в 1915 г. естественный прирост не превышал 6,9, в Швейцарии — 6,2‰[9]. Итог исследования принципиально важен: сокращение численности населения России началось не в начале, а в конце 1917 г. Следовательно, демографическая ситуация в России с августа 1914 г. и до осени 1917 г. была напряженной, но не катастрофичной. Это дает веские основания передвинуть начало демографиче-

ской катастрофы на осень 1917 г. и утверждать, что она была обусловлена не только и не столько событиями Первой мировой войны, сколько последствиями Октябрьского переворота. Применительно же к фазе мировой войны было бы правильнее говорить о демографическом кризисе, но не о катастрофе.

Напряженность демографической ситуации в Российской империи в годы Первой мировой войны обусловливалась не повышением смертности, а снижением рождаемости. Материалы таблицы 8.2 свидетельствуют, что за 1914-1917 гг. коэффициент рождаемости в стране сократился: по оценке Б. Ц. Урланиса, почти в 2 раза, а по оценке А. Я. Боярского — в 1,7 раза.

В основе уменьшения числа родившихся лежал характерный для военных лет разрыв брачно-семейных отношений, который обусловливался массовым призывом мужчин в армию. По данным С. А. Новосельского, в годы Первой мировой войны в вооруженные силы России было мобилизовано 15 млн.[10], по подсчетам Е. 3. Волкова — 18,6 млн.", Н. Н. Головина — 15,5 млн. человек[12]. Сельскохозяйственная перепись 1917 г. показала, что в армию ушло более 47% трудоспособных мужчин. В отдельных губерниях страны удельный вес трудоспособных мужчин, призванных в вооруженные силы из сельской местности, превышал 50 и даже 60%[13]. Большое количество мужского населения было призвано в армию и в городах. Как показала перепись 1920 г., на долю горожан в возрастном диапазоне от 30 до 39 лет, принимавших участие в мировой войне, приходилось почти 40%[14]. В армию уходили наиболее крепкие мужчины цветущего возраста. Согласно подсчетам Н. Н. Головина, прослойка возрастной группы 20-29 лет в общей совокупности мобилизованных составляла 49%, возрастной группы 30-39 лет — 30%[15].

В этих условиях число заключаемых браков не могло не сократиться. В среднем за 1908-1913 гг. на тысячу человек населения Российской империи регистрировалось свыше восьми браков, а в 1914-1916 гг. — не более четырех[16]. И если в 1904—1905 гг. вследствие военной мобилизации число браков в стране сократилось на 13%, то в 1914-1917 гг. — на 58%. По подсчетам С. А. Новосельского, только в 1914—1915гг. в Российской империи (включая Польшу, но без Финляндии) не состоялось 1,7 млн. потенциальных браков[17]. Никогда раньше Россия не теряла такого огромного количества женихов.

Немаловажную роль в разрушении брачно-семейных отношений играло и массовое овдовение женщин. По Московской губернии, например, в 1913 г. на каждые 100 невест приходилось 5, в 1915 г. — 12, в 1916 г. — 13 вдов. Таким образом, коэффициент овдовения в губернии в 1913-1916 гг. более чем удвоился[18]. Снижение числа заключаемых браков и разрыв брачных отношений в уже созданных семьях были главными причинами сокращения показателей рождаемости в годы Первой мировой войны.

Некоторую роль играло и втягивание женщин в производство. Число рождений среди работающих женщин всегда заметно ниже, чем среди неработающих. Горожанки приходили на заводы, фабрики и транспорт, а в сельской местности женщины заменяли ушедших на фронт мужей в крестьянских хозяйствах.

Согласно приблизительным расчетам С. А. Новосельского, в Российской империи (исключая Польшу) в 1915-1917 гг. родилось на 6 млн. человек меньше обычного[19]. По оценке Б. Ц. Урланиса, в России в 1915-1917гг. должно было родиться («если бы не было войны») 22,5 млн. младенцев, а фактически появилось на свет 15,3 млн. детей. Таким образом, страна из-за дефицита рождений потеряла 7,2 млн. потенциальных человеческих жизней[20]. Не исключено, однако, что как С. А. Новосельский, так и Б. Ц. Урланис несколько завысили реальную величину демографических потерь.

Боевые потери русской армии

Еще одной причиной, обусловившей демографический кризис в период Первой мировой войны, стали боевые потери русской армии. Сведения о них не отличаются высокой точностью и во многом противоречивы. Приведу результаты нескольких расчетов, по возможности придерживаясь хронологического порядка.

Первой официальной оценкой военных потерь России стала записка, составленная в конце 1916 г. группой членов Государственного совета и депутатов Государственной думы, принимавших участие в работе Особого совещания по обсуждению и объединению мероприятий по обороне государства. Суммарная цифра потерь русской армии на конец 1916 г. была определена ими в 5,5 млн. человек[21].

Ставка Верховного главнокомандующего русской армии на основе материалов Главного управления Генерального штаба оценила потери армии к 1 ноября 1916 г. следующим образом[22]:

Виды потерь	Количество, человек
Убитые	443 284
Раненые	2 212 576
Умершие от ран	11 864
Отравленные газами	28 402
Контуженые	86 196
Пропавшие без вести	147565
Попавшие в плен	2 337 349
Всего	5 307 236

Таким образом, собственно безвозвратные потери русской армии (убитые и умершие от ран) составили 455 148 человек. К сожалению, не известно, все ли военнослужащие, отравленные газами, скончались.

1 июня 1917 г. глава французской союзной миссии генерал Жанен направил в Ставку Верховного главнокомандующего русской армии запрос о потерях вооруженных сил России. Ответ дежурного генерала Верховного главнокомандующего последовал через четыре с лишним месяца, 10 октября 1917г. Сводка потерь русской армии в этом документе выглядела так[23]:

Виды потерь	Количество, человек
Убитые и без вести пропавшие	775 369
Пленные	2 043 548
Уволенные за выслугой полного срока службы	8889
Уволенные по ранению	348 508
Уволенные до выслуги обязательного срока службы	170210
Освобожденные от призыва	1 200 000
Возвращены на заводы	50000
Больные, эвакуированные во внутренние округа	1 425 000
Раненые, эвакуированные во внутренние округа	875 000

Данные Ставки о потерях русской армии на 1 сентября 1917 г. полностью согласуются с вышеприведенными цифрами — 775 400 человек убитыми и без вести пропавшими[24].

Таблица 8.3

Боевые потери русской армии в Первой мировой войне по данным УСО КУВГШ, человек

Виды потерь	Офицеры	Солдаты	Всего
Убитые	11 932	499 136	511068
Умершие	6443	28742	35185
Раненые	40290	2 789 972	2 830 262
Пропавшие без вести	10329	1 925 949	1 936 278
Всего	68994	5 243 799	5312793

Несколько иными сведениями о потерях русской армии в целом за все годы мировой войны располагал учетно-статистический отдел командного управления Всероссийского Главного штаба (УСО КУВГШ). Таблица 8.3 показывает, что число убитых и умерших солдат и офицеров составляло 546 253 человека[25]. Поскольку данные официальных правительственных

учреждений расходились между собой, частные лица, исследовавшие этот вопрос, вынуждены были проводить свои расчеты. Первая попытка систематизировать имеющиеся материалы была предпринята В. Г. Аврамовым в 1920г. Его расчеты относительно войск Северо-Западного, Западного, Юго-Западного и Румынского фронтов охватывают период с августа 1914 г. по сентябрь 1917г. Они, как признает сам В. Г. Аврамов, неполны и, вероятно, на 10% ниже действительных[26] (таблица 8.4)[27].

Таблица 8.4

Боевые потери русской армии с 01.08.1914 по 01.08.1917 г. по оценке В. Г. Абрамова, человек

Виды потерь	Офицеры	Солдаты	Всего
Убито	12813	652 077	664 890
Ранено и контужено	72486	3 676 183	3 748 669
Из них:			
умерло при части	716	17662	18348
осталось при части	15766	303 679	319445
отправлено в лазарет	56004	3 354 842	3410846
Пропало без вести	13382	2319993	2333375
Отравлено ядовитыми газами	1 282	63876	65 158
Из них:			
умерло при части	72	6268	6340

Итак, В. Г. Аврамов определил общее количество убитых и умерших от ран и ядовитых газов солдат и офицеров в 689,6 тыс. человек. Е. З. Волков, основываясь на этих материалах и фактически соглашаясь с ними, оценил безвозвратные боевые потери русской армии в 690 тыс. человек[28]. Иные цифры получил Л. И. Сазонов, опиравшийся в расчетах на материалы Ставки Верховного главнокомандующего[29]:

Вид потерь	Количество, человек
Убитые	600 000
Умершие от ран, контузий и болезней	200 000
Пропавшие без вести	200 000
Уволенные со службы из-за ранений, контузий и болезней	700 000
Раненые и контуженые	3 000 000
Пострадавшие от ядовитых газов	40000
Всего	4 740 000
Сверх того военнопленные	2 043 548

Как видим, по расчетам Л. И. Сазонова, число убитых и умерших от ран, контузий и болезней достигало 800 000 тыс. человек.

В. И. Бинштоk, используя в качестве источника картотеку управления Главного штаба русской армии, пришел к выводу, что потери распределялись следующим образом[30]:

Виды потерь	Количество, человек
Убито	664 890
Умерло от ран в лечебных заведениях	300 000
Умерло от ран при частях	18378
Умерло от болезней в лечебных заведениях	130000
Умерло скоропостижно	7196
Умерло в плену	285 000
Пропало без вести	200 000
Умерло от ядовитых газов	6340
Погибло на Кавказском фронте (убитых, умерших от ран и болезней)	50000

Таким образом, из общего количества потерь, определенных В. И. Бинштоком в 1 661 804 человека, убитые и умершие составили 1 461 804 человека.

В 1925 г. Отдел военной статистики ЦСУ СССР под руководством В. П. Ефремова обработал сводки Главного управления Генерального штаба русской армии за 40 месяцев войны (август 1914 — ноябрь 1917 г.). В эти данные не были включены потери эвакуационного характера: солдаты и офицеры, умершие в тыловых лазаретах и больницах (таблица 8.5)[31].

Таблица 8.5

Боевые потери русской армии за 08.1914—11.1917 г. по данным Отдела военной статистики ЦСУ СССР, человек

Виды потерь	Солдаты	Офицеры, врачи и военные чиновники	Итого
Убитые	615585	10855	626 440
Умершие от ран	14 180	2994	17 174
Отравленные газами (включая умерших от ядовитых газов)	38072	527	38599
Раненые	2 558 524	30314	2 588 838
Контуженые	116616	10149	126765
Пленные и пропавшие без вести (включая умерших в плену)	3 620 125	18 146	3638271
Всего	6 963 102	72985	7 036 087

В конце 1930-х гг. свой расчет потерь представил эмигрировавший из России генерал-лейтенант русской армии, бывший профессор академии Генерального штаба Н. Н. Головин. По его мнению, в годы Первой мировой войны общее число погибших в боях российских военнослужащих достигло 1 300 тыс., умерших от ран — 350 тыс., от болезней — 140 тыс., погибших в плену — 70 тыс., а всего, следовательно, — 1 860 тыс. человек[32].

Л. С. Каминский и С. А. Новосельский в совместной монографии, изданной в 1947 г., определили безвозвратные потери русской армии в 1914-1917 гг. в 1 477 тыс. человек[33]. Б. Ц. Урланис, рассчитавший потери на основе соотношения убыли солдат и офицеров в армиях различных государств, пришел к выводу, что Россия в ходе Первой мировой войны потеряла убитыми 1,2 млн. человек[34].

Все вышеприведенные цифры не могут рассматриваться как бесспорные. Думается, что получить точные данные о потерях русской армии в кровопролитных сражениях Первой мировой войны уже практически невозможно — многие источники навсегда утрачены. Особенно большое количество документов исчезло в 1918 г. при переносе столицы советской России (а следовательно, и центральных архивов) из Петрограда в Москву[35]. При таких обстоятельствах самым правильным будет условно считать, что Россия в годы Первой мировой войны потеряла убитыми и умершими от разных причин от 1,5 до 1,8 млн. солдат и офицеров (включая в эту цифру врачей и военных чиновников).

Демографические итоги Первой мировой войны

Каковы же суммарные демографические итоги Первой мировой войны? Ответ на этот вопрос может быть получен на основе методики, предложенной еще в 1959 г. Б. Ц. Урланисом и И. Г. Венецким[36]. Суть её в сопоставлении гипотетической численности населения (при условии «если бы не было войны») и фактической, дающей реальную картину по окончании боевых действий. Ныне это общепринятый метод, широко используемый в историко-демографических исследованиях. Он не является бесспорным и дает возможность получить весьма приблизительные оценки. К сожалению, определяющий более точные результаты метод демографического баланса неприменим к Первой мировой войне из-за отсутствия статистических материалов.

Согласно данным Е. З. Волкова, численность населения России (в границах до 17 сентября 1939 г.) на начало 1900 г. составляла 109 593,1 тыс., на начало 1914г. — 139 912,7 тыс. человек. Следовательно, население

империи за 14 лет увеличилось на 27,66%, или ежегодно на 1,97%. Если бы эти темпы роста сохранились, то гипотетически к началу 1917г. в России должно было бы проживать 148 345,5 тыс., тогда как в действительности насчитывалось 142 472,4 тыс. человек[37]. Таким образом, демографический кризис периода Первой мировой войны обошелся народам России приблизительно в 5,8 млн. человек преждевременно умершими и неродившимися. Из них приблизительно 1,5 млн. приходится на боевые потери и около 4 млн. — на косвенные и демографические. Причем демографические потери, а это в основном дефицит рождений, занимали главное место в структуре потерь российского населения в период Первой мировой войны.

Примечания

1. Сост. по: *Волков Е. З.* Динамика народонаселения СССР за восемьдесят лет. М.;Л., 1930. С. 270-271.
2. Вестник статистики. 1963. № 11. С. 92.
3. Там же.
4. *Новосельский С. А.* Влияние войны на естественное движение населения // Труды комиссии по обследованию санитарных последствий войны 1914—1920 гг. Вып. I. М.; Пг., 1923. С. 117.
5. Сост. по: *Урланис Б. Ц.* Рождаемость и продолжительность жизни в СССР. М., 1963. С. 21; *Боярский А. Я.* К вопросу о естественном движении населения в России и в СССР в 1915-1923 гг. // Население и методы его изучения. М., 1975. С. 226.
6. *Уиппль Дж. Ч., Новосельский С. А.* Основы демографической и санитарной статистики. М., 1929. С. 485.
7. *Кабузан В. М.* Демографическая ситуация в годы Первой мировой войны // Население России в 1920-1950-е годы: Численность, потери, миграции. М., 1994. С. 10, 18.
8. Там же. С. 9, 10.
9. Там же. С. 19.
10. *Новосельский С. А.* Демографическая статистика. (Избранные произведения). М., 1978. С. 199.
11. *Волков Е. З.* Динамика народонаселения СССР... С. 50.
12. *Головин Н. Н.* Военные усилия России в мировой войне// Военно-исторический журнал. 1993. № 6. С. 61.
13. Россия в мировой войне 1914-1918 года (в цифрах). М., 1925. С. 21.
14. *ДробижевВ. З.* У истоков советской демографии. М., 1987. С. 72.
15. *Головин Н. Н.* Военные усилия России... С. 61.
16. *Уиппль Дж. Ч., Новосельский С. А.* Основы демографической... С. 477.
17. *Новосельский С. А.* Влияние войны... С. 105, 106.
18. Там же. С. 107.

19. Там же. С. ПО.
20. *Урланис Б. Ц.* Рождаемость и продолжительность жизни в СССР. С. 22.
21. *Сазонов Л. И.* Потери России в войну 1914-1918 гг.// Труды комиссии... С. 157.
22. Там же. С. 161.
23. Там же. С. 159.
24. Итоги переписи населения 1920 г. М., 1928. С. 8.
25. Сост. по: *Сазонов Л. И.* Потери России... С. 168.
26. *Аврамов В.* Жертвы империалистической войны в России // Известия Народ ного комиссариата здравоохранения. 1920. 15 марта. № 1-2. С. 39.
27. Сост. по: Там же. С. 41.
28. *Волков Е. З.* Динамика народонаселения СССР... С. 54, 59.
29. *Сазонов Л. И.* Потери России... С. 165.
30. *Бинштоk В. И.* Военные потери России в войну 1914-1918 гг. // Труды ко миссии... С. 143.
31. Сост. по: Россия в мировой войне... С. 30, 32.
32. *Головин Н. Н.* Военные усилия... С. 55-59.
33. *Каминский Л. С., Новосельский С. А.* Потери в прошлых войнах (1756-1918 гг.): Справочная книга. М., 1947. С. 60.
34. *Урланис Б. Ц.* Войны и народонаселение Европы: Людские потери воору женных сил европейских стран в войнах XУП-XX вв. (Историко-статистическое исследование). М., 1960. С. 152.
35. *Бинштоk В. И.* Военные потери России... С. 141.
36. *Урланис Б. Ц.* Методы исчисления людских потерь в войне // Проблемы де мографической статистики. М., 1959. С. 294-315; *Венецкий И. Г.* К вопросу о расчетах «косвенных» потерь населения вследствие войн // Там же. С. 316-332.
37. *Волков Е. З.* Динамика народонаселения СССР... С. 268-269, 270-271.

Глава 9 ЖЕРТВЫ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ЛИХОРАДКИ

Первая мировая война, без сомнения, явилась кризисной фазой в истории народонаселения России. Но демографическая катастрофа, в полном смысле этого слова, разразилась только в конце 1917 — начале 1918 г. Октябрьский переворот 1917г. и последовавшие за ним Гражданская война, разрушение промышленности и сельского хозяйства страны, распад государственных институтов и социальной инфраструктуры, голод и эпидемии, дефицит тепла и энергии вызвали невиданные ранее потери населения.

Численность населения

В результате резкого увеличения смертности, бурных депопуляционных процессов (превышения числа умерших над числом родившихся) и отрицательного сальдо миграции (массовая эмиграция) численность россиян, фактически остававшаяся неизменной в трудные годы Первой мировой войны (за исключением конца 1917 г.), в 1918-1922 гг. сокращалась. В таблице 9.1 приведены данные о численности на начало года населения России в 1918-1922 гг., а также о его абсолютном и относительном приросте (убыли) по сравнению с предшествующим годом по оценке Е. З. Волкова (в границах СССР до 17 сентября 1939 г.)[1].

Таблица 9.1

Динамика численности населения России в 1918-1922 гг. по оценке Е. З. Волкова

Год	Численность, тыс. человек	Абсолютный прирост, тыс. человек	Относительный прирост, %
1918	140 903,4	—	—
1919	139700,6	-1 202,8	99,1
1920	137092,5	-2 608,1	98,1
1921	134 275,8	-2816,7	97,9
1922	133 890,1	-385,7	99,7
1923	133467,2	-422,9	99,7

За 5 лет — с 1 января 1918 г. по 1 января 1923 г. — численность населения России сократилась на 7,4 млн. человек, или, в относительном выражении, на 5,3%. Самые значительные изменения численности населения России произошли в 1919-1920 гг., когда число жителей страны уменьшилось на 5,4 млн. человек.

Сокращение численности населения в период Гражданской войны было столь заметным, что этот факт не могла обойти даже «лукавая» советская статистика. Опубликованные в официальных изданиях ЦСУ СССР (иными словами, прошедшие строгую цензуру) цифры, полученные в 1960-е — 1970-е гг. (в границах СССР до 17 сентября 1939 г.) выглядят так[2]:

Дата	Численность населения, млн. человек
Январь 1917	143,5
Январь 1919	138,0
Январь 1920	136,8
Декабрь 1922	136,1

Согласно данным ЦСУ СССР, население страны за 6 лет — с начала 1917г. по конец 1922 г. — уменьшилось на 7,4 млн. человек. Советским статистикам удалось несколько смягчить «удар» революции и Гражданской войны по сравнению с расчетами Е. З. Волкова, но полностью игнорировать проблему потерь населения они не могли.

Воспроизводство населения

В отличие от периода Первой мировой войны, когда основным негативным фактором пертурбационного развития демографической сферы страны было сокращение рождаемости, в годы Гражданской войны и «военного коммунизма» в основе снижения численности населения России лежал главным образом резкий, по сути, катастрофический подъем смертности. При этом рождаемость населения не только не понизилась, но даже увеличилась. В таблице 9.2 представлены данные по воспроизводству населения европейской России без Северного Кавказа и Урала в 1917-1923 гг. по оценке А. Я. Боярского[3].

Согласно оценке А. Я. Боярского, скачкообразный рост рождаемости фиксируется уже в 1918г., когда общий коэффициент этого важнейшего показателя демографического развития увеличился по отношению к 1917 г. на 32%. В дальнейшем (за исключением 1919 г.) рождаемость продолжала нарастать и к окончанию Гражданской войны

Таблица 9.2

Воспроизводство населения европейской России в 1917-1923 гг., ‰

Год	Родилось	Умерло	Естественный прирост (убыль)
1917	26,3	29,1	-2,8
1918	34,7	44,2	-9,5
1919	31,7	46,7	-15,0
1920	32,2	43,3	-11,1
1921	37,3	29,7	7,6
1922	38,2	29,6	8,6

достигла очень высокого уровня — 37-38‰. По мнению Б. Ц. Урланиса, коэффициент рождаемости в 1918-1923 гг. не опускался ниже 31‰. Его оценка выглядит следующим образом":

Год	Общий коэффициент рождаемости, ‰
1918	32,0
1919	31,0
1920	31,2
1921	35,5
1922	37,3
1923	43,9

В данном случае роль повышающих рождаемость факторов играли первоначально массовое дезертирство, а затем и официальная демобилизация царской армии. Сотни тысяч солдат и офицеров вернулись с войны. Численность и удельный вес мужчин в населении заметно увеличились. Так, к январю 1919 г. в Вологодской губернии количество мужчин возросло на 22%, в Иваново-Вознесенской — на 11, в Тверской — на 31, в Новгородской — на 12, в Тульской губернии — на 32%[5]. Соответственно выросла брачность, воссоединились семьи, что не могло не отразиться положительно на показателях рождаемости.

Но еще более значительным, чем рост рождаемости, оказалось увеличение смертности. По мнению А. Я. Боярского (см. таблицу 9.2), общие коэффициенты смертности в 1918 г. перекрыли отметку в 40‰, а в 1919 г. вплотную приблизились к критической величине 50‰. Результаты расчетов А. *Я.* Боярского в целом принимаются С. Максудовым, за исключением данных о смертности в 1921 г. Как считает А. Я. Боярский, общий коэффициент смертности в 1921 г. равен 29,7‰, тогда как

С. Максудов, учитывая, по-видимому, смертность от голода и сопутствующих ему эпидемий, увеличил его до 40‰[6].

Во многих регионах страны, так или иначе оказавшихся в эпицентре революционных событий и Гражданской войны, уровень смертности был значительно выше, чем в целом в России. Согласно статистическим материалам, скрупулезно собранным В. 3. Дробижевым, в Орле в 1920 г. коэффициент смертности достиг 73‰, в Самаре — 94, в Оренбурге — 59, в Вологде — 51, в городах Киевской губернии — 57, Ярославской губернии — 61‰. В Петрограде (по которому имеются относительно полные сведения о числе умерших) в 1918г. показатель смертности составлял 47, в 1919г. — 77, в 1920 г. — 51‰[7]. В сибирском городе Томске в 1920 г. уровень смертности достиг апокалипсической отметки 100, причем смертность мужчин составляла 170, в том числе в возрасте 20—29 лет — 330‰[8].

Опережающими средние показатели темпами росла детская смертность. В Москве в 1919 г. из каждой тысячи младенцев не дожили до года 332, в Петрограде — 284 ребенка[9]. В целом по стране в 1920 г. коэффициент младенческой смертности составлял 251‰[10].

Уровень смертности в течение 1918-1920 гг. значительно превышал уровень рождаемости. Естественный прирост характеризовался отрицательными величинами. Население России вымирало.

Боевые потери в ходе Гражданской войны

Анализ позволяет вычленить несколько основных факторов роста смертности населения в период революции и Гражданской войны. Прежде всего это боевые потери противоборствующих сторон. По многим причинам, а главным образом, в силу общего хаоса и обесценивания человеческой жизни (вспомним знаменитое: «анархисту жизнь — копейка») учет погибших, как в Красной, так и в Белой армиях, был организован из рук вон плохо, а в партизанских формированиях восставших крестьян зачастую не проводился вовсе. Сведения о боевых потерях неполны, противоречивы и во многом недостоверны.

По подсчетам мобилизационного отдела Полевого штаба РВСР, количество погибших бойцов и командиров Красной армии на декабрь 1920 г. составляло 85 343 человека, а в справке отчетно-статистического отдела Главного управления РККА от 26 июля 1924 г. говорится о 40 тыс. убитых и умерших военнослужащих. Годом позже все то же Главное управление представило сведения о 60 тыс. погибших красноармейцев и командиров". Главное управление РККА настолько занизило цифры,

что их недостоверность очевидна. Сделано это было, скорее всего, сознательно — в распоряжении служащих Главного управления имелись материалы, свидетельствующие о более высоких, чем было опубликовано, потерях.

В 1925 г. ЦСУ СССР, обработав материалы статистического отдела Главного управления РККА о потерях Красной армии за 1918-1922 гг., обнародовало следующие цифры[12]:

Виды потерь	Количество человек
Боевые	631 758
Санитарные	581 066
Всего	1212824

Эти приблизительные расчеты ЦСУ СССР, по сути прикидки, вскоре приобрели официальный статус. Альтернативных вариантов не существовало. Вероятно, по этой причине они были повторены Л. И. Лубны-Герцыком в 1926 г.[13]

Эти же данные, представленные ЦСУ СССР в 1925 г., послужили отправной точкой исследования Б. Ц. Урланиса. Предположив, что в рубрику «боевые потери» включены как убитые, так и раненые, и исходя из их соотношения 1 :4, исследователь определил приблизительное число погибших бойцов и командиров РККА в 125 тыс. человек[14]. К этой цифре Б. Ц. Урланис добавил 300 тыс. военнослужащих, умерших от болезней, и получил итоговые данные о размере безвозвратных потерь Красной армии в Гражданской войне в 425 тыс. человек[15]. Совокупные потери Белой армии Б. Ц. Урланис определил в 325 тыс. человек, в том числе 175 тыс. убитыми и 150 тыс. умершими[16]. Таким образом, потери противоборствующих сторон (Красной и Белой армий) в огне Гражданской войны составили, по мнению крупнейшего советского демографа, 750 тыс. человек. К сожалению, Б. Ц. Урланис не учитывал боевые потери в крестьянских повстанческих формированиях, так как не мог в силу известных причин поднять вопрос о жертвах «красного террора».

Данные Б. Ц. Урланиса занижены и, как отмечает Ю. А. Поляков — один из самых авторитетных исследователей демографической истории страны периода Гражданской войны, вызывают серьезные сомнения[17].

Ю. А. Поляков, приняв за основу материалы о боевых и санитарных потерях РККА, опубликованные ЦСУ СССР в 1925 г., в отличие от Б. Ц. Урланиса допустил, что в обеих рубриках (боевые и санитарные потери) речь идет только о летальных исходах. Таким образом, исследователь пришел к выводу, что суммарная цифра людских потерь Красной армии в 1918-1922 гг. (убитыми и умершими) составляла 1212 824 человека[18]. Исходя из предположения, что потери белых были не меньше, чем потери красных, Ю. А. Поляков определил число убитых в боях и умерших от ран и болезней участников вооруженной борьбы с обеих сторон в 2,5 млн. человек[19].

Вряд ли основательно предположение Ю. А. Полякова о том, что в документе 1925 г. в боевые и санитарные потери статистики включили только погибших. Как правило, в число боевых потерь военные включают не только убитых или умерших от ран, болезней и травм, но и пропавших без вести, попавших в плен, уволенных по инвалидности, а также военнослужащих, которые после выздоровления вернутся в строй[20]. К санитарным потерям относят потери личного состава армии ранеными, контуженными, больными, обмороженными[21].

В 1993 г. группа военных историков предприняла попытку выявить потери Красной армии, опираясь главным образом на архивные документы. Число убитых, пропавших без вести и попавших в плен определялось на основе материалов Оперативного управления Полевого штаба РВСР, число раненых и заболевших — по данным Главного военно-санитарного управления. Но в рассекреченных архивных фондах недостает многих материалов, что, конечно же, сказалось на полноте и точности выводов (таблица 9.3)[22].

-Боевые потери

РККА в 1918-1922 гг., человек *Таблица 9.3*

Виды потерь	1918-1922 гг.	В том числе	
		1918-1920 гг.	1921-1922 гг.
Убито и умерло на этапах санитарной эвакуации	259213	249 294	9919
Умерло от ран болезней вне лечебных учреждений	616605	407 209	209 396
Погибло в результате происшествий несчастных случаев, осуждено, покончило жизнь самоубийством	3878	—	3878
Всего	879 696	656 503	223 193

Приведенные в таблице 9.3 данные — возможно, самые полные из всех, до настоящего времени публиковавшихся, — не могут все же считаться бесспорными. Учет боевых потерь в Красной армии был орга-

низован не лучшим образом. Обращает на себя внимание белое пятно в графе «Погибло в результате происшествий, несчастных случаев, осуждено, покончило жизнь самоубийством» за 1918-1920 гг. Можно предположить, что в 1918-1920 гг. таких фактов было не меньше, чем в 1921-1922 гг. Кроме того, бросается в глаза явное пропорциональное несоответствие убитых и умерших от ран и болезней в лечебных учреждениях. В 1918-1920 гг. они соотносятся округленно как 1 : 2, а в 1921-1922 гг. — как 1 :21. Не исключено, что число убитых и умерших на этапе санитарной эвакуации в 1921-1922 гг. сильно занижено. Это подтверждается тем, что количество умерших от ран и болезней в лечебных учреждениях в 1921-1922 гг. сократилось по отношению к 1918-1920 гг. только в 1,9 раза, тогда как число убитых — более чем в 25 раз.

Однако если принять эти данные за основу (других, более точных, нет, и вряд ли они появятся) и согласиться с утверждением Б. Ц. Урланиса и Ю. А. Полякова о примерном паритете потерь белых и красных, то цифру безвозвратных потерь РККА (879 686 человек — см. таблицу 9.3) необходимо по крайней мере удвоить. Таким образом, противоборствующие стороны в ходе Гражданской войны потеряли около 1,7-1,8 млн. человек.

Но в данном случае речь идет только о потерях регулярных частей Красной и Белой армий. Помимо этих сил в Гражданской войне активное участие принимали нерегулярные партизанские формирования. Страну сотрясали крестьянские волнения. Восстания крестьян в Поволжье, на Украине, в районе Тамбова, в Западной Сибири — лишь самые известные из них. Сегодня, благодаря документальным публикациям, мы узнали о беспрецедентной жестокости большевиков, подавлявших крестьянские выступления, которые принято было именовать кулацкими мятежами. С учетом гибели бойцов в крестьянских повстанческих соединениях, правильным будет боевые потери в 1918-1922 гг. увеличить до 2 млн. человек. Цифру прямых потерь, приближающуюся к 2 млн. человек, принимает и П. А. Сорокин[23].

Но даже этой жуткой цифрой, перекрывшей «рекорды» Первой мировой войны, общее количество насильственных смертей в 1918-1922 гг. не исчерпывается, поскольку она не включает в себя жертвы «красного» и «белого» террора. Как известно, Ленин не был принципиальным противником индивидуального террора, но предпочтение отдавал террору массовому, организованному, направленному не против отдельных личностей, а против целых классов, социальных групп и слоев. После Октябрьского переворота большевики беспощадно уничтожали своих соотечественников: бывших помещиков, священнослужителей, интеллигентов, офицеров, кулаков, купцов, полицейских, фабрикантов. В свою очередь, белые убивали людей просто по подозрению в сочувствии коммунистам.

Действительное число жертв террористической деятельности противоборствующих сторон вряд ли когда-нибудь будет известно. Созданное в 1924 г. в СССР «Общество содействия жертвам интервенции» констатировало 117,7 тыс. смертей вследствие расправ интервентов и белогвардейцев[24]. Эти данные, несомненно, значительно ниже реальных. Кроме того, к ним необходимо прибавить какое-то количество гражданских лиц, погибших от рук большевиков. Учитывая, что размах и организованность «красного террора» на несколько порядков превосходили террор белых, эта цифра должна быть как минимум утроена. Материалы, собранные историком С. П. Мелыуновым, дают основание говорить о гибели сотен тысяч людей[25]. Есть основания считать, что вследствие террористической деятельности как белых, так и красных было уничтожено до полумиллиона мужчин и женщин. Но и в этом случае нет уверенности, что число жертв не преуменьшено.

В итоге общее количество насильственных смертей в результате революции и Гражданской войны (прямые потери армий, партизанских соединений и гражданского населения), определенное суммарно в 2,5 млн. человек, будет минимальным.

Эпидемии и голод

И все же главной причиной роста смертности и снижения численности населения страны были не боевые потери армий и не террористическая деятельность красной ЧК и белогвардейской контрразведки, а гибель вследствие эпидемий инфекционных заболеваний нескольких миллионов непричастных к политике россиян. На фоне всеохватывающего хаоса, распада институтов государственной власти, экономической разрухи, голода, развала здравоохранения и системы санитарного контроля эпидемии стали суровой неизбежностью (таблица 9.4)[26].

В годы Гражданской войны катастрофически широкое распространение получили такие опасные для жизни человека заболевания, как сыпной, возвратный и брюшной тиф, оспа, холера. В 1919-1920 гг. была зарегистрирована чума. Резко увеличилась заболеваемость скарлатиной и корью — инфекциями, уносящими очень большое количество детских жизней. Широко распространилась дифтерия. В 1918г. мир охватила пандемия гриппа (испанка). В России, где здравоохранение было почти полностью разрушено, грипп нанес особенно значительный урон населению.

Таблица 9.4

Инфекционная заболеваемость в России в 1918-1920 гг.

Заболевание	Число зарегистрированных случаев		
	1918г.	1919г.	1920 г.
Сыпной тиф	130 164	2 1 19 549	2 284 452
Возвратный тиф	16661	251 369	755 787
Холера	41289	4569	8499
Дизентерия	59760	184919	404010
Брюшной тиф	109 264	270 186	394 041
Оспа	54832	186805	115 158
Малярия	254 680	360 670	508 157
Дифтерия	44464	40 129	42591
Скарлатина	30742	48 130	83 028
Корь	23068	96101	99100
Чума	—	2	87

Распространенность инфекционных болезней в 1919-1920 гг. достигла предельных величин. Зарегистрированный индекс заболеваемости сыпным тифом в 1920г. превысил показатели 1913 г. в 46 (!) раз, брюшным тифом и паратифом — в 2,4 раза[27]. И если в годы Первой мировой войны, по данным Управления противоэпидемических учреждений Наркомздрава СССР, заболеваемость сыпным тифом в России колебалась в пределах 6-8 случаев на 10 тыс. человек, то в 1919-1920 гг. повысилась до 340 случаев[28]. При этом необходимо иметь в виду, что в статистические сводки попадали только официально зарегистрированные медиками случаи заболеваний. В действительности их было значительно больше, так как основная масса заболеваний из-за распада здравохранения не фиксировалась. По оценке О. В. Барояна, в течение 1917-1922гг. сыпным тифом переболело 20 млн., возвратным — 10 млн.., брюшным тифом и паратифом (в 1920-1921 гг.) — до полумиллиона, малярией (в 1919-1920 гг.) — 5 млн. человек[29].

Многие из этих болезней, вполне излечиваемых в условиях нормальной социальной жизни, в пертурбационные годы Гражданской войны зачастую приводили к смерти. Оставленные без медицинской помощи в неотапливаемых домах, голодные люди вымирали тысячами. Заболевшие могли надеяться только на естественную сопротивляемость

организма, помощь родственников и друзей. Уровень летальности (важнейший индикатор качества работы медиков, показывающий отношение числа умерших от какой-либо болезни к числу заболевших) многократно увеличился. В 1918 г., в частности, в 37 губерниях России, охваченных эпидемией холеры, из 41 тыс. заболевших погибло около трети[30]. В Сибири в 1920 г. смертность среди больных тифом достигала 90%[31].

Итог эпидемическому «шторму» 1918-1920 гг. подвел Е. З. Волков, по оценке которого (возможно, несколько завышенной) в России в эти годы от острых инфекций скончалось более 5 млн. человек, что значительно превышает боевые потери противоборствующих сторон, вместе взятых[32].

После 1920 г. инфекционная заболеваемость пошла на спад, но оставалась по-прежнему высокой. В 1922 г. было зафиксировано 1,4 млн. заболеваний сыпным тифом, 296 тыс. случаев брюшного тифа[33]. В 1921 г. в стране было зарегистрировано 179 тыс. больных холерой[34].

Эпидемии, сотрясавшие страну, сопровождались страшным голодом 1921-1922 гг., который поразил Поволжье, Северный Кавказ и юг Украины. К 1 января 1922 г. число голодающих в России достигло 15 млн., к 1 апреля — 20 млн.[35], а к 1 июля — 22,6 млн. человек[36]. Первопричиной голода была не засуха, а безумная экономическая политика большевистского правительства в период «военного коммунизма», подорвавшая производительные силы деревни, и без того ослабленные войной.

Оценить потери населения России от голода очень сложно. Некоторые исследователи используют данные, опубликованные в 1930г. в первом издании Большой советской энциклопедии, где говорится о 5 млн. человек, погибших от голода[37]. Принципиально иную оценку дает Ю. А. Поляков, по мнению которого от голода и болезней погибло около 1 млн. человек[38].

В настоящее время появилась возможность уточнить демографическую оценку потерь населения в 1921—1922 гг. Согласно расчетам Е. М. Андреева, Л. Е. Дарского и Т. Л. Харьковой, в 1921-1922 гг. в нашей стране скончалось 10,8 млн. человек[39]. Если бы не было войны, голода и эпидемий, умерло бы значительно меньше людей. В этом случае уровень смертности колебался бы в пределах гипотетической «нормы», которая для начала 1920-х гг. составляла примерно 25‰. Зная численность населения страны (по оценке Е. М. Андреева, Л. Е. Дарского и Т. Л. Харьковой, она составляла в 1921 г. — 137,8 млн. человек, в 1922 г. — 136,9 млн. человек[40]), нетрудно подсчитать, что в случае бескризисного развития событий естественной смертью умерло бы около 7 млн. человек. Следовательно, размеры сверхсмертности в 1921-1922 гг. тожде-

ственны примерно 3,8 млн. (10,8 млн.-7,0 млн.) человек. Эта цифра включает погибших в боях и скончавшихся от голода и эпидемий.

Еще одним источником уменьшения населения России была массовая эмиграция. Как считает А. Я. Кваша, к окончанию Гражданской войны страну покинуло до 2 млн. человек, из которых к концу 1920-х гг. возвратилось только 180 тыс. человек[41]. Таким образом, безвозвратные потери России вследствие эмиграции в годы революции и Гражданской войны составили около 1,8 млн. человек. Эти данные в основном совпадают с цифрами, приводимыми в 1921 г. Лениным, который неоднократно подчеркивал, что за границей находится 1,5-2 млн. эмигрантов[42], а также с материалами Лиги Наций за август 1921 г., в которых упоминается о 1,4 млн. российских эмигрантов[43].

Демографические итоги революции и Гражданской войны в России

Каковы же общие демографические итоги Гражданской войны? Исследователями называются разные цифры, причем разброс в оценках колеблется в пределах нескольких миллионов человек. С. Г. Струмилин, основываясь на материалах переписи 1920 г., пришел к выводу, что Россия потеряла свыше 21 млн. человек[44]. В. П. Данилов считает, что в результате голода, эпидемий, боевых действий и с учетом дефицита рождений в 1917-1922 гг. потери России составили приблизительно 30 млн.[45]. Ю. А. Поляков общий итог людских потерь определяет как превышающий 25 млн.[46]. С. Максудов считает, что потери россиян в 1918-1920 гг. составили 10,2 млн. человек, в 1920-1922 гг. —3,6 млн., а всего, таким образом, 13,8 млн. жизней[47].

Если исходить из предположения Е. З. Волкова о том, что население России в начале XX в. в мирных условиях ежегодно увеличивало свою численность на 1,97%, и иметь в виду, что на январь 1918 г. в стране насчитывалось 140,9 млн. жителей, то к началу 1923 г. население должно было составить 155,3 млн., тогда как на самом деле численность не превышала 133,5 млн. человек[48]. Таким образом, приступ революционной лихорадки обошелся народам нашей страны в

$$155{,}3 - 133{,}5 = 21{,}8 \text{ млн. жизней,}$$

включая сюда прямые, косвенные и демографические потери.

Примечания

1 Сост. по: *Волков Е. З.* Динамика народонаселения СССР за восемьдесят лет. М.;Л., 1930. С. 270-271.
2. Вестник статистики. 1963. № 11. С. 92; Население СССР. (Численность, состав и движение населения.) 1973: Стат. сборник. М., 1974. С. 7.
3. Сост. по: *Боярский А. Я.* Население и методы его изучения. М., 1975. С. 226.
4. *Урланис Б. Ц.* Рождаемость и продолжительность жизни в СССР. М., 1963. С. 25.
5. *Дробижев В. З.* У истоков советской демографии. М., 1987. С. 63.
6. *Максудов С.* Потери населения СССР. Вепзоп, Уегтоп1, 1989. С. 202.
7. *Дробижев В. З.* У истоков советской демографии. С. 69.
8. *Лубны-Герцык Л. И.* Движение населения на территории СССР за время мировой войны и революции. М., 1926. С. 103-104.
9. *Антонов А. Н.* Смертность грудных и малых детей, её причины и меры борьбы. Л.; М., 1931. С. 30.
10. Население Советского Союза: 1922-1991. М., 1993. С. 135.
11. Гриф секретности снят: Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Стат. исследование. М., 1993. С. 11, 12.
12. Народное хозяйство Союза ССР в цифрах с приложением данных по мировому хозяйству: Стат. справочник. М., 1925. С. ПО.
13. *Лубны-Герцык Л. И.* Движение населения... С. 27.
14. *Урланис Б. Ц.* Войны и народонаселение Европы: Людские потери вооруженных сил европейских стран в войнах XУП-XX вв. (Историко-статистическое исследование). М., 1960. С. 183.
15. Там же. С. 305.
16. Там же. С. 188,307.
17. *Поляков Ю. А.* Советская страна после окончания Гражданской войны: Территория и население. М., 1986. С. 102.
18. Там же.
19. Там же. С. 104.
20. Советская военная энциклопедия. Т. 1. М., 1976. С. 541.
21. Там же. Т. 7. М., 1979. С. 242.
22. Сост. по: Гриф секретности снят... С. 54.
23. *Сорокин П.* Современное состояние России // Новый мир. 1992. № 4. С. 186.
24. *Поляков Ю. А.* Советская страна... С. 105.
25. *Мельгунов С. П.* Красный террор в России. М., 1990.
26. Сост. по: *Вебер Л. Г.* Основные этапы развития санитарно-эпидемиологической службы СССР, её структура и задачи. М., 1955. С. 14-15.
27. Инфекционные болезни человека в СССР: Стат. справочник. М., 1968. С. 39, 52.
28. ГАРФ, ф. 8009, оп. 3, д. 244А, л. 151.
29. *Бароян О. В.* Итоги полувековой борьбы с инфекциями в СССР и некоторые вопросы современной эпидемиологии. М., 1968. С. 12, 55, 62, 76, 142.

30. Там же. С. 17.
31. Жизнь Сибири. 1922. № 4. С. 205.
32. *Волков Е. З.* Динамика народонаселения СССР... С. 189.
33. *Бароян О. В.* Итоги полувековой борьбы... С. 31.
34. Опыт советской медицины в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Т. 32. М, 1955. С. 15.
35. *Лубны-Герцык Л. И.* Движение населения... С. 28.
36. *Хенкин Е. М.* Очерки истории борьбы советского государства с голодом (1921-1922). Красноярск, 1988. С. 25.
37. Большая советская энциклопедия. 1-е изд. Т. 17. М., 1930. С. 463.
38. *Поляков Ю. А.* 1921-й: Победа над голодом. М., 1975. С. 27.
39. Население Советского Союза... С. 118.
40. Там же. С. 118.
41. *КвашаА.* Цена побед//СССР: Демографический диагноз. М., 1990. С. 242.
42. *Ленин В. И.* Поли. собр. соч. Т. 43. С. 49, 126, 138; Т. 44. С. 5, 39.
43. *Поляков Ю. А.* Советская страна... С. 118.
44. *Струмилин С. Г.* Проблемы экономики труда. М., 1957. С. 39.
45. *Данилов В. П.* Динамика населения СССР за 1917-1922 гг. (Опыт археографического и источниковедческого отбора данных для реконструкции демографического процесса)// Археографический ежегодник за 1968 год. М., 1970. С. 246.
46. *Поляков Ю. А.* Советская страна... С. 128.
47. *Максудов С.* Потери населения СССР... С. 185-186.
48. *Волков Е. З.* Динамика народонаселения... С. 270-271.

Глава 10
ЗАТИШЬЕ ПЕРЕД БУРЕЙ

Угроза потери власти заставила Ленина отказаться от разрушител ной политики «военного коммунизма». Новая экономическая политика связанное с ней распространение идей умеренного авторитаризма посл жили основой стабилизации советского общества. Ушли в прошлое кр стьянские восстания и голод. Постепенно преодолевалась хозяйственн разруха. Внедрение элементов рыночной экономики способствовало ли видации товарного дефицита и означало медленное, но устойчивое п вышение материального благосостояния городского и сельского насел ния. Увеличивалось производство продуктов питания, товаров народн го потребления и медикаментов. Развивалась система бесплатно государственного здравоохранения, которая, несмотря на присущие недостатки, небезуспешно боролась за эпидемическое благополуч страны. Наступала эра умиротворения, отмеченная разрядкой демогр фической напряженности. Казалось бы, пертурбационный период разв тия народонаселения навсегда уходил в прошлое.

Воспроизводство населения

Рождаемость, достаточно высокая в годы Гражданской войны, пос её окончания продолжала увеличиваться, чему способствовали не тол ко воссоединение семей в ходе демобилизации Красной и ликвидац Белой армий, но и восстановление крестьянской общины с её регуля ными земельными переделами по количеству едоков. Учитывая к то же, что в деревне трудовая деятельность начиналась в раннем возрас можно утверждать, что крестьянские семьи были экономически заин ресованы в многодетности. Наличие детей, таким образом, способств вало процветанию крестьянских хозяйств.

В 1924 г. был зафиксирован самый высокий в демографической и тории России XX столетия уровень деторождения, когда общий коэ фициент рождаемости в стране вплотную приблизился к 50‰. Росс после завершения «великой смуты» переживала своего рода демограф ческий взрыв. В сельской местности многих районов Советского Сою

в конце 1920-х гг. показатели рождаемости заметно превышали отметку в 50%о. Например, в сельских районах Уральской области в 1926 г. на тысячу человек населения родилось 57 детей, в Сибири — 53 ребенка'. В деревнях Рубцовского округа Сибирского края в 1928 г. уровень рождаемости достиг отметки 64%о, в Каменском округе — 62%о[2]. В сущности, в советской деревне в годы нэпа был достигнут предел рождаемости, ограниченный только физиологическими возможностями женского организма (таблица ЮЛ)[3].

Таблица 10.1

Воспроизводство населения СССР (в границах до 17.09.1939 г.) в 1923-1928 гг., %»

Год	Родилось	Умерло	Естественный прирост
1923	47,0	29,1	17,9
1924	49,0	27,6	21,4
1925	47,3	28,7	18,6
1926	45,6	25,5	20,1
1927	46,3	26,5	19,7
1928	45,3	25,3	20,0

Одновременно с увеличением показателей рождаемости сократилась смертность, причем не только по отношению к кризисному периоду Гражданской войны, но и по сравнению с благополучным 1913г. Во всяком случае, во второй половине 1920-х гг. общие коэффициенты смертности населения СССР колебались в пределах 25-26%о.

Единственным тревожным сигналом — своеобразным вестником грядущих демографических бурь — стало некоторое увеличение смертности в 1927 г., что, несомненно, представляло собой реакцию сельского населения на так называемый кризис хлебозаготовок. Но на фоне внешнего демографического благополучия сигнал не был замечен.

Детская смертность в СССР уменьшалась. Это можно трактовать как самое значительное достижение коммунистического правительства и отечественной медицины второй половины 1920-х гг. Если в 1920 г. из каждой тысячи новорожденных умер, не дожив до года, 251, то в 1923 г. — 229, в 1926 г. — 197, а в 1927 и в 1928 гг. — 182 младенца[4]. Таким образом, за 1920-1928 гг. коэффициент младенческой смертности в СССР уменьшился на 27,5%. •

Снижение общих коэффициентов смертности населения страны и главным образом сокращение детской смертности явились основой увеличения показателей средней продолжительности жизни. В 1926-1927 гг. ожидаемая продолжительность жизни новорожденных, по расчетам демографов тех лет, достигла 47 лет[5], а по современным оценкам — 37,5 года[6]. Но в любом случае, если учесть, что в 1920 г. продолжительность жизни не превышала 20,5 лет[7], это было внушительное увеличение.

Естественный прирост населения СССР в 1923-1928 гг. характеризовался не просто положительными (рождаемость заметно превышала смертность), но высокими показателями. В указанные годы коэффициент естественного прироста населения Советского Союза составлял в среднем 19-20%о. Только в 1927 г. в связи с ростом смертности естественный прирост несколько сократился (см. таблицу 10.1). Но в 1928 г. его показатели вновь увеличились. В целом за годы нэпа ежегодный прирост численности населения страны за счет превышения рождаемости над смертностью составлял в среднем около 3 млн. человек.

Численность населения

Всесоюзная перепись населения, проведенная 17 декабря 1926 г., показала, что в Советском Союзе (в границах до 17 сентября 1939 г.) проживало 147 млн. человек[8]. Возможно, из-за недоучета населения, допущенного при проведении переписи, эти данные были занижены и в стране проживало больше людей, чем было зарегистрировано советской статистикой.

В 1920-е гг. население СССР быстро увеличивало свою численность, компенсируя тем самым потери революционного периода. С начала 1923 г. по начало 1929 г. население Советского Союза выросло на 12,5%. Прирост в абсолютном выражении составил 17,2 млн. человек. Таким образом, дореволюционная численность населения была не только восстановлена, но и превзойдена (таблица 10.2)[9].

Но, несмотря на быстрый и устойчивый рост численности населения Советского Союза, нэп было бы ошибочно трактовать только как период абсолютного демографического благоденствия. Некоторые достижения были иллюзорны, а в области развития народонаселения имелось слишком много проблем, главной из которых оставалась по-прежнему высокая (хотя и сократившаяся) смертность, а также низкая средняя продолжительность жизни. К концу 1920-х — началу 193 0-х гг. в развитых странах Европы и в США ожидаемая продолжительность жизни достигла 62 лет[10]. Напомним, что в СССР в 1926-1927 гг. она не превышала

(по современным оценкам) 37,5 лет. Гражданам советской страны приходилось расплачиваться за бурные революционные годы.

Таблица 10.2

Динамика численности населения СССР (на начало года в границах до 17.09.1939 г.) в 1923-1929 гг.

Год	Тыс. человек	К предшествующему году, %
1923	137487	—
1924	139 969	101,8
1925	143 003	102,2
1926	145 694	101,9
1927	148 656	102,0
1928	151 622	102,0
1929	154687	102,0

Основным фактором, значительно снижающим среднюю продолжительность жизни населения СССР, оставалась все еще очень высокая (несмотря на явно выраженную тенденцию к сокращению) младенческая смертность. Согласно данным таблиц смертности населения европейской части страны 1926-1927 гг., вероятность умереть у детей первого года жизни была выше, чем у 85-летних старцев[11]. Повышенной оставалась летальность среди людей, достигших рабочего возраста. Смертность среди мужчин значительно превышала смертность среди женщин. Иными словами, демографическая сфера Советского Союза имела в 1920-е гг. огромные резервы дальнейшего снижения смертности, но они в силу ряда причин социального характера почти не использовались.

В основе повышенных показателей смертности лежали причины экзогенного (внешнего по отношению к демографической сфере) характера — главным образом инфекционные заболевания, обусловленные не только низкой санитарной культурой городского и сельского населения, но и невысоким уровнем жизни. Эпидемии после окончания Гражданской войны удалось ликвидировать, но острые инфекционные и желудочно-кишечные болезни, как и прежде, были широко распространенным, обыденным явлением существования. В 1925 г., например, в СССР были зарегистрированы 252 тыс. больных брюшным, сыпным и возвратным тифом, 68 тыс. заболеваний дифтерией, 253 тыс. случаев скарлатины, 602 тыс. случаев кори, 4 872 тыс. заболеваний малярией и

19 тыс. случаев натуральной оспы[12]. Высокой оставалась заболеваемость населения дизентерией, коклюшем, трахомой, туберкулезом, пневмонией. В СССР в конце 1920-х гг. отмечались спорадические случаи заболевания даже такими исключительно опасными инфекциями, как холера и чума[13]. Во второй половине 1920-х гг. в структуре причин смерти населения СССР преобладали летальные исходы от воспаления легких, туберкулеза, скарлатины, дизентерии, брюшного тифа, дифтерии, травм, болезней сердца, злокачественных новообразований. На их долю приходилось почти 46% всех смертей[14], что свидетельствует не только о слабости здравоохранения и дефиците медикаментов, но и о тесных и сырых жилищах, неразвитости санитарных и коммунальных служб, неполноценном питании людей, а в конечном итоге — об отношении государства к жизни и здоровью своих граждан.

Инфекционные болезни в наибольшей степени сокращали вероятную продолжительность жизни людей. По оценке Р. Н. Бирюковой, смертность от туберкулеза уменьшала потенциальную продолжительность жизни населения европейской части СССР на 5 лет, от воспаления легких — на 5,5, от скарлатины, дизентерии, брюшного тифа и дифтерии — на 2,7 года[15].

И все же во второй половине 1920-х гг. у народов, населявших огромную территорию Советского Союза, появился реальный шанс навести порядок в своей «демографической квартире», добиться кардинального сокращения смертности и увеличения продолжительности жизни, обеспечить устойчивый рост населения страны. Но эта возможность по причинам исключительно политического свойства была упущена.

Примечания

1. Естественное движение населения Союза ССР в 1926 г. М., 1929. Т. 1. С. 36-41.
2. Статистика Сибири: Сб. статей и материалов. Вып. II. Новосибирск, 1930. С. 141.
3. Сост. по: Население Советского Союза. 1922-1991. М., 1993. С. 120.
4. Там же. С. 135.
5. Население СССР: Справочник. М., 1983. С. 68.
6. Население Советского Союза... С. 135.
7. Там же.
8. Население СССР. 1987: Стат. сборник. М., 1988. С. 8.
9. Сост. по: Население Советского Союза... С. 118.
10. Народонаселение стран мира: Справочник. М., 1978. С. 163.
11. Воспроизводство населения СССР. М., 1983. С. 298.

12. Инфекционные болезни человека в СССР: Стат. справочник. М., 1968. С. 39, 42,43,45,46,51-53.
13. Статистический обзор состояния здравоохранения и заболеваемости зараз ными болезнями в РСФСР в 1926 году. М., 1928. С. XXII.
14. *Бирюкова Р. Н.* Таблицы смертности по причинам смерти // Советская демо графия за 70 лет. М., 1987. С. 259.
15. Там же. С. 260.

Глава 11

«ВЕЛИКИЙ ПЕРЕЛОМ»

Период относительного демографического благополучия, порожденный нэпом, оказался слишком непродолжительным, чтобы кардинально воздействовать на эволюцию народонаселения Советского Союза и закрепить наметившиеся позитивные тенденции. Они не получили дальнейшего развития и были прерваны в конце 1920-х — начале 1930-х гг., когда внутриполитическая ситуация в СССР изменилась.

Сталин, взяв курс на ликвидацию нэпа, круто повернул руль в сторону плановой централизованной экономики. На новом историческом витке страна как бы вернулась к временам военного коммунизма. На смену рыночным отношениям пришли форсированная индустриализация и коллективизация сельского хозяйства. Демографические последствия подобных политических решений могли быть только негативными.

Реализация плана первой пятилетки, отдававшего абсолютный приоритет тяжелой промышленности и предусматривавшего астрономически высокие темпы её роста, потребовала предельного напряжения всех сил народа. Ресурсы, использованные для развития металлургии, машиностроения, энергетики, топливодобычи (составлявших основу военно-промышленного комплекса), были изъяты сталинским правительством главным образом из сферы потребления, в ущерб легкой промышленности и социальной инфраструктуре.

Сельское хозяйство страны, превращенное в основной источник ресурсных поступлений, было принесено в жертву индустриальным амбициям партийных вождей. Государство выкачивало из деревни все, представляющее хоть какую-нибудь ценность. Насильственная коллективизация, массовое разорение единоличников, депортация в отдаленные районы так называемых кулаков и подкулачников, физическое уничтожение наиболее работоспособного слоя крестьянства привели к деградации аграрного сектора экономики. Производство продовольствия в СССР сокращалось, скот вырезался. Деревня влачила жалкое, нищенское существование. Между тем государство требовало все больше хлеба, необходимого для экспорта, чтобы закупать за границей машины и оборудование.

Чугуна и стали, угля и электроэнергии на душу населения в стране действительно производилось все больше и больше, но все меньше было хлеба, масла, молока, одежды, обуви. Советские города, быстро растущие за счет бегущих из деревень крестьян, поразил острейший жилищный кризис. Люди вынуждены были жить в тесных и сырых бараках, землянках, коммуналках, в переуплотненных общежитиях. Здравоохранение, финансируемое строго по остаточному принципу, фактически разрушалось.

Динамика рождаемости

1929 г., объявленный Сталиным «годом великого перелома», действительно оказался важнейшим рубежом не только в политической и экономической, но и в демографической истории страны. В этом году дали о себе знать первые тревожные симптомы обострения демографической ситуации. В 1930-1931 гг. кризис углубился (таблица 11.1)[1].

Таблица 11.1

Воспроизводство населения СССР (в границах до 17.09.1939 г.) в 1929-1931 гг.

Год	Родилось, %п	Умерло, %о	Естественный прирост, %п	Детская смертность, %о	Продолжительность жизни, лет
1929	**44,1**	**26,5**	**17,6**	**190,0**	**37,4**
1930	**42,2**	**27,0**	**15,2**	**196,0**	**36,5**
1931	**40,5**	**28,0**	**12,5**	**210,0**	**35,0**

В 1929-1931 гг. изменились в худшую сторону все без исключения показатели демографического развития, и прежде всего — рождаемость. По современным оценкам, коэффициент рождаемости в 1931 г. был ниже, чем в 1929 г., на 8%. Если в 1927 г. в СССР появилось на свет 7 млн., то в 1929 г. — 6,9 млн.., в 1931 г. — 6,5 млн. младенцев[2].

По оценке советских статистиков, сделанной в декабре 1934 г., в городских поселениях страны за 1929-1931 гг. рождаемость понизилась на 6%, в сельской местности — на 13%[3]. Как правило, в городах рождаемость сокращается быстрее, чем в сельской местности. Обратная ситуация (как это и было в СССР в начале 1930-х гг.) сама по себе свидетельствует о наличии серьезных диспропорций в демографической сфере страны.

Главной причиной снижения рождаемости на этом этапе демографической истории СССР было, несомненно, ухудшение условий жизни людей. Семьям с каждым годом все труднее было формировать свой фонд потребления, или проще говоря, накормить, одеть и обуть детей. Добиться расширения жилой площади после рождения ребенка было невозможно. Малодетные и бездетные семьи получали огромное преимущество. В этих условиях потенциальные родители принимали решение отложить рождение ребенка до лучших времен.

Разрушавшие здоровье женщин искусственные аборты в городах Советского Союза получили самое широкое распространение, поскольку, вследствие почти полного отсутствия средств контрацепции, являлись практически единственным способом ограничения рождаемости. В 1930 г. среди работниц текстильной промышленности СССР на каждые 100 родов производилось 60, в 1931 г. — 69 абортов, среди работниц швейной промышленности — соответственно 139 и 120 абортов[4].

Серьезным фактором, негативно воздействующим на рождаемость, стали бурные миграции, до середины 1931 г. поощряемые государством[5]. С началом насильственной коллективизации миллионы крестьян хлынули в города. Горожане в поисках лучшей доли перемещались из одного населенного пункта в другой. По данным официальной советской статистики, основанной на фиксации прописки-выписки, в течение 1929-1931 гг. в города СССР прибыло 27,3 млн. мигрантов, при этом выбыло из городов 19,2 млн. человек. Таким образом, было совершено почти 50 млн. переселений[6]. К этому необходимо прибавить, что большое количество перемещений людей не учитывалось статистикой того времени. Поскольку среди переселенцев преобладали мужчины, то сам факт миграции означал временный (в некоторых случаях и окончательный) разрыв брачно-семейных отношений, а следовательно, и снижение рождаемости.

Смертность и продолжительность жизни

Обнаруженные в архивах статистические документы 1930-х гг. показывают, что в 1929-1931 гг. уровень смертности населения Советского Союза не только не увеличился, но даже сократился. Согласно «Конъюнктурному обзору движения населения СССР за 1930-1934 гг.», составленному работниками ЦУНХУ СССР в декабре 1934 г., коэффициент смертности населения понизился с 21,3‰ в 1929 г. до 18,5‰ в 1931 г.[7] По расчетам советских статистиков, проделанным в конце 1930-х гг., общий коэффициент смертности населения страны в 1929 г. составил

20,2‰, в 1931 г.— 19,5‰[8]. В данном случае статистики вынуждены были считаться с заявлением Сталина на XVI съезде ВКП(б), которое носило исключительно политический характер и сегодня выглядит более чем странно: «...рабочие и крестьяне живут у нас в общем не плохо (так в источнике. — *Авт.),* смертность населения уменьшилась по сравнению с довоенным временем на 36% по общей и на 42,5% по детской линии...»[9].

Однако было бы несправедливо взвалить всю ответственность за публикацию искаженных данных о населении на Сталина и его статистический аппарат. Недоучет демографических событий был столь значителен, а реальная картина динамики народонаселения искажалась до такой степени, что не показывала даже направление развития. (О недостатках учета движения населения СССР в 1930-е гг. см. раздел «Источники информации».) Современные исследования показали, что в 1927-1929 гг. статистики не зарегистрировали примерно 60%, в 1930-1933 г. — 94% смертей[10]. Так, органы статистики Советского Союза зафиксировали в 1931 г. всего 3,3 млн. смертей, но реально умерло не менее 4,5 млн. человек. Недоучет умерших в абсолютных цифрах составил, следовательно, около 1,2 млн. человек".

В 1929-1931 гг. смертность населения СССР не уменьшалась, как это показывают расчеты статистиков тех лет, а напротив, увеличивалась. В 1931 г. уровень смертности населения Советского Союза, как показывает таблица 11.1, где представлены современные оценки, вырос по сравнению с 1929 г. на 6%, а показатель детской смертности — на 11%.

Вместе с ростом смертности сокращалась продолжительность жизни людей. За 1929—1931 гг. ожидаемая продолжительность жизни населения СССР уменьшилась на 2,4 года — с 37,4 лет до 35 лет. Жизнь в стране Советов становилась не только труднее, но и короче.

В основе увеличения смертности населения, как и в случае с рождаемостью, лежало ухудшение условий существования. Но главную негативную роль играли разрушение здравоохранения, дефицит медикаментов и предметов санитарной гигиены. На этом неблагоприятном фоне нарастала инфекционная заболеваемость. В целом по стране ее уровень в 1930 г. превышал аналогичные показатели за 1925 г. по кори в 17 раз, по скарлатине — в 2,5, по дифтерии — более чем в 2 раза, по брюшному тифу и паратифу — на 21%. Кроме того, в 1930 г. было зафиксировано почти 3 млн. заболеваний малярией, 38,6 тыс. заболеваний сыпным тифом, 9,7 тыс. случаев оспы, 3 тыс. случаев возвратного тифа[12].

Серьезным фактором, обострявшим демографическую ситуацию, были крупномасштабные депортации людей в отдаленные районы СССР.

Насильственные переселения стали широко практиковаться сталинским правительством после того, как в феврале 1930 г. было принято решение о «ликвидации кулачества как класса». На основе расплывчатых критериев крестьяне клеймились как «кулаки» и «подкулачники», подлежащие выселению. Установить точное число крестьян, погибших в ходе массовых депортаций, не представляется возможным. Смерти спецпереселенцев не регистрировались гражданскими загсами, а статистика НКВД о числе погибших кулаков велась (причем крайне неаккуратно) только с 1932 г.

По данным В. Н. Земскова, опирающегося на документы Отдела по спецпереселенцам ГУЛАГа ОПТУ, в 1930-1931 гг. насильственной депортации подверглись 381 тыс. семей общей численностью 1 803 392 человека. Между тем на начало января 1932 г. на учете состояло 1 317 022 спецпереселенца[13]. Следовательно, их численность сократилась на 486 370 человек. Учитывая неточности регистрации, нестыковки документов и предположив, что некоторые из спецпереселенцев бежали или были освобождены, можно считать (с некоторой долей условности), что за период с февраля 1930 г. по январь 1932 г. погибло около 300 тыс. депортированных, в основном крестьян.

Падение рождаемости и увеличение смертности привели к заметному снижению размеров естественного прироста населения СССР. В 1928 г. естественный прирост составил 3 млн. человек. В 1929 г. он сократился до 2,7 млн., в 1930 г. — до 2,4 млн.., а в 1931 г. — до 2 млн. человек[14]. Согласно советской оценке, сделанной в 1934г., коэффициент естественного прироста за 1929—1931 гг. уменьшился в городах на 40%, в сельской местности — на 17, а по всему населению СССР — на 22%[15].

Численность населения

Сокращение размеров естественного прироста означало существенное замедление темпов роста населения страны. Численность населения Советского Союза в 1929-1931 гг. изменялась следующим образом (на начало года, в границах СССР до 17 сентября 1939 г.)[16]:

Год	Численность населения, млн. человек
1929	154,7
1930	157,4
1931	159,8

После завершения Гражданской войны, с 1 января 1923 г. по 1 января 1929г. население страны ежегодно возрастало в среднем на 2,1%,

тогда как в период демографического кризиса 1929-1931 гг. — на 1,6%. Причем демографическая ситуация с каждым годом становилась все напряженнее, а темпы роста населения снижались. Если в 1929-1930 гг. население СССР увеличилось на 1,7%, то в 1930-1931 гг. — на 1,5%. В сущности, уже в начале 1932 г. население СССР стояло на пороге демографической катастрофы.

Примечания

1. Сост. по: Население Советского Союза: 1922-1991. М., 1993. С. 120, 135.
2. Там же. С. 118.
3. РГАЭ.ф. 1562, оп. 329, д. 131, л. 1.
4. Там же, оп. 20, д. 195, л. 9.
5. См.: Постановление СНК СССР от 16 марта 1930 г. «Об устранении препятствий к свободному отходу крестьян на отхожие промыслы и сезонные работы»//Известия. 1930. 17 марта.
6. Подсчитано по данным: Труд в СССР: Стат. справочник. М., 1936. С. 7.
7. РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 131, л. 1.
8. Там же, оп. 20, д. 195, л. 12.
9. *Сталин И. В.* Сочинения. М., 1949. Т. 12. С. 299.
10. Население Советского Союза... С. 44.
11. Там же. С. 118; РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 131, л. 1.
12. Инфекционные болезни человека в СССР. М., 1968. С. 39, 42, 43, 45, 46, 52, 53.
13. *Земское В. Н.* Спецпоселенцы (1930-1959 гг.) // Население России в 1920-1950-е годы: Численность, потери, миграции. М., 1994. С. 146.
14. Население Советского Союза... С. 118.
15. РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 131, л. 1.
16. Население Советского Союза... С. 118.

Глава 12 МАШИНЫ СЪЕЛИ ЛЮДЕЙ

Несмотря на множившиеся тревожные сигналы о явном неблагополучии демографической сферы, социально-экономическая политика коммунистического правительства, направленная на форсированную индустриализацию и насильственную коллективизацию, не только не была откорректирована, но, напротив, усилена. Потребление народа было бесповоротно принесено в жертву тяжелой промышленности. Производство сельскохозяйственной продукции падало, тогда как экспорт продовольствия, главным образом зерна, нарастал. Сталину нужна была твердая валюта для закупок за границей машин и оборудования. «Мы не можем импортировать без экспорта», — резюмировал он в декабре 1933 г.[1] По данным Н. А. Ивницкого, в начале 1930-х гг. за границу было продано 18 млн. ц зерна[2]. Это были отнюдь не излишки. В обмен на хлеб, который не поступал на внутренний рынок, СССР в годы первой пятилетки ввез машин почти на 2,5 млн. рублей и 4,1 млн. тонн металла[3].

Последствия этой жестокой политики в полной мере сказались осенью 1932 г. В Советском Союзе разразился страшный голод, унесший миллионы жизней. И если в Англии на заре индустриализации «овцы съели людей», то в СССР людей «съели» машины.

У истоков демографической катастрофы

Считается, что советский голод 1932-1933 гг. носил локальный характер. Действительно, он поразил в первую очередь хлебопроизводящие районы: Украину, Поволжье, Северный Кавказ, Западную Сибирь, Центрально-Черноземную область, Казахстан. Это были территории абсолютного голода, с полным отсутствием продовольствия, где люди опухали, поедали траву, собак, трупы павших животных. В СССР фиксировались даже случаи людоедства[4].

Но недоедание (скрытая, латентная форма голода) охватило всю территорию страны. В «благополучных» районах главными продуктами питания стали картошка и низкокачественный хлеб, да и то в недостаточных количествах, не обеспечивавших физиологический минимум

потребления. Дефицит продуктов ощущался даже в крупных индустриальных центрах, поставленных на карточное снабжение продовольствием. А. Г. Манъков, в 1933 г. проживавший в Ленинграде, свидетельствует: «...сплошь и рядом нам приходится голодать, мерзнуть и лишать себя всего самого необходимого... Только что пообедал. Обед состоял из тарелки совершенно не масленых кислых щей с мелкой костлявой рыбешкой. Два небольших кусочка хлеба. На второе кофе без молока и сахара... Продуктов, выдаваемых по нормированным ценам, едва хватает дня на три, на четыре»[5].

Таким образом, голод — как абсолютный (полное отсутствие продуктов), так и латентный (хроническое недоедание, острый недостаток в рационе белков и витаминов) — охватил все население СССР. Но особенно тяжелым было положение в сельской местности. Миллионы крестьян, спасаясь от ужасов коллективизации и голода, в поисках работы и куска хлеба хлынули в города. Жизнь в сырых, холодных бараках и землянках казалась им раем по сравнению с тем, что они видели в деревне. Жалкие карточки, дававшие горожанам право на получение плохо пропеченного хлеба, представлялись почти недостижимой мечтой.

Бегство крестьян в города сопровождалось интенсивными миграциями самих горожан. В 1932 г. в городские поселения СССР вселилось почти 11 млн. новоселов, а выбыло из городов 8 млн. человек. Таким образом, в этом году было совершено около 19 млн. переселений (без учета переездов из села в село)[6].

В конце первой пятилетки политика коммунистического правительства по отношению к мигрантам коренным образом изменилась. И если до середины 1931 г. переселения в города поощрялись, то теперь главной задачей стало сдерживание бегства крестьян от коллективизации. Чтобы ограничить приток голодающих жителей села в промышленные и административные центры, в декабре 1932 г. в СССР были введены паспорта и организована система прописки: крестьяне, которым паспорта не выдавались, фактически лишались права проживать в городах, особенно крупных, где правила прописки были наиболее жесткими[7]. Так сложился замкнутый круг: крестьяне не могли прописаться, а следовательно, устроиться на работу и получить продуктовые карточки. Но этого оказалось недостаточно, так как многие крестьяне, используя различные каналы, все же селились в городах. Хозяйственники смотрели сквозь пальцы на отсутствие документов, поскольку промышленные предприятия, стройки и транспорт испытывали острейший дефицит рабочих рук, в том числе и неквалифицированных. Поэтому 17 марта 1933г., в самый разгар голода, было принято постановление ЦИК и

СНК СССР, согласно которому выход из колхоза допускался только с разрешения администрации на основе оргнабора рабочей силы[8]. Помимо этого принимались меры исключительно полицейского характера. Территории, пораженные голодом, окружались войсковыми кордонами, и население не выпускалось за их пределы.

В итоге в 1933 г. правительству удалось несколько снизить масштабы притока деревенских жителей в города. В первом полугодии 1933 г. механический прирост городского населения стал отрицательным, —из городов уезжало больше людей, чем прибывало в них. Но во втором полугодии 1933 г. интенсивность миграций вновь резко возросла. В целом за 1933 г. в города и поселки городского типа СССР прибыло 7,4 млн., выбыло из них — 6,6 млн. человек[9], общий объем валовой мифации составил, таким образом, 14 млн. переселений. И все-таки росли именно те города, где условия прописки были самыми жесткими. Урбанизация приняла форсированный, но хаотичный характер.

Эпидемии

Городские поселения страны не были готовы принять такое огромное количество новоселов. Жилья катастрофически не хватало. Коммунальное хозяйство находилось в полуразрушенном состоянии. Многочисленные новые города, как грибы, возникавшие при строительстве индустриальных гигантов, являли собой сбитые в аморфную группу землянки и бараки, заселенные выходцами из деревень.

Голод в деревне и длительное хроническое недоедание в городе ослабляли естественные защитные функции человеческого организма. Антисанитарные условия существования людей, почти повсеместный педикулез (завшивленность), интенсивные миграции не могли не вызвать рост инфекционных заболеваний, которые вскоре переросли в эпидемии, бывшие во все времена постоянными спутниками голода.

Советская санитарная статистика, склонная скорее преуменьшать, чем преувеличивать масштабы бедствия, зафиксировала в 1932—1933 гг. более 1 млн. случаев сыпного тифа, 50 тыс. заболеваний возвратным тифом, 500 тыс. заболеваний брюшным тифом, почти 6,5 млн. случаев малярии (только в 1933 г.)[10]. Страну захлестнула волна желудочно-кишечных болезней (колит, энтероколит, гастроэнтероколит, диарея), болезней органов дыхания (воспаление легких, бронхит), детских инфекций (корь, дифтерия, коклюш, скарлатина), авитаминозов (цинга, пеллагра). В городах свирепствовали дизентерия и туберкулез, от которого вымирали семьями.

Таблица 12.1

Сезонные колебания воспроизводства населения РСФСР (в текущих границах) в 1932–1934 гг., человек

Календарный месяц	Родилось			Умерло			Естественный прирост (убыль)		
	1932 г.	1933 г.	1934 г.	1932 г.	1933 г.	1934 г.	1932 г.	1933 г.	1934 г.
Январь	340 483	265 551	200 272	144 083	173 753	156 287	196 400	91 798	43 985
Февраль	297 779	241 903	167 360	154 134	210 760	143 910	143 645	31 143	23 450
Март	280 995	247 775	161 281	170 136	270 575	165 050	110 859	–22 800	–3 769
Апрель	229 145	205 994	135 772	159 829	264 343	154 297	69 314	–58 349	–19 149
Май	224 220	199 521	139 390	144 034	289 393	140 641	80 186	–89 872	–801
Июнь	228 003	206 933	169 929	133 350	314 524	139 266	94 653	–107 591	30 663
Июль	258 739	225 399	219 966	159 360	345 912	176 889	99 379	–120 513	43 077
Август	254 204	231 463	242 926	191 111	323 360	203 822	63 093	–91 897	39 104
Сентябрь	239 558	203 412	230 684	152 834	232 276	180 978	86 724	–28 864	49 706
Октябрь	243 097	201 760	244 417	135 230	193 238	146 104	107 867	8 522	98 313
Ноябрь	224 908	181 077	233 384	129 958	159 484	128 654	94 950	21 593	104 730
Декабрь	211 776	174 997	217 697	133 474	174 661	148 439	78 302	336	69 258

Бичом крестьян и жителей небольших городов стала септическая ангина, впервые зафиксированная в СССР в мае 1932 г. в селе Талгар (примерно в 30 километрах от Алма-Аты), а также в Талды-Курганском районе Казахстана. Это в те времена еще малоизвестное и неизученное заболевание, методы лечения которого не были разработаны, охватило 1 660 человек, из которых 875 скончалось (уровень летальности почти 53%)". Вскоре септическая ангина распространилась на Западную Сибирь, Урал, Башкирию и Киргизию. Заболевание характеризовалось быстрым некротическим распадом тканей неба и горла, кровотечением из десен и горла, интоксикацией организма, повышенной температурой тела (до 39-^0°). Летальность от септической ангины в конце 1932 и в 1933 г. достигала 80-90%[12]. Происхождение этой болезни, которая в медицинской литературе стала именоваться алиментарно-септической алейкией, так и не было выяснено до конца[13]. Но одно было ясно: заболеванию всегда предшествовало длительное недоедание, недостаток витаминов в пище, употребление различного рода суррогатов — зерна, пролежавшего зиму на неубранных полях, толченого камыша, травы, озерных и речных водорослей. Везде, где питание было хотя бы относительно нормальным, случаи септической ангины не фиксировались[14].

Здравоохранение страны, финансируемое по строго остаточному принципу, не в состоянии было сдержать напор эпидемий. В 1932 г. СССР располагал всего 256 тыс. больничных мест, число врачей не превышало 76 тыс., а бюджет здравоохранения составлял мизерную величину — 1,7 млрд рублей (в масштабе цен тех лет)[15].

Сверхсмертность

Голод и сопутствующие ему эпидемии на фоне фактической деградации государственной системы здравоохранения и санитарного контроля обусловили резкое увеличение смертности. Для характеристики процесса нарастания смертности воспользуемся материалами текущей регистрации естественного движения населения РСФСР за 1932-1934 гг. (таблица 12.1)[16]. Эти материалы в силу погрешностей учета преуменьшают данные о числе родившихся и умерших. По ним нельзя судить о количественных параметрах катастрофы. Но они отчетливо показывают общие тенденции развития демографической сферы.

Из таблицы 12.1 видно, что даже в конце 1932 г. еще преобладали тенденции, характерные для кризисного, но не катастрофического состояния демографической сферы. Колебания числа умерших в сторону увеличения не были столь резкими, чтобы трактовать их как свидетель-

ство катастрофы. Увеличение числа умерших в летние месяцы (июль — август) 1932 г. объясняется обычными сезонными колебаниями, характерными для стран со слаборазвитым здравоохранением и неконтролируемой смертностью.

Быстрое сокращение естественного прироста в течение 1932 г. (более чем в 2,5 раза — со 196 тыс. человек в январе до 78 тыс. в декабре) происходило не за счет повышения смертности, а вследствие продолжавшегося спада рождаемости: если в январе 1932г. в РСФСР появилось на свет 340 тыс., то в июле — 259 тыс., в декабре — 212 тыс. младенцев.

Инерционная по своей природе демографическая сфера отреагировала на голод с некоторым запозданием. Между началом собственно голода (осень 1932г.) и началом демографической катастрофы лежал временной лаг в несколько месяцев. История как бы предоставляла коммунистическому правительству последнюю возможность предотвратить надвигавшуюся катастрофу, избежать резкого скачка смертности.

Полномасштабная катастрофа, характеризуемая скачкообразным ростом смертности, развернулась в январе — феврале 1933 г. и достигла своего пика к лету того же года. В декабре 1932 г. в РСФСР скончалось 133 тыс., в январе 1933 г. — 174 тыс., в феврале — 211 тыс., в марте — 270 тыс. человек. Максимальных величин смертность достигла в июле 1933 г., когда в РСФСР было зафиксировано 346 тыс. умерших. Следовательно, за несколько месяцев — с декабря 1932 г. по июль 1933 г. — количество смертей более чем удвоилось. Причем число умерших в июле 1933 г. превышало число умерших в июле 1932 г. в 2,2 раза.

Это говорит о том, что главным фактором роста смертности летом 1933 г. были не сезонные её колебания, а голод и эпидемии. Массовое вымирание населения, а не снижение рождаемости, на этот раз обусловило отрицательные показатели естественного прироста. Депопуляция в РСФСР бушевала на протяжении семи месяцев — с марта по сентябрь 1933 г. Убыль населения России за счет превышения числа умерших над числом родившихся в указанный период составила почти 520 тыс. человек. В этом контексте происходившие в 1933 г. события являли собой классический образец крупномасштабной демографической катастрофы.

Медленное снижение числа умерших было зафиксировано осенью 1933г. после уборки нового урожая. Но только во второй половине 1934 г. смертность достигла своей условной «естественной нормы».

Между тем рождаемость, как более инерционный, чем смертность, элемент процесса воспроизводства населения, сокращалась вплоть до апреля 1934 г. И если в апреле 1932 г. в РСФСР родилось 229 тыс., то в апреле 1933 г. — 206 тыс., в апреле 1934 г. — 136 тыс. детей. Пониженная рождаемость весной 1934 г. вызвала рецидив депопуляции. На протяжении трех месяцев (март — май) 1934 г. показатели естественного прироста населения вновь стали отрицательными. И только осенью 1934 г. демографическая ситуация нормализовалась.

Характерно, что в сельской местности РСФСР рост смертности был выражен более резко, чем в городах. В городских поселениях России число умерших за период с декабря 1932 г. по июль 1933 г. удвоилось, тогда как в сельской местности выросло почти в 3 раза[17]. В действительности демографическая ситуация в деревне была еще хуже, чем это показывают статистические материалы, так как случаи смерти в сельской местности фиксировались с большими, чем в городах, погрешностями. Но в городских поселениях, особенно крупных, без сомнения, сильнее было падение рождаемости.

В итоге депопуляция в городах обозначилась в целом раньше, чем в деревне (в городских поселениях — в феврале 1933 г., в сельской местности — в апреле 1933 г.), а завершилась позже (в городах — к апрелю 1934 г., в деревне — к сентябрю 1933 г.). Это говорит о том, что демографическая катастрофа в сельской местности происходила на протяжении меньшего времени, чем в городах, но была выражена грубее.

Демографические последствия голода

Вопрос о демографических последствиях голода 1932-1933 гг. не разрешен до настоящего времени. В научной литературе предлагаются различные, отличающиеся друг от друга способы определения размеров сверхсмертности и, соответственно, получены далеко не тождественные варианты оценок количественных параметров последствий голода.

К настоящему времени опубликованы несколько основательных очерков по историографии проблемы, содержащих весьма солидную критику способов и приемов, используемых учеными для определения числа жертв голода[18]. Поэтому, чтобы не повторяться, отсылаем читателя к уже имеющейся литературе и в данном случае ограничимся анализом лишь трех вариантов существующих оценок, еще не подвергнутых критике.

Первая известная нам попытка определить демографические последствия голода была предпринята «по горячим следам» еще в декабре 1934 г. группой статистиков ЦУНХУ СССР. Опираясь на данные местных статистических управлений, они составили уже упоминаемый ранее документ — «Конъюнктурный обзор движения населения СССР за

1930-1934 гг.». Получив гриф «Совершенно секретно», он был отпечатан в трех экземплярах. По-видимому, с ним был ознакомлен крайне ограниченный круг высших партийных и государственных чиновников. Скорее всего, они не проявили интереса к этому документу. Данные «Конъюнктурного обзора», отражающие динамику воспроизводства населения СССР (в границах до 17 сентября 1939 г.) в 1931-1933 гг. приведены в таблице 12.2".

Таблица 12.2

Воспроизводство населения СССР в 1931-1933 гг., млн.. человек

Год	Родилось	Умерло	Естественный прирост (убыль)
1931	**6,2**	**3,3**	**2,9**
1932	**5,8**	**3,6**	**2,2**
1933	**4,1**	**5,8**	**-1,7**

Статистики 1930-х гг. были хорошо осведомлены, что в 1931-1933 гг. рождаемость в СССР снижалась, тогда как смертность увеличивалась. Причем анализ положения в стране ясно показывал, что главной причиной предельного обострения демографической ситуации был именно значительный рост показателей смертности, а не снижение рождаемости. Согласно материалам, сосредоточенным в «Конъюнктурном обзоре», в течение 1931-1933 гг. число родившихся в Советском Союзе сократилось в 1,5 раза, тогда как смертность увеличилась в 1,8 раза. «В 1933 г. убыль населения почти целиком определена была исключительно высокой смертностью (при продолжающемся понижении рождаемости)», — подчеркивали работники ЦУНХУ[20].

В «Конъюнктурном обзоре» отмечалась локализация смертности в отдельных регионах СССР, главным образом на Украине, Северном Кавказе, Нижней Волге и в Центрально-Черноземной области. Причем только на Украине скончалось 2,9 млн. человек — свыше половины умерших, зафиксированных по всему Советскому Союзу. В Житомире, например, уровень смертности в 1933 г. поднялся до невиданной ранее величины — 83‰, в Кременчуге и Бердичеве — до 69, в Виннице — до 63, в Херсоне — до 52‰[21].

Данные о числе родившихся и умерших, которые использовали советские статистики в 1934 г., не отражали реальную ситуацию, и демографическая картина представлялась им в сильно искаженном виде. В частности, были преуменьшены размеры сверхсмертности. Вряд ли на

Северном Кавказе или, к примеру, в Поволжье демографическая ситуация была менее напряженной, чем на Украине, где, скорее всего, лучше, чем в других регионах СССР, был организован статистический учет. В данном случае исследователи столкнулись со своего рода артефактом.

Продуктивную попытку определить параметры воспроизводства населения СССР в период демографической катастрофы 1933 г. предприняла Е. А. Осокина, которая в своих расчетах опиралась на материалы ЦУНХУ[22]. Но, осознавая в принципе неточность статистической информации 1930-х гг., она все же не внесла необходимых поправок и в итоге получила интересные сведения о тенденциях развития демографической сферы, но не уточненные данные о потерях населения страны. В сущности, ответ на вопрос о количестве жертв голода 1932-1933 гг. ею так и не был получен.

По данным Е. А. Осокиной (они в принципе идентичны по основным цифровым параметрам материалам «Конъюнктурного обзора», что не удивительно, так как происхождение источников — ЦУНХУ Госплана СССР — совпадает), естественная убыль населения СССР в 1933 г. составляла 1,6 млн. человек, а по доисчисленным данным, которые получили статистики тех лет, — 1,3 млн. человек. Примечательно, что работники ЦУНХУ откорректировали в сторону увеличения число родившихся (за счет незарегистрированных рождений) и оставили почти без изменений число умерших. В итоге в ущерб объективности им удалось несколько смягчить картину демографической катастрофы. Согласно доисчисленным данным, превышение числа умерших над числом родившихся (депопуляция) было характерно для Уральской и Центрально-Черноземной областей, Северного, Средне-Волжского, Нижне-Волжского, Северо-Кавказского краев и Украины. Все остальные территории СССР характеризовались положительными величинами естественного прироста, а убыль населения Украины составила всего 1,5 млн. человек[23].

На самом деле демографическая ситуация была значительно напряженнее. Убыль населения СССР в 1933 г. составляла не 1,3 млн. человек и даже не 1,6 млн., а значительно большую величину. Депопуляция охватила не семь территорий страны, как это указывается в материалах ЦУНХУ, а намного больше. Как доказательство приведем данные по Казахстану. Согласно доисчисленным данным ЦУНХУ, которыми оперирует Е. А. Осокина, естественный прирост населения Казакской АССР (так в 1933 г. именовалась эта республика) в 1933 г. составлял небольшую, но все же положительную величину — 68 тыс. человек[24], а численность сельского населения республики увеличилась на 1,3% — с 5 685 тыс. на 1 января 1933 г. до 5 761 тыс. человек на 1 января 1934 г.[25]

Но по другим источникам (материалы расчетов УНХУ Казахской АССР на основе периодических учетов численности скота, которые содержат сведения о численности населения), сельское население республики за период с 1 июня 1931 г. по 1 июня 1934г. сократилось более чем в 2 раза[26]. Даже с учетом миграций (массовое бегство казахов от голода в Западную Сибирь и Китай) такое резкое снижение численности сельского населения невозможно при положительных величинах естественного прироста.

Сегодня нельзя определенно ответить на вопрос: преднамеренно ли статистики ЦУНХУ искажали цифровые показатели воспроизводства населения СССР? Но сам факт такого искажения не вызывает сомнений. Статистические материалы 193 0-х гг. требуют не только критического отношения, но и внесения соответствующих поправок.

Наиболее обоснованные поправки были внесены группой российских демографов в начале 1990-х гг. На этой основе ими получены, по-видимому, максимально возможные по степени точности материалы о воспроизводстве населения СССР в ходе демографической катастрофы 1933 г.

Данные таблицы 12.3, основанные на оценке Е. М. Андреева, Л. Е. Дарского, Т. Л. Харьковой, свидетельствуют, что в 1933 г. по отношению к 1932г. число родившихся уменьшилось на 292 тыс., тогда как число умерших увеличилось на 6 664 тыс. и превысило 11 млн. человек[27]. Никогда ранее ни Россия, ни СССР не знали такого количества смертей. Советский Союз стараниями Сталина был превращен в огромное кладбище.

Таблица 12.3

Воспроизводство населения СССР (в границах до 17.09.1939 г.) в 1932-1933 гг.

Год	Родилось		Умерло		Естественный прирост (убыль)	
	тыс. чел.	%0	тыс. чел.	%0	тыс. чел.	Ко
1932	5837	35,9	4786	29,5	1051 -	6,5 -
1933	5545	34,7	11 450	71,6	5905	36,9

Общий коэффициент смертности достиг поистине апокалипсической отметки, составив почти 72%о. Таким образом, в 1933 г. были превышены показатели смертности, характерные для периода революции и Гражданской войны. Соответственно убыль населения Советского Союза за счет превышения числа умерших над числом родившихся составила около 6 млн. человек.

Средняя продолжительность жизни населения страны в ходе голода 1933 г. понизилась до 11,6 лет, в том числе у мужчин — до 10,3, у женщин до 13 лет[28]. Если принять количество умерших в 1932 г. за некоторую условную «норму», то демографическая катастрофа и порожденная ею сверхсмертность в 1933 г. унесли жизни почти 7 млн. человек. Эти цифры говорят сами за себя и не нуждаются в дополнительных комментариях. Они сопоставимы разве что с потерями населения в ходе крупной войны.

Состав умерших по полу и возрасту

Какие группы населения приняли на себя главный удар голода и понесли основные потери? Точный ответ на этот вопрос найти очень трудно из-за низкого качества регистрации умерших по полу и возрасту. Но общие тенденции выявить все же можно. В Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) хранится информация о составе 459,6 тыс. умерших в городах РСФСР в 1933 г. по полу, возрасту и причинам смерти, опираясь на которую, можно получить некоторое представление о демографической ситуации по стране в целом. Поэтому будем считать эту информацию условно репрезентативной. Во всяком случае, иных, более точных материалов просто нет.

В таблицах 12.4 и 12.5 представлен состав умерших по полу и возрасту в городских поселениях РСФСР в 1933 г. (без Западной области, Азово-Черноморского и части Горьковского краев в текущих административно-территориальных границах)[29].

Таблица 12.4

Состав умерших по полу в 1933 г. в городских поселениях РСФСР, %о

Возраст, лет	Мужчины	Женщины	Возраст, лет	Мужчины	Женщины
0-4	53,4	46,6	25-29	66,5	33,5
В том числе			30-39	65,0	35,0
моложе 1 года	54,6	45,4	40-49	69,1	30,9
5-9	54,9	45,1	50-59	68,2	31,8
10-14	58,1	41,9	60 и старше	49,8	50,2
15-19	63,4	36,6	Возраст		
20-24	65,9	34,1	неизвестен	71,3	28,7
			Всего	57,7	42,3

Таблица 12.5

Состав умерших по возрасту в 1933 г. в городских поселениях РСФСР, %

Возраст, лет	Мужчины	Женщины	Оба пола	Возраст, лет	Мужчины	Женщины	Оба пола
0-4	32,0	38,2	34,6	25-29	4,0	2,7	3,4
В том числе				30-39	7,6	5,6	6,7
моложе 1 года	16,2	18,3	17,1	40-49	10,2	6,2	8,5
5-9	4,3	4,9	4,6	50-59	12,3	7,9	10,5
10-14	1,4	1,4	1,4	60 и старше	20,0	27,5	23,1
15-19	2,3	1,8	2,1	Возраст			
20-24	3,8	2,7	3,3	неизвестен	2,1	1,1	1,8
				Всего	100,0	100,0	100,0

Число мужчин среди умерших в ходе катастрофы 1933 г. заметно превышало число женщин. Мужчины как физиологически менее устойчивая (а это хрестоматийный факт), но социально более активная группа населения сильнее, чем женщины, были подвержены негативному воздействию внешней среды. Особенно высокой была прослойка мужчин среди умерших в возрастном диапазоне от 20 до 59 лет, где их удельный вес превышал 65%. В целом по всем группам возрастов на каждые 100 женских смертей приходилось 137 мужских. Таким образом, голод уносил прежде всего жизни мужчин.

Для демографической катастрофы 1933 г. характерна ярко выраженная концентрация смертности в детских и старческих возрастах. Дети и старики, как самые незащищенные группы населения, составляли основную массу умерших. На долю детей моложе 5 лет приходилось почти 35% смертей, на долю стариков старше 60 лет — свыше 23%. Обращает на себя внимание и тот факт, что среди погибших было очень много младенцев, которым не исполнилось и года. Неокрепший детский организм не выдерживал напора голода и болезней и быстро угасал. Вообще детская смертность в 1933 г. повысилась до небывалых величин и составляла, по современным оценкам, 317‰[30].

Катастрофически высокая детская смертность в СССР в начале 1930-х гг. приводит исследователя к мысли о явно гипертрофированном чувстве социального лицемерия коммунистических властей. В 1933 г. в рейс вышел советский пароход «Челюскин», имевший на борту 111 человек. В Беринговом проливе он был затерт льдами и 13 февраля затонул. Советское правительство для спасения 111 человек затратило миллионы рублей, поскольку за ходом широко разрекламированной спасательной операции следил весь мир. Сталин тем самым демонстрировал, как дорога ему жизнь каждого советского человека. В это же время в СССР из-за голода и отсутствия медицинской помощи из каждых десяти родившихся младенцев погибало трое.

До настоящего момента структура умерших по полу и возрасту рассматривалась на материалах только городского населения РСФСР, поскольку для сельской местности такая статистика отсутствует. Но в Государственном архиве Российской Федерации и в некоторых региональных архивах нам удалось обнаружить сведения о составе умерших сельских жителей по отдельным территориям страны. Рассмотрим проблему на материалах Саратовского края (таблица 12.6)[31]. Их анализ дает некоторое представление о демографических процессах, протекавших в России в целом. К тому же Саратовская область в 1933 г. оказалась в самом эпицентре голода, что, несомненно, повышает ценность представленной статистической информации.

Таблица 12.6

Половозрастной состав умерших в 1933 г. Сельское население Саратовского края (в текущих административно-территориальных границах)

Возраст, лет	На 100 женщин умерло мужчин	Возрастной состав умерших (оба пола), %
0-4 В том числе	121	24,6
моложе 1 года	124	8,2
5-9	144	12,0
10-14	155	4,4
15-19	163	2,9
20-24	167	2,9
25-29	156	3,5
30-34	150	3,3
35-39	134	3,6
40-44	143	3,5
45-49	163	5,0
50-54	172	4,8
55-59	180	4,7
60 и старше	130	23,2
Возраст неизвестен	135	1,6
Всего	140	100,0

В 1933 г. в сельской местности поляризация смертности в младших и старших возрастах была выражена так же резко, как и в городах. Во всяком случае, в деревнях Саратовского края на долю детей до 5 лет во всей совокупности умерших приходилось почти 25%, прослойка детей от 5 до 9 лет составляла 12, удельный вес лиц старше 60 лет превышал 23%. Таким образом, в сельской местности самый жестокий удар голода пришелся на эти возрастные группы.

Еще сильнее, чем в городах, на селе была выражена мужская сверхсмертность: на каждые 100 умерших женщин приходилось 140 мужчин. Особенно значительные показатели мужской сверхсмертности были характерны для возрастных групп 15-24 и 45-59 лет. В этих диапазонах возрастов на 100 умерших женщин приходилось более 160 мужчин, а в группе от 55 до 59 лет — даже 180 мужчин.

Структура причин смерти

Чтобы выявить факторы, обусловливающие специфику смертности в период демографической катастрофы 1933 г. и определить доминанты столь значительного её роста, представляется чрезвычайно важным рассмотреть структуру причин смерти советского населения. К сожалению, в 1930-е гг. причины смерти фиксировались только в крупных городах, и то со значительными погрешностями.

В номенклатуре причин смерти в 1933 г. выделялись 57 наименований, для удобства сформированных в табл. 12.7 и на рис. 1 в девять основных групп[32]. Обращает на себя внимание, что в городских поселениях РСФСР доля умерших собственно от голода (она обозначена как «болезни неполноценного питания») оказалась невелика — всего 1,8%. Скорее всего, многочисленные смерти от голода не фиксировались советской статистикой умышленно. Сталин делал все от него зависящее, чтобы скрыть не только масштабы, но и сам факт голода. Сведения о голодных смертях не попадали даже в строго засекреченную статистическую документацию.

В силу чрезвычайных условий существования в период голода на второй план оказались отодвинутыми и эндогенные (связанные с естественным старением организма) причины смертности, такие, например, как сердечно-сосудистые заболевания. Главными причинами массовой гибели людей были болезни экзогенного происхождения, обусловленные негативными факторами внешней среды: острые и хронические инфекции, паразитарные болезни, желудочно-кишечные заболевания, а также болезни органов дыхания. Среди них выделялись туберкулез, корь, тиф,

Таблица 12.7

Причины смерти городского населения РСФСР (без Западной области, Азово-Черноморского и части Горьковского краев в текущих административно-территориальных границах) в 1933 г., %

Причины смерти (по номенклатуре 1933 г.)	Мужчины	Женщины	Оба пола
1 . Инфекционные и паразитарные болезни	21,8	20,9	21,4
В том числе			
тиф (все виды)	3,3	3,0	3,2
корь	3,2	4,2	3,6
скарлатина	0,5	0,6	0,5
коклюш	0,4	0,7	0,5
дифтерия	0,9	1,1	1,0
грипп, инфлюэнца	0,8	0,9	0,9
туберкулез	10,1	7,7	9,1
малярия	1,1	1,2	1,1
прочие	1,5	1,5	1,5
2. Убийство, самоубийство	1,7	0,8	1,3
3. Травмы	2,9	1,5	2,3
4. Болезни неполноценного питания	2,1	1,3	1,8
5. Рак	1,6	2,2	1,8
6. Болезни сердца	11,2	10,7	11,0
7. Болезни органов дыхания	11,7	11,9	11,8
В том числе			
крупозная пневмония	1,4	1,1	1,3
бронхит	9,3	10,2	9,7
прочие	1,0	0,6	0,8
8. Желудочно-кишечные болезни	17,9	19,1	18,4
В том числе	2,1	2,3	2,2
дизентерия			
энтерит, колит, диарея	15,8	16,7	16,2
прочие	0,0	0,1	0,0
9. Прочие и неопределенные	29,1	31,6	30,2
Всего	100,0	100,0	100,0

энтерит, колит, диарея, бронхит. Ослабленный длительным хроническим недоеданием, человеческий организм быстро терял сопротивляемость и естественную иммунную защиту. Как это ни парадоксально, но люди «не дотягивали» до смерти собственно от голода, и сотни тысяч граждан страны Советов становились легкой добычей болезней. Иными словами, смерти от инфекционных и желудочно-кишечных заболеваний являлись прямым следствием существования населения в условиях голода. Употребление в пищу суррогатов и некачественных продуктов порождало дизентерию, энтериты, колиты, диарею. Проживание в тесных, сырых и нетопленых помещениях вызвало волну туберкулеза, бронхита и воспаления легких. Повсеместная антисанитария, распад коммунального хозяйства, педикулез, повышенная контактность населения вследствие бурных миграций обусловили резкий рост смертности от инфекций.

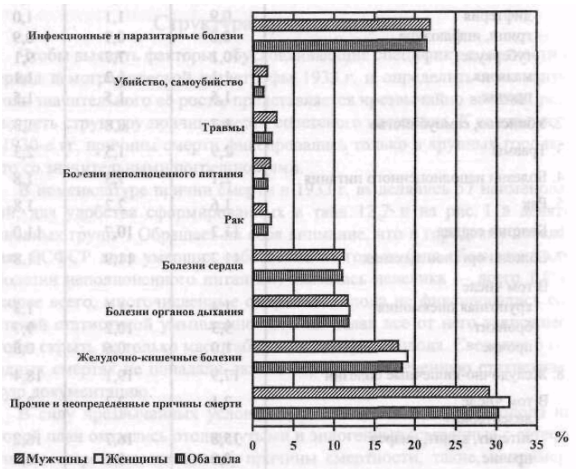


Рис. 1. **Основные причины смерти городского населения РСФСР в 1933 г.**

В сельской местности в начале 1930-х гг. регистрация причин смертности не проводилась. Но если бы такая статистика и имелась, то вряд

ли она кардинально отличалась бы от городских показателей. Думается, что и здесь основную массу человеческих жизней уносили инфекции, болезни органов дыхания и желудочно-кишечные заболевания. Вместе с тем, существует очень много свидетельств о гибели тысяч крестьян непосредственно от голода[33]. Но, как правило, смерти людей, и особенно жителей деревни, непосредственно от голода не фиксировались и, соответственно, не попадали в статистические сводки.

Структура причин смерти, сформировавшаяся в 1933 г., позволяет объяснить повышенную смертность мужчин, детей и стариков. Эти группы населения обладали низкой сопротивляемостью как раз по отношению к тем болезням, которые получили в период голода наибольшее распространение.

Примечания

1. *Сталин И. В.* Сочинения. М., 1949. Т. 12. С. 92.
2. *Ивницкий Н. А.* Голод 1932-1933 годов: кто виноват? // Судьбы российского крестьянства. М., 1995. С. 356.
3. Внешняя торговля СССР: Стат. сборник. 1918-1966. М., 1967. С. IX.
А.Девис Р., Хлевнюк О. В. Развернутое наступление социализма по всему фронту// Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. Т. 1.М., 1997. С. 130.
5. *Маньков А. Г.* Из дневника рядового человека (1933-1934 гг.) // Звезда. 1994. № 5. С. 135-137.
6. СССР в цифрах. М., 1935. С. 205.
7. Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР. 1932. № 37. Отд. 1. С. 516-517.
8. Известия. 1933. 18 марта.
9. СССР в цифрах. С. 205.
10. *Бароян О. В.* Итоги полувековой борьбы с инфекциями в СССР и некоторые актуальные вопросы современной эпидемиологии. М., 1968. С. 56, 63, 77, 143.
11. Государственный архив Новосибирской области (далее ГАНО), ф. 1353, оп. 1, д. 94, л. 7.
12. Там же, ф. 619, оп. 1, д. 24, л. 86.
13. См.: *Зима В. Ф.* Голод в СССР 1946-1947 годов: Происхождение и послед ствия. М., 1996. С. 79-81.
14. ГАНО, ф. 1353, оп. 1, д. 105, л. 84.
15. *БаткисГ. А.* Организация здравоохранения. М., 1948. С. 113.
16. Сост. по: РГАЭ, ф. 1562, оп. 20, д. 41, л. 15.
17. Там же.
18. *Максудов С.* Потери населения СССР. Вепзоп, УегтпоШ, 1989; *Он же.* Поте ри населения СССР в годы коллективизации // Звенья: Исторический альма-

нах. Вып. 1. М., 1991. С. 66-110; *Anderson B., Silver B.* Demographic analysis and population catastrophes in the USSR// Slavic Review. V. 44, №3. P. 517-536; *Араяовец Н. А,* Потери населения советского общества в 1930-е годы: проблемы, источники, методы изучения в отечественной историографии // Отечественная история. 1995. № 1. С. 135-146; идр.
19. Сост. по:РГЛЭ,ф. 1562, оп. 329, д. 131, л. 1-3.
20. Там же, л. 1.
21. Там же, л. 55.
22. *Осокина Е. А,* Жертвы голода 1933 года: Сколько их? (Анализ демофафиче-
ской статистики ЦГЛНХ СССР) // История СССР. 1991. № 5. С. 18-26.
23. Там же. С. 19-20.
24. Там же. С. 20.
25. Там же. С. 23.
26. РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 143, л. 143-144.
27. Сост. по: Население Советского Союза: 1922-1991, М., 1993. С. 118,120.
28. Там же, С. 135.
29. Сост. по: ГАРФ, ф. А-374, оп. 23, д. 224, л. 54-54 об.
30. Население Советского Союза... С. 135.
31. ГАРФ, ф. А-374, оп. 23, д. 226, л. 31-31 об.
32. Там же, д. 224, л. 54-54 об,
33. См.: *Ивницкий Н. А.* Голод 1932-1933 годов... С. 355-357.

Глава 13 СТАЛИНСКИЙ «ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ РЕНЕССАНС»

После голода 1932-1933 гг. яростный напор сталинского государства, направленный на достижение астрономически высоких темпов развития тяжелой индустрии, был несколько ослаблен. Наступил период отрезвления. Вторая пятилетка выглядела реалистичнее, чем первая. Контрольные цифры второй пятилетки предусматривали даже некоторый рост легкой и пищевой промышленности.

Коллективизация близилась к завершению. Благодаря чрезвычайным органам — политотделам МТС и совхозов — удалось добиться некоторой стабилизации аграрного сектора экономики. Это позволило улучшить питание населения. Голод был в основном преодолен или, что вернее, переведен из абсолютной его формы в латентную. Отныне население, при перманентной нехватке высококачественных продуктов питания, все же получало картошку, хлеб и крупы в количествах, минимально необходимых для обеспечения физиологического существования. В ноябре 1934 г. Пленум ЦК ВКП(б) принял решение об отмене карточной системы, и в течение 1935 г. в СССР постепенно совершился переход к свободной системе торговли.

Динамика рождаемости

Общая разрядка напряженности в стране в годы второй пятилетки обусловила и улучшение демографической ситуации. В 1934 г. процесс сокращения рождаемости еще продолжался, и её показатели были заметно ниже, чем в 1933 г. Это было своего рода «охвостье» демографической катастрофы, поскольку в 1933 г. число зачатий было невелико, а следовательно, небольшим было и число рождений в 1934 г. (с учетом 9-месячного лага между зачатием и рождением ребенка). Перелом наступил в конце лета 1934 г., когда количество родившихся детей стало медленно нарастать (см. таблицу 12.1). Но только к началу 1935 г. удалось преодолеть самые очевидные последствия голода.

Разность между зарегистрированным в 1930-е гг. числом родившихся (данные ЦУНХУ) и современными оценками весьма существенна. В

частности, в 1934 г. в стране не было зафиксировано свыше 40% рождений (таблица 13.1)'. (Недоучет демографических событий в исследуемый период, как уже ранее отмечалось, был скорее правилом, чем исключением. Этот вопрос основательно проанализирован в коллективной монографии отечественных демографов Е. М. Андреева, Л. Е. Дарского и Т. Л. Харьковой[2] и кратко освещен в главе «Источники информации» настоящей книги.)

Таблица 13.1

Динамика рождаемости в СССР (в границах до 17.09.1939 г.) в 1934-1938 гг.

Год	Родилось, тыс. человек		Поправка на недоучет, %	Современная оценка, ‰
	по оценке ЦУНХУ	по современной оценке		
1934	3411	4780	40,1	30,4
1935	4742	5249	10,7	33,0
1936	5350	5589	4,5	34,6
1937	6405	6549	2,2	39,9
1938	6323	6516	3,1	39,0

Таблица 13.1 показывает, что учет родившихся, благодаря принятым правительством мерам, после пережитой демографической катастрофы улучшался и размеры поправок сокращались. В этом аспекте важно лишь указать, что современные оценки тоже не могут считаться абсолютно точными и служить эталоном. Само распределение размера поправки по годам не лишено элемента субъективизма и, как пишут Е. М. Андреев, Л. Е. Дарский, Т. Л. Харькова, «было сначала произведено экспертным путем»[3]. Все же данные ЦУНХУ, полученные в 1930-е гг. на" основе загсовской статистики, равно как и современные оценки, отчетливо показывают общий вектор демографического развития: в 1935-1937 гг. рождаемость в СССР медленно, но неуклонно нарастала.

Очень важно разобраться в причинах столь кардинального перелома в демографической ситуации. Как уже говорилось, в основе сокращения рождаемости в 1932-1933 гг., а в какой-то степени и в 1934 г. лежало физическое истощение мужчин и женщин (что, безусловно, подрывало репродуктивную функцию), а также распад брачно-семейных отношений вследствие интенсивных миграций. Но помимо этих, лежащих на поверхности, причин, немаловажное значение имели и факторы социально-демографического характера. Многие семьи осознанно отказывались от рождения детей, понимая, что в условиях резкого падения уровня жизни одеть, обуть, прокормить и вырастить здорового ребенка невозможно. Люди были озабочены личным выживанием и откладывали рождение детей на неопределенный срок — до лучших времен.

В условиях почти полного отсутствия средств контрацепции единственным способом контроля над рождаемостью, как и прежде, оставались юридически разрешенные еще в ноябре 1920 г. медицинские аборты. Их количество быстро нарастало. В 1934 г. органами медицинской статистики СССР было зафиксировано 1 269 тыс. искусственных прерываний беременности[4]. А. Г. Маньков, работавший в 1933 г. на одном из заводов Ленинграда, писал в своем дневнике: «У нас работают преимущественно женщины и, в большинстве, молодые девушки... И ни одна из них не гуляет по родам. Но большинство больничных листов, проходящих через мои руки, говорит об абортах и преждевременных выкидышах»[5].

С учетом этого правильным будет утверждение, что рост рождаемости после 1934 г. в значительной степени являл собой реализацию ранее отложенных рождений — своего рода компенсаторную волну, поднимающуюся после всех крупных демографических катастроф. Большинство советских людей расценили временную стабилизацию обстановки в стране в годы второй пятилетки как устойчивую тенденцию и спешили обзавестись долгожданными сыновьями и дочерьми.

Очень важно при этом учитывать, что в 1935-1937 гг. в репродуктивный возраст вступили многочисленные поколения женщин, рожденных накануне Первой мировой войны. В 1935 г. женщинам, рожденным в 1913 г., исполнилось 22, в 1937 г. — 24 года. Именно эта возрастная группа характеризовалась в 1930-е гг. самой высокой интенсивностью деторождения. Таким образом, благоприятные структурные факторы в немалой степени способствовали увеличению числа детей.

Но одновременно с вялой компенсаторной волной, которая не могла в действительности компенсировать потери населения 1932-1933 гг. и на самом деле всего лишь способствовала некоторому увеличению показателей рождаемости, на динамику детопроизводства воздействовали факторы тормозящего характера. Форсированная урбанизация и связанные с ней кардинальные изменения образа жизни людей, втягивание женщин в производство (все больше женщин приходило на заводы, фабрики, стройки, транспорт), устремленность их к служебной карьере и образованию объективно вели к сокращению рождаемости, что было неизбежной платой Советского Союза за вступление в клуб индустриальных стран.

Экономическая ценность детей в связи с массовым обобществлением крестьянских хозяйств, кооперацией городских кустарей и ремесленников стремительно снижалась. Горожане — а их численность и удельный вес быстро нарастали — теперь жили на фиксированную заработную плату, колхозники — на начисленные трудодни, но главным образом за счет небольшого приусадебного участка. Отныне благосостояние семьи не зависело от числа детей, как это было в годы нэпа, когда дети крестьян, кустарей, ремесленников с раннего возраста начинали трудиться, помогая родителям в их хозяйственной деятельности. Теперь чем меньше было детей, тем большая доля средств приходилась на каждого отдельного члена семьи. Население СССР в массовом порядке переходило к среднедетной и малодетной семье. В итоге в стране постепенно набирал силу процесс демографического перехода, что характерно для всех стран, вступивших в индустриальную стадию развития.

В Советском Союзе демографический переход проявлялся в изуродованном виде, но все же оставался явлением вполне закономерным. Контроль над рождаемостью охватывал все более широкие слои населения. Основным способом регулирования числа детей в семье попрежнему оставались искусственные аборты. В 1935 г. в стране было произведено свыше 1,3 млн. абортов. В этом году из каждых 100 зачатий только 51 закончилось родами[6]. Можно предположить, что, исчерпав накопившийся в годы голода запас отложенных «на потом» рождений, число родившихся детей в 1936-1937 гг. стало бы стремительно сокращаться. Во всяком случае, вялая компенсаторная волна, поднявшаяся после голода 1932-1933 гг., оказалась кратковременной и в 1935 г. пошла на спад.

Эта ситуация не устраивала коммунистическое правительство. Для Сталина быстрый рост населения был предметом особой гордости, свидетельством правильности его политической линии. Социализм, согласно представлениям тех лет, характеризуется высокой рождаемостью и низкой смертностью, ускоренными темпами роста численности населения. Снижение рождаемости приписывалось только «загнивающему» капитализму и рассматривалось как важное свидетельство его кризиса. Иными словами, развитие народонаселения СССР рассматривалось не только как демографический, но как политический акт. Газета «Правда», доводившая эту позицию до абсурда, в январе 1934 г. писала: «Одним из наиболее обобщающих показателей... являются рождаемость и смертность... В свете этих итогов полностью вырисовывается во всем своем величии намеченный планом второго пятилетия рост материального и культурного уровня рабочих СССР»[7].

Таким образом, население СССР, в действительности не увеличивавшее, а снижавшее темпы своего роста, развивалось «не по теории». Необходимо было принимать срочные меры, чтобы повысить рождаемость. Эта задача преследовала еще и цель быстрой нейтрализации огромных людских потерь, понесенных Советским Союзом в ходе голода. Но стимулировать рождаемость, используя рычаги цивилизованной демографической политики, было невозможно. Во-первых, из-за нехватки материальных ресурсов, а во-вторых, из-за упорного нежелания правительства вкладывать деньги в развитие социальной инфраструктуры. Да и сама цель — заметно повысить рождаемость — противоречила объективному процессу демографического перехода. Поэтому вся демографическая политика коммунистических властей строилась на фундаменте чрезвычайных, административно-командных мероприятий.

Самым ярким проявлением сталинской чрезвычайщины в демографической области явилось постановление ЦИК и СНК СССР от 27 июня 1936 г. «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многосемейным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах»[8]. Та часть постановления, которая представляла собой декларацию об увеличении государственной помощи семьям, никакого практического значения не имела. Проблема коренилась не в размере пособия. Государственное вспомоществование в размере 2 тыс. рублей ежегодно в течение пяти лет выплачивалось матерям, уже родившим шестерых детей, при рождении каждого следующего ребенка. Матерям, родившим десять детей, назначалось единовременное государственное пособие в 5 тыс. рублей, а со второго года — ежегодное пособие в 3 тыс. рублей, выдаваемое в течение четырех лет[9]. Таким образом, пособие назначалось семьям, уже имеющим много детей, а рождение детей низких очередностей (первого, второго и третьего ребенка, что особенно важно, если преследовать цель повысить темпы роста населения) никак не поощрялось. Постановление ЦИК и СНК СССР от 27 июня 1936 г. по сути своей было направлено на оказание материальной помощи многодетным семьям, но не могло стимулировать рождаемость.

Главным в постановлении был запрет абортов. За их производство устанавливалось уголовное наказание в виде лишения свободы на срок до трех лет или штраф до 300 рублей, а также выносилось общественное порицание. Законодатели (а постановление подписали председатель ЦИК СССР М. И. Калинин, председатель СНК СССР В. М. Молотов и

исполняющий обязанности секретаря ЦИК СССР И. С. Уншлихт) исходили из весьма упрощенного представления о развитии народонаселения, рассуждая примерно следующим образом: в 1935 г. в стране было произведено 1,3 млн. абортов. Если бы эти беременности закончились родами, то детей было бы на 1,3 млн. больше. Но, как показали последующие события, реальная жизнь оказалась сложнее этой примитивной схемы. Как всякое чрезвычайное мероприятие, запрет абортов мог иметь только кратковременный шоковый эффект.

Действительно, первое время после выхода постановления количество абортов заметно сократилось, а рождаемость выросла. В 1937 г. в СССР было зарегистрировано всего 568 тыс. искусственных прерываний беременности[10]. И если в 1936 г. из каждых 100 зачатий только 69 заканчивались родами, то в 1937 г. — 87". Как считает Е. А. Садвокасова, в первый год после выхода в свет постановления о запрете абортов их количество снизилось по всей территории страны более чем в 3 раза, а в сельской местности — более чем в 4 раза[12]. Тенденцию к снижению рождаемости временно удалось переломить. Таблица 13.1 показывает, что за 1936-1937 гг. общий коэффициент рождаемости в СССР повысился на 15%, а число рождений в абсолютном выражении выросло почти на 1 млн. человек.

Рождаемость в основном увеличивалась за счет городов. Здесь искусственное прерывание беременности в период до его запрета получило особенно широкое распространение и, соответственно, значительнее, чем в сельской местности, был резерв роста. По данным ЦУНХУ, в сельской местности страны за 1936-1937 гг. уровень рождаемости повысился на 4,3, тогда как в городских поселениях — на 53,6%[13].

Но сталинскому «демографическому ренессансу» не суждено было длиться долго. В 1938 г. прозвучал первый тревожный сигнал о надвигающемся кризисе, когда уровень рождаемости по отношению к предыдущему году сократился. Основной причиной в данном случае явились факторы недемографического характера — главным образом обрушившиеся на страну массовые репрессии.

Массовый государственный террор, разрушивший сотни тысяч семей, нанес сильный удар по демографической сфере. Репрессии обрушились главным образом на мужчин репродуктивного возраста. По данным В. Н. Земскова, в 1937 г. прослойка мужчин в составе узников ГУЛАГа достигла почти 94%, в 1938 г. составляла 93%[14]. Аресты мужчин вызвали к жизни такое социально-демографическое явление, как брачный кризис. Как показывают материалы таблицы 13.2, количество зарегистрированных браков в 1937г. оказалось на 216 тыс. (на 15%)

меньше, чем в 1936 г.[15] Многие семьи фактически (официально развод оформлялся далеко не во всех случаях) распались из-за ареста одного из супругов. Распространенным явлением стало овдовение.

Таблица 13.2

Динамика зарегистрированных браков и разводов в СССР (в границах до 17.09.1939 г.) в 1935-1938 гг.

Год	Браки, тыс.	Разводы, тыс.
1935	1388	407
1936	1463	291
1937	1247	155
1938	1346	194

В 1938 г. число браков вновь увеличилось (советские люди сумели приспособиться и к государственному террору), но их количество так и не достигло показателей 1936 г. Вместе с тем в 1938 г. заметно возросло число разводов. Многие женщины оформляли развод с находящимися в заключении мужьями: советский закон в этом случае допускал заочное расторжение брака.

Советский демографический парадокс

Завершение первой пятилетки знаменовалось мощными экономическими и социальными потрясениями. Голод 1932-1933 гг., сопровождавшийся эпидемиями инфекционных заболеваний и вымиранием населения, грозил расстроить планы индустриализации страны или, по меньшей мере, замедлить ее темпы. Аграрный сектор экономики пребывал в состоянии хаоса. Полуголодные, физически ослабленные рабочие не в состоянии были выдержать ритм труда, задаваемый индустриальными технологиями. Горожане больше были заняты добыванием дефицитных продуктов, чем производством. Падала дисциплина труда, нарастало количество прогулов и число дней нетрудоспособности по болезни. Новейшие станки и технологические линии, закупленные за рубежом, простаивали. Предприятия выпускали брак. В условиях высокой смертности и крайне низкой продолжительности жизни, когда 33% мужчин и 30% женщин не доживало даже до 20 лет, затраты на подготовку квалифицированной рабочей силы становились бессмысленными. Иными словами,

дальнейшее развитие тяжелой и оборонной промышленности было невозможно без хотя бы минимального повышения уровня потребления, для чего требовалось увеличить ассигнования на развитие живого труда.

Все, что предпринимало в этом направлении сталинское правительство, правильнее интерпретировать не как демографическую политику, а как составную часть экономической, точнее, производственной стратегии. В мае 1935 г. Сталин выразил свое кредо с полной определенностью. «Из всех ценных капиталов, имеющихся в мире, — говорил он, — самым ценным и самым решающим капиталом являются люди, кадры»[16]. Это типичное для вождя высказывание отчетливо показывает, что для него понятия «люди» и «кадры» были тождественны. Человек в системе сталинского мировоззрения являл ценность не сам по себе, а только как «главная производительная сила», использовавшаяся на «великих стройках социализма».

Проблема массовой гибели миллионов мужчин, женщин, детей и стариков мало беспокоила Сталина. В его работах 1931-1934 гг. мне не удалось обнаружить даже слабые отзвуки тревоги по поводу вымирания населения. Рационалист и технократ, Сталин стремился спасти не людей, а рабочую силу («кадры», по его выражению) и тем самым обеспечить максимально высокие темпы индустриализации. Но объективно усилия сталинского правительства, предпринимаемые в области развития социальной инфраструктуры, способствовали улучшению демографической ситуации, в частности, снижению смертности.

После демографической катастрофы 1933 г. коммунистические власти оказались перед стратегически важным выбором, предопределившим на многие годы вперед формы и методы деятельности советского правительства по повышению выживаемости рабочей силы: пассивно приспосабливаться к пониженному уровню потребления или активно стремиться к изменению самих условий жизни человека в СССР.

Первое, пассивное направление развития живого труда обеспечивает тактический выигрыш. Суть его заключается в наращивании возможностей государства противостоять негативным воздействиям внешней среды, не меняя в принципе условий существования людей. Уровень жизни в данном случае остается низким, но общество как бы адаптируется к недостаточному и несбалансированному питанию, к отсутствию полноценного жилья и неразвитости социальной инфраструктуры, главным образом за счет развития органов здравоохранения и повышения эффективности их работы. Вероятность летальных исходов снижается, несмотря на повышенную заболеваемость и плохое состояние здоровья населения.

Второе, активное направление (этот термин, как и термин «пассивное направление», не совсем точно отражает сущность процесса, но лучшего пока подобрать не удалось) выражается в изменении самих условий жизнедеятельности людей. Следствием более благоприятных условий труда, быта, питания, жилищного обеспечения, развития коммунального хозяйства и вообще социальной инфраструктуры становится заметное ослабление воздействия негативных факторов внешней среды, улучшение состояния здоровья людей, снижение заболеваемости.

Итак, сталинское правительство в середине 193 0-х гг. оказалось перед стратегическим выбором: приспособиться к пониженному уровню жизни или кардинально изменить сами условия существования советских людей.

Активное направление предпочтительнее, но требует не только значительных материальных вложений и времени, но и реформирования самого тоталитарного режима (или даже отказа от него) на основе принципиально иного отношения к человеку и человеческой жизни. Следовательно, развитие активного направления должно тормозиться самой сутью тоталитарного государства, которое не в состоянии оценить человека «как меру всех вещей». Неудивительно, что сталинским правительством было избрано пассивное направление развития живого труда, которое вполне вписывалось в систему тоталитарного мировоззрения и вместе с тем давало быстрый, хотя и непрочный результат.

В Советском Союзе в процессе реализации пассивного направления государственная система здравоохранения сделала, без преувеличения, огромный шаг вперед. В течение 1932-1938 гг. бюджет советского здравоохранения вырос почти в 6 раз, количество больничных мест в стране было увеличено 1,6 раза, городских амбулаторий — в 1,7 раза, сельских врачебных участков — в 1,2 раза, число врачей — на 48%[17].

Важным шагом, заметно повысившим эффективность работы советских медицинских служб, стало форсированное развитие химико-фармацевтической промышленности. В СССР были построены и пущены в эксплуатацию десятки заводов по производству лекарственных препаратов. Стоимость основных фондов химико-фармацевтической промышленности Советского Союза в течение 1929-1937 гг. более чем утроилась[18]. Валовая продукция предприятий медицинской промышленности СССР в 1940 г. составила (в ценах 1955 г.) 422 млн. рублей[19]. В Советском Союзе было освоено производство новых высокоэффективных медицинских препаратов: в 1936 г. — акрихина и красного стрептоцида, в 1937 г. — сульфидина и сульфаниламида, в 1938г. — сульфазола[20]. В 1940г. в стране было произведено 65 т акрихина, 7,4 т кофеина и метилкофеина,

26 т пирамидона, 72 т препаратов сульфаниламида, 494 т салициловых препаратов, 24 т фенацетина[21]. В этом ряду очень полезным оказалось производство сульфаниламидов, которые были чрезвычайно эффективными в лечении желудочно-кишечных заболеваний, уносивших в СССР особенно много человеческих жизней.

Увеличился в стране и выпуск вакцин, лечебных сывороток и бактериофагов. Только за 1932—1937 гг. производство дизентерийной вакцины выросло в 17,5 раза, дизентерийного бактериофага — почти в 9 раз, дифтерийного анатоксина — в 2 раза, дифтерийной сыворотки — в 1,3 раза[22]. Профилактические прививки, вакцинации и ревакцинации на фоне пониженного уровня жизни рассматривались как основной способ снижения смертности от инфекционных заболеваний. Они широко применялись против оспы, кори, дифтерии, туберкулеза, брюшного тифа, скарлатины, дизентерии. Только в 1938-1939 гг. число вакцинаций и ревакцинаций против оспы в СССР достигло И 1,5 млн.[23], против кори (в 1937-1939гг.)—1,5 млн.[24].

Огромную роль в преодолении эпидемической заболеваемости сыграло значительное ужесточение государственного санитарного контроля. Советское руководство отреагировало на эпидемическую вспышку, сопровождавшую голод 1932-1933 гг., организацией в 1933 г. Государственной санитарной инспекции (ГСИ). В её задачи входили: разработка санитарно-гигиенических нормативов и правил; надзор за предприятиями общественного питания, пищевой и легкой промышленности; контроль над очисткой населенных пунктов; профилактика острозаразных заболеваний[25]. В том же году для усиления санитарного надзора были сформированы ведомственные санитарные службы при наркоматах торговли, пищевой, рыбной и мясо-молочной промышленности[26].

В 1935 г. в целях еще большего ужесточения санитарного контроля и координации деятельности всех органов санитарной инспекции была создана Всесоюзная государственная санитарная инспекция (ВГСИ) при СНК СССР. Работники ВГСИ как представители независимой от ведомств контролирующей организации получили право беспрепятственных санитарных осмотров производственных, торговых, складских и служебных помещений. Инспекторам ВГСИ вменялось в обязанность налагать штрафы и даже привлекать виновных к судебной ответственности[27].

О масштабах деятельности санитарно-контрольных служб свидетельствует тот факт, что только в Якутии в 1939-1940 гг. было организовано 3,5 тыс. проверок санитарного состояния учреждений общепита, 2,3 тыс. обследований магазинов, 1,3 тыс. инспекций складов. В эти годы санитарные инспектора республики 347 раз проверяли колхозные рынки, 715 раз — предприятия пищевой промышленности, 1 100 раз — школы, 413 раз — детские сады и ясли[28].

Единственным наркоматом, который не допускал санитарных инспекторов на свою территорию, оставался всесильный НКВД. Руководство ВГСИ безуспешно боролось за право государственных санитарных инспекторов проверять хотя бы выборочно санитарное состояние отдельных эшелонов с заключенными, которые, передвигаясь по железным дорогам, разносили инфекцию по огромной территории страны[29].

Одновременно с созданием органов санитарного контроля формировалась сеть собственно противоэпидемических учреждений. Неотъемлемым элементом этой структуры стали санитарно-эпидемиологические станции (СЭС), сотрудники которых несли ответственность за эпидемиологическое состояние отдельных территорий страны. Накануне войны в Советском Союзе функционировало почти 2 тыс. СЭС[30], где было занято 12,5 тыс. врачей-инфекционистов[31]. Кроме того, в течение десятилетия — с 1930 по 1940 гг. — в СССР было введено в строй 797 санитарно-бактериологических лабораторий и 1 675 дезинфекционных станций[32]. Сверх этого, перед началом Великой Отечественной войны в стране насчитывалось 54 бактериологических института, работники которых не только проводили научные исследования, но и изготавливали различные лекарственные препараты[33]. Немаловажную роль в противоэпидемической деятельности играли 120 пастеровских и 282 коревых станции и пункта, сотни домов санитарного просвещения[34].

Как важный резерв повышения выживаемости рабочей силы советское руководство рассматривало снижение летальности от такой опасной болезни, носящей ярко выраженный социальный характер, как туберкулез. Наиболее эффективным способом преодоления туберкулеза было кардинальное улучшение питания и жилищных условий. Но при сталинском правительстве это было невозможно, поэтому акцент был сделан на развитие системы медицинских противотуберкулезных учреждений. В данном случае (как и в случае с острыми инфекционными заболеваниями) был избран пассивный путь — государственные органы не ставили своей задачей искоренить социальные предпосылки возникновения и распространения туберкулеза, а стремились, приспособившись к существующим условиям, решить проблему исключительно медицинскими средствами.

С этой целью к концу 1930-х — началу 1940-х гг. в СССР была развернута целая система противотуберкулезных учреждений, в состав которых входили 1 330 противотуберкулезных диспансеров и туберкулезных отделений в стационарах и поликлиниках, имеющих 24 тыс. боль-

ничных и 63 тыс. санаторных мест. Борьбу с туберкулезом вели 7,5 тыс. врачей и 12,5 тыс. медицинских работников среднего звена — фельдшеров и медсестер[35]. В 1934 г. в Советском Союзе была закончена разработка противотуберкулезной вакцины БЦЖ, а в 1937 г. впервые организована массовая вакцинация новорожденных детей[36].

Однако нельзя не упомянуть и том, .что некоторое развитие получило и активное направление борьбы с повышенной смертностью населения. Во второй половине 1930-х гг. условия жизни народа действительно улучшились. Были увеличены средства, вкладываемые в развитие легкой и пищевой промышленности. При помощи государственных кредитов в городах развернулось индивидуальное жилищное строительство. В магазинах появились одежда, обувь, мебель, средства личной гигиены. Ввиду того что теперь не было необходимости в крупномасштабных закупках машин и оборудования, экспорт хлеба был сокращен, а освободившиеся продовольственные ресурсы направлены на внутреннее потребление. В целом более чем скромные потребности советских людей в годы второй пятилетки в основном удовлетворялись.

Таблица 13.3

Динамика смертности населения СССР (в границах до 17.09.1939 г.) в 1934-1938 гг.

Год	Умерло, тыс. чел.		Поправка на недоучет, %	Современная оценка, ‰
	поданным ЦУНХУ	по современной оценке		
1934	2594	3410	31,4 55,2	21,7
1935	2501	3882		20,6
1936	2994	3223	7,6	20,0
1937	2977	3557	19,5	21,7
1938	2961	3483	17,6	20,9

Таблица 13.3[37] свидетельствует о значительных расхождениях между числом зарегистрированных в 1930-е гг. смертей и современной оценкой. Несмотря на стремление тоталитарного государства поставить под контроль не только жизнь, но и смерть каждого члена общества, значительная часть летальных исходов не регистрировалась. Причем недоучет смертей был значительно выше, чем недоучет рождений. Однако основной вектор динамики смертности населения СССР просматривается довольно отчетливо: после сокращения показателя смертности в 1934 г. он застыл на одном уровне — не увеличивался, но и не снижался.

Резкое снижение смертности в 1934 г. (по отношению к 1933 г.) было обеспечено, во-первых, преодолением абсолютного голода, а во-вторых, формированием в населении своего рода «запаса прочности», который создается практически после всех демографических катастроф. Голод и эпидемии в 1933 г. уносили жизни биологически наименее жизнеспособной части населения — детей и стариков. Демографическая катастрофа явила собой феномен жесточайшего отбора. Поколения становились малочисленнее, но временно, в течение очень короткого периода, обладали повышенной жизнестойкостью, что не могло не отразиться на показателях смертности[38].

Повышение рождаемости и снижение смертности вели к расширению прослойки «слабых» групп в населении и, как следствие этого, к быстрому размыванию «запаса прочности». Начиная с 1935 г. на динамику смертности влияли уже иные факторы, прежде всего деятельность правительства по развитию здравоохранения, предпринимаемая с целью сохранения рабочей силы. Избранное сталинским руководством пассивное направление развития живого труда не в состоянии было понизить смертность, но и не позволяло её показателям увеличиваться, удерживая их примерно на одном уровне. Таким образом, произошла стабилизация параметров смертности. Колебания общего коэффициента смертности во второй половине 1930-х гг. были крайне незначительны. Советское государственное здравоохранение, несмотря на присущие ему многочисленные недостатки, все же в принципе справилось со своей задачей. Усилия тысяч рядовых медиков, их напряженный, самоотверженный труд приносили результаты.

Но успех этот носил ограниченный характер. Советский «демографический дом» был построен на песке. Главная стратегическая задача — преодоление социальных условий, порождавших высокую заболеваемость, — не только не была решена, но и не решалась в принципе. Уровень жизни оставался низким. Жилищная скученность, слабое развитие социальной инфраструктуры, неразвитость коммунального хозяйства, несбалансированное питание порождали повышенную заболеваемость. Государство тратило огромные средства для борьбы не с причиной, а с ее следствием.

Советский человек попал в своего рода замкнутый круг: заболев, он направлялся в больницу, где его, как могли, лечили, используя подчас новейшие и дорогостоящие медицинские технологии. В итоге больничная летальность сокращалась. (В городских больницах РСФСР за 1936-

1939 гг. летальность от скарлатины уменьшилась на 15,5%, от дифтерии — на 8,6, от коклюша (за 1938-1939 гг.) — на 26,9%[39].) Но выздоровев, гражданин страны Советов вновь возвращался в сырой, нетопленый барак, переполненное общежитие или коммуналку, часами простаивал в очередях за продуктами и промтоварами, питался картошкой и хлебом и вскоре вновь подхватывал инфекцию или воспаление легких. Лучшей иллюстрацией замкнутого круга, в котором оказались не только взрослые, но и дети, может служить выступление заместителя наркома здравоохранения РСФСР Н. В. Мананниковой на совещании руководителей здравоохранения 29 января 1941 г.: «Мы ежегодно открываем сотни детских учреждений, сотни детских консультаций, тысячи коек в яслях, развертываем детские больницы, вновь строим детские больницы, строим большое количество детских ясель. И все-таки, когда подходим к оценке работы к концу года, то имеем чрезвычайно тяжелые показатели... Показатели детской смертности в некоторых местах не идут вниз»[40].

Несмотря на огромные средства, вкладываемые в здравоохранение, строительство новых больниц, на введение в медицинскую практику более совершенных лекарственных средств, ужесточение санитарного контроля и титанические усилия медиков, уровень инфекционной заболеваемости не только не сокращался, но даже увеличивался (таблица 13.4)[41].

Таблица 13.4

Заболеваемость населения СССР (в границах до 17.09.1939 г.) острыми инфекциями в 1935—1938 гг.

Заболевание	Число случаев			
	1935 г.	1936 г.	1937 г.	1938 г.
Брюшной тиф и паратиф А, Б	146611	136931	122267	125 180
Сыпной тиф	137814	Нет свед.	137893	73769
Дизентерия и гемоколит	Нет свед.	Нет свед.	407 402	701 115
Корь	627 484	Нет свед.	1017570	1 072 230
Скарлатина	288 634	Нет свед.	511 156	468 012
Дифтерия	109 757	Нет свед.	96861	139046
Коклюш	Нет свед.	Нет свед.	383 842	441 751
Грипп и инфекции верхних дыхательных путей	Нет свед.	Нет свед.	5 823 435	И 182939
Малярия свежая	9 023 909	Нет свед.	7 523 862	5108431

Таблица 13.4 показывает, что эпидемическая ситуация в стране во второй половине 193 0-х гг. оставалась крайне нестабильной. Рост наблюдался по большинству опасных инфекционных заболеваний, таких как дизентерия, гемоколит, корь, дифтерия, коклюш. В 1939 г. индекс заболеваемости (число заболевших на 10 тыс, человек) составлял по РСФСР: сыпным тифом — 1,8, дизентерией — 10,3, корью — 33,2[42].

Состояние здоровья советских людей оставляло желать много лучшего. Медицинский осмотр 14 тыс. школьников Красноярского края, организованный в 1938 г., выявил удручающую картину. Почти у 12% подростков было обнаружено малокровие как следствие хронического недоедания и несбалансированного питания (дефицит витаминов и белка в пище), у 4% — трахома и другие болезни глаз. Примерно 5% школьников страдали малярией, 1,5% — кожными заболеваниями, а у 1,3% подростков врачи-невропатологи диагностировали неврастению[43]. Медицинская комиссия, обследовавшая допризывников Новосибирской области в 1939г. (юноши цветущего возраста — 18-21 года), вынуждена была признать 2% молодых людей полностью негодными к службе в РККА по состоянию здоровья; 5% призывников по этой же причине получили отсрочку от призыва; еще 5% были признаны ограниченно годными к нестроевой службе, а 12% — направлены на лечение[44].

Но особенно безрадостные факты вскрывались при медицинских обследованиях взрослого населения. Так, в 1940 г. на каждые 100 работников швейной промышленности СССР было зафиксировано свыше 130 дней нетрудоспособности, из них 43 дня — по причине гриппа, 15 - острых желудочно-кишечных заболеваний, 9 — гнойничковых заболеваний кожи, 8 — ангины, 3 — малярии, свыше двух дней — из-за туберкулеза[45]. Аналогичная картина (с некоторыми незначительными отклонениями) была характерна и для всех других отраслей промышленности, по которым имеется статистика.

Структура причин смерти населения РСФСР в 1940 г. (см. таблицу 13.5)[46] с явным преобладанием экзогенных факторов, мало зависящих от процессов естественного старения организма человека, больше соответствовала доиндустриальному, аграрному обществу, хотя Советский Союз уже превратился в мощную промышленную державу. Основными причинами смерти советских людей в конце 1930-х — начале 1940-х, как и в начале 1920-х гг., как и в XIX столетии, и даже в более ранние периоды демографической истории[47], оставались инфекции, туберкулез, желудочно-кишечные заболевания, болезни органов дыхания. Сама смертность, несмотря на очевидные успехи советской медицины, как и прежде, была неконтролируемым процессом и отражала условия жизни

советских людей: низкий уровень материального благосостояния, недостаточное и несбалансированное питание, стесненные до крайности жилищные условия и неразвитость коммунального хозяйства городов.

Таблица 13.5

Структура причин смерти городского населения РСФСР в 1940 г.

Причины смерти (по номенклатуре 1940 г.)	Число умерших	Доля в%
Воспаление легких и болезни верхних дыхательных путей	143 942	18,6
Туберкулез	83600	10,8
Токсическая диспепсия	66648	8,6
Болезни сердца	64961	8,4
Острый гастроэнтероколит	53263	6,8
Корь	47692	6,1
Рак	34669	4,5
Травмы и отравления	24065	3,1
Дизентерия	22335	2,9
Гемоколит	11443	1,5
Дифтерия	10431	1,3
Грипп	9308	1,2
Коклюш	7745	1,0
Скарлатина	5475	0,7
Курбункул, фурункул, флегмона, абцесс	2489	0,3
Прочие	189093	24,2
Всего	777 159	100,0

Так сложилось то, что можно назвать советским демографическим парадоксом — при высокой (и даже растущей) заболеваемости, плохом состоянии здоровья населения, низком уровне жизни смертность все же не увеличивалась. Здесь уместно отметить, что повышение затрат на здравоохранение в странах, где состояние здоровья населения плохое, а смертность высокая, вообще дает ярко выраженный положительный эффект[48].

Однако такое положение таило в себе скрытую угрозу повышения смертности при малейшем сбое в работе органов здравоохранения. Все

достижения медиков, с таким напряженным трудом отвоевавших для советских людей небольшую прибавку к средней продолжительности жизни, в любой момент могли быть утрачены, что и показали последующие события.

Государственный террор как фактор смертности

Перелом в динамике смертности после нескольких лет относительного демографического спокойствия произошел в 1937 г. В материалах ЦУНХУ он не получил отражения, поскольку был связан с карательной деятельностью советского государства. Напомню, что смертность в лагерях, колониях, тюрьмах фиксировалась загсами только с 1940 г., да и то с большими погрешностями. Но согласно современным оценкам, учитывающим и этот вид людских потерь, в 1937 г. по отношению к 1936 г. общий коэффициент смертности увеличился на 8,5%, а число умерших в абсолютном выражении выросло с 3,2 млн. в 1936 г. до 3,6 млн. человек в 1937г. (см. таблицу 13.3). Ожидаемая продолжительность жизни населения СССР в 1937 г. сократилась до 39,9 лет против 41,1 лет в 1936 г.[49]

Определить точно число жертв государственного террора в период максимального его всплеска (1937-1938 гг.) пока не удалось, да и вряд ли это возможно. Имеющиеся источники неполны, а в литературе приводятся противоречивые данные. Официальное признание о количестве репрессированных сделал в январе 1991 г. председатель КГБ СССР В. А. Крючков в интервью корреспонденту «Литературной газеты». Согласно его заявлению, в 1930-е, 1940-е и 1950-е гг. в СССР было осуждено 3 778,2 тыс. человек, из которых 786,1 тыс. (20,8%) были расстреляны[50].

К иным выводам пришла комиссия, созданная Президиумом ЦК КПСС в 1960 г. для расследования убийства С. М. Кирова и политических судебных процессов 1930-х гг. Материалы комиссии были предоставлены О. Г. Шатуновской газете «Аргументы и факты» и опубликованы в июне 1990 г. Как утверждает О. Г. Шатуновская, КГБ СССР направил в комиссию документ, согласно которому только за период с 1 января 1935 г. по 22 июня 1941 г. было арестовано 19 840 тыс. человек, из которых 7 млн. (35,3%) были казнены, а большинство других погибли в лагерях[51].

В. Н. Земсков, специально исследовавший проблему массовых репрессий в СССР, критически относится к этим цифрам. «В этой информации О. Г. Шатуновской, — пишет В. Н. Земсков, — допущено более

чем 10-кратное преувеличение и размаха репрессий, и числа расстрелянных»[52]. Согласно данным самого В. Н. Земскова, численность узников исправительно-трудовых лагерей и колоний ГУЛАГа составляла[53]:

Дата	Численность, тыс. человек
1 января 1936г.	1 296,5
1 января 1937 г.	1 196,4
1 января 1938 г.	1881,6

При этом в 1937-1938 гг. в исправительно-трудовых лагерях (без исправительно-трудовых колоний и тюрем) умерло 115,9 тыс. человек[54]. Подчеркнем, что В. Н. Земсков не сообщает о числе расстрелянных в 1937-1938 гг. по приговорам судов и внесудебных органов и о количестве заключенных, умерших в тюрьмах и исправительно-трудовых колониях.

По мнению Д. А. Волкогонова, в 1937-1938 гг. репрессиям подверглись 4,5-5 млн., а смертные приговоры получили около 800-900 тыс. человек. Кроме того, как пишет Д. А. Волкогонов, «очень многие сгинули в лагерях и тюрьмах, не будучи приговоренными к смерти»[55]. Эти оценки, подчеркивает Д. А. Волкогонов, основаны на известных ему документах, но каких именно — не указывает[56].

Согласно справке НКВД СССР, в 1937 г. за контрреволюционные преступления было приговорено к высшей мере наказания 353,1 тыс. человек, в 1938 г. — 328,6 тыс., а всего за 2 года, таким образом, — 681.7 тыс. человек[57], что в принципе совпадает с материалами Д. А. Волкогонова.

Итак, согласно последним по времени опубликования документам, в 1937-1938 гг. было расстреляно за контрреволюционные преступления 681,7 тыс., умерло в ГУЛАГе 115,9 тыс. — всего 797,6 тыс. человек. К этому количеству необходимо добавить уголовников, которых приговаривали к высшей мере наказания, и сделать поправку на возможный недоучет. В итоге не будет большим преувеличением утверждение, что в 1937-1938 гг. в результате карательной деятельности государства страна потеряла около 1 млн. человек погибшими.

Локальные демографические катастрофы

Относительно стабильное развитие демографической сферы России во второй половине 1930-х гг. не означало, что проблем не было вовсе. Отдельные регионы страны в эти годы пережили несколько локальных катастроф, которые не могли оказать воздействие на общий ход эволюции народонаселения страны. Это прежде всего касается малочисленных северных народов.

В 1930-е гг. одной из важнейших статей советского экспорта была пушнина, доходы от реализации которой на внешнем рынке использовались для закупок оборудования за рубежом. Значительная часть пушнины добывалась аборигенными народами Севера, которые сдавали свою продукцию практически за бесценок. В конце 1930-х гг. охотнику-эвенку за четыре беличьих шкурки начислялся один трудодень. В течение дня (при 50-градусном морозе) он добывал в среднем 10-15 белок, за которых ему полагалось от 2 до 3 трудодней[58]. Прокормить себя и семью на этот «заработок» было невозможно, и колхозники-северяне влачили полуголодное существование.

Кроме того, на оленеводческие и рыбопромысловые хозяйства коренных жителей государством была возложена своеобразная дань — обеспечить растущее городское население российского Крайнего Севера, а также многочисленных заключенных продуктами питания. Например, в Норильске, по данным переписи 1939 г., проживало почти 14 тыс., в Якутске — 53 тыс., в Магадане — свыше 27 тыс., в Петропавловске-Камчатском — 35 тыс.[59], в Игарке по переписи 1937 г. — около 14 тыс., а в 1941 г. — 24 тыс. человек[60]. Помимо этого, перепись 1939 г. по линии НКВД прошли: в Красноярском крае — 70,2 тыс., в Дальневосточном крае — 455,3 тыс. человек[61]. Чтобы прокормить такое количество едоков, государство изымало продукты оленеводства и рыбных промыслов у аборигенов, почти ничего не предоставляя взамен.

В сущности, эта схема была отработана на русских, украинских и других колхозниках и механически перенесена на северные народности. Однако последние, в силу особенностей их ментальное™ и специфики природно-географической среды, переносили этот процесс особенно болезненно, и последствия сталинской политики неэквивалентного обмена были на Севере заметно тяжелее, чем в других регионах страны.

К сожалению, статистические данные о воспроизводстве аборигенного населения в 1930-е гг. отсутствуют, поскольку в северных районах России сеть загсов сформировалась позднее, чем в центральных и южных. Поэтому пришлось использовать в качестве источника материалы научно-практических медицинских экспедиций, время от времени направлявшихся в северные регионы. Весной — летом 1941 г. экспедицией врачей под руководством профессора Киселева было обследовано 2 750 эвенков[62]. В основу обследования был положен принцип анамнеза: опрашиваемые эвенки вспоминали о числе родившихся и умерших за последние 5-8 лет.

Отчет экспедиции рисует ужасающую картину вымирания народа. Как выяснилось, инфекционными и другими заболеваниями были поражены в

той или иной степени все северяне. Эпидемии вспыхивали ежегодно. Одной из самых смертоносных болезней, занесенных с материка, была корь, от которой у эвенков не имелось естественного биологического иммунитета. В 93 опрошенных семьях от кори в течение двух-трех лет умерло 206 человек, в том числе 121 ребенок в возрасте до 15 лет. Особенно свирепые эпидемии кори произошли в 1934, 1935 и 1937 гг., когда погибло 30% всех эвенков; умерли все без исключения грудные младенцы, а беременные женщины не родили ни одного живого ребенка[63].

Помимо кори и других инфекций (дифтерия, скарлатина, трахома) бичом аборигенов долгое время оставался туберкулез. Обследование доктора Бабицкого, проведенное в 1934 г., показало, что инфицированность грудных детей эвенков туберкулезом составляла 20%, подростков в возрасте от 12 до 14 лет— 88%[64]. Доктор Кыштымов, осмотревший в 1936 г. 300 эвенков, диагностировал туберкулез у 150 из них[65]. Врачи из экспедиции профессора Киселева обследовали 1 553 эвенка, из которых, как выяснилось, 1 086 человек (почти 70%) страдали туберкулезом легких, желудка, гортани, костей и суставов[66]. Между тем в Эвенкии в конце] 930-х гг. не было ни одного врача-специалиста по лечению туберкулеза. Лекарства отсутствовали. Доктор Кыштымов в докладе Нарком-здраву РСФСР и Красноярскому крайздраву в 1936 г. писал: «Лекарств для лечения туберкулеза нет, а то, что даем, эвенки не используют, или выбрасывают на улицу, или хранят в турсуках без использования»[67]. В итоге из всех эвенков, которые в 1935-1937 гг. все же попали в противотуберкулезные диспансеры, 70% скончалось[68]. Отчет экспедиции профессора Киселева содержит многочисленные примеры человеческих трагедий:

«Охотник в Чуенго Каплин Вениамин, 24 лет, в тяжелом состоянии, с обильным кровохарканьем, туберкулез гортани и легких, с обильным выделением бацилл, прибыл с охоты и поселился у знакомой Аксеновой, которая имеет двоих детей. Дети и сама Аксенова ухаживали за ним, вместе руками ели из одной чашки мясо, спали вместе в течение двух месяцев до смерти больного.

В чуме у Буральчина Захара, 27 лет, в Стрелке умирающая от туберкулеза жена Анна. У нее сильное легочное кровотечение; руки, подушка, пальто в крови. Около нее муж, мать, две пришедшие женщины с грудными детьми и два ребенка, живущие в этом чуме. Все они старались вытирать больную тряпкой, руки у них тоже замараны кровью. Не моя рук, тут же пили чай, угощая детей»[69].

Народы Севера в подавляющем большинстве не были знакомы с элементарными правилами гигиены и существовали в условиях абсолютной антисанитарии. В каждом чуме проживали по две-три семьи по пять-восемь человек. Детей до трех лет держали связанными в люльках. Вместо пеленок использовалось искрошенное гнилое дерево. Употребление алкоголя и табакокурение были повсеместным явлением.

«Удивительно, с какой жадностью многие эвенки набрасываются на спирт, даже женщины, имеющие грудных детей, — отмечает профессор Киселев. — Иногда спиртом угощают и детей. При опросе о причине смерти того или иного родственника в семье отвечают: „От спирта".

Мне приходилось наблюдать, когда ребенок трех лет, стоя пососав у сидящей матери грудь, закурил трубку и это вызвало улыбку родителей.

Бань у эвенков нет. Ночуют зачастую не в чуме, а на морозе, так как в чуме нет места. Одежда сбрасывается только тогда, когда приходит в полную негодность. Посуда и полотенца общие. Питание явно недостаточное»[70].

Численность аборигенных народов российского Севера сокращалась — по сути, они вымирали.

Примечания

1. РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 790, л. 231, 246, 260, 274; Население Советского Союза: 1921-1991. М., 1993. С. 118, 120.
2. Население Советского Союза...
3 Там же С 44
4. ГАРФ, ф. А-482, оп. 47, д. 109, л. 26.
5. *Маньков А. Г.* Из дневника рядового человека (1933-1934 гг.) // Звезда. 1994. № 5. С. 155.
6. ГАРФ, ф. А-482, оп. 47, д. 109, л. 24.
7. Правда. 1934. 27 января.
8. Известия. 1936. 28 июня
9. Там же.
10. РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 406, л. 123.
11. ГАРФ, ф. А-482, оп. 329, д. 109, л. 24.
12. *Садвокасова Е. А.* Социально-гигиенические аспекты регулирования размеров семьи. М., 1969. С. 30.
13. РГАЭ, ф. 1562, оп. 20, д. 106, л. 35.
14. *Земское В. Н.* ГУЛАГ. (Историко-социологический аспект)// Социологические исследования. 1991. № 6. С. 23.
15. Сост. по: РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 790, л. 231, 246, 260, 274.
16. Под знаменем марксизма. 1936. № 5. С. 38.
17. *БаткисГ. А.* Организация здравоохранения. М., 1948. С. 113.

18. Двадцать пять лет советского здравоохранения. М, 1944. С. 246.
19. Советское здравоохранение. 1959. № 1. С. 5.
20. Там же. 1948. № 1.С. 3.
21. РГАЭ, ф. 4372, оп. 46, д. 835, л. 11.
22. Двадцать пять лет... С. 108.
23. Советское здравоохранение. 1946. № 7-8. С. 47.
24. Там же.
25. Сборник важнейших официальных и справочных материалов по санитарным и противоэпидемическим вопросам в помощь госсанинспектору и эпиде миологу. М.; Л., 1941. С. 1.
26. ГАРФ, ф. 9226, оп. 1, д. 636, л. 105.
27. Положение о Всесоюзной государственной инспекции при Совете Народных Комиссаров СССР. М., 1935. С. 8-11.
28. ГАРФ, ф. 9226, оп. 1, д. 452, л. 13 об.
29. Там же, д. 636, л. 6.
30. Советское здравоохранение. 1959. № 6. С. 58.
31. *Бароян О. В.* Итоги полувековой борьбы с инфекциями в СССР и некоторые вопросы современной эпидемиологии. М., 1968. С. 35.
32. Опыт советской медицины в Великой Отечественной войне: 1941-1945 гг. М., 1955. Т. 32. С. 27.
33. Двадцать пять лет... С. 107.
34. Там же. С. 85.
35. *Рабухин А. Е.* Туберкулез и борьба с ним в условиях военного времени. М., 1945. С. 90.
36. *Бароян О. В.* Итоги полувековой борьбы... С. 170.
37. Сост. по: РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 790, л. 231, 246, 260, 274; Население Советского Союза... С. 118, 120.
38. О формировании «запаса прочности» см.: *Максудов С.* Вызов со стороны демографии // СССР: внутренние противоречия. 1985. № 14. С. 107.
39. Детские инфекции в годы Великой Отечественной войны // Медико-санитар ные последствия войны и мероприятия по их ликвидации: Труды второй конференции. Т. I. М., 1948. С. 152.
40. ГАРФ, ф. А-482, оп. 47, д. 19, л. 29 об.
41. Сост. по: Инфекционные болезни человека в СССР: Стат. справочник. М., 1968. С. 39, 43^6, 49, 51-52; ГАРФ, ф. 8009, оп. 3, д. 214, л. 56, 135.
42. Там же, ф. 8009, оп. 3, д. 214, л. 109.
43. Подсчитано по данным: Государственный архив Красноярского края (далее ГАКК), ф. 1384, оп. 1, д. 213, л. 18, 44, 64.
44. ГАНО, ф. П-4, оп. 3, д. 404, л. 24.
45. ГАРФ, ф. 8009, оп. 6, д. 1945, л. 16 об.-18.
46. Сост. по: РГАЭ, ф. 1562, оп. 336, д. 403, л. 2-2 об.
47. О структуре причин смерти в период средневековья и нового времени см.: *Вишневский А. Г.* Воспроизводство населения и общество: История, совре-менность, взгляд в будущее. М., 1982.
48. *Бедный М. С.* Медико-демографическое изучение народонаселения. М., 1979. С. 82.
49. Население Советского Союза... С. 135.
50. Литературная газета. 1991. 23 января.
51. Аргументы и факты. 1990. 2-8 июня.
52' *Земское В. Н.* ГУЛАГ... С. 13.
53. Там же. С. 11.
54. Там же. С. 14-15.
55. *ВолкогоновД.* Триумф и трагедия // Октябрь. 1988. № 12. С. 129.
56. Там же. 1989. № 9. С. 134.
57. Известия. 1998. 5 июня.
58. ГАКК, ф. 1384, оп. 1, д. 121, л. 50.
59. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года: РСФСР. М., 1963. С. 37, 38.
60. ГАКК, ф. 1300, оп. 1, д. 548, л. 7; ф. 1478, оп. 1, д. 1078, л. 25.
61. Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги. М., 1992. С. 233.
62. ГАКК, ф. 1384, оп. 1, д. 121, л. 44.
63. Там же, л. 49.
64. Там же, л. 60.
65. Там же.
66. Там же, л. 53.
67. Там же, ф. 1300, оп. 1, д. 4676, л. 62.
68. Там же, ф. 1384, оп. 1, д. 121, л. 60.
69. Там же, л. 55-56.
70. Там же, л. 50-52.

Глава 14 В ПРЕДДВЕРИИ КАТАСТРОФЫ

1 сентября 1939 г. нападением Германии на Польшу началась Вторая мировая война. Номинально оставаясь в стороне от боевых действий, в действительности Советский Союз оказался в самом центре событий. Степень агрессивности советской внешней политики заметно возросла, и это самым непосредственным образом повлияло на внутреннюю ситуацию в стране. Так называемый предвоенный период характеризуется ужесточением коммунистического тоталитарного режима, повсеместной милитаризацией советского государства, резким ростом военных расходов, цепью военных конфликтов с соседними странами. Достаточно сказать, что военные расходы по государственному бюджету СССР 1940 г. (по официальным данным, которые занижают реальные цифры) составили 5,7 млрд. рублей. Это превышало совокупные расходы на просвещение, науку, здравоохранение, физкультуру и социальное обеспечение, составлявшие 4,1 млрд. рублей[1].

Время стабильности закончилось. Советский Союз вновь вступил в полосу глубокого кризиса. Качество жизни населения в 1939 г. стало ухудшаться. Уровень материального благосостояния понизился даже по сравнению с небогатым периодом второй пятилетки. Зимой 1939 г. большинство советских людей столкнулось с продовольственными трудностями. В городах и рабочих поселках фактически были введены карточки: продукты распределялись через закрытые распределители, по спискам, с ограничением продаж в одни руки[2]. Чтобы купить булку хлеба или килограмм крупы, горожанам приходилось выстаивать многочасовые очереди. Еще хуже было положение на селе. Многие сельские районы СССР вновь были поражены голодом, носившим, правда, локальный характер. Но людям, проживающим там, от этого не было легче. Вскрывались скотомогильники: в пищу употреблялось мясо павшего скота. Десятки тысяч крестьян, спасаясь от голода, хлынули в города.

Из-за недостатков финансирования и нехватки ресурсов, которые отныне направлялись в военно-промышленный комплекс, ухудшилось качество работы здравоохранения. Это наглядно продемонстрировало, что советское демографическое благополучие, достигнутое в 1935-1936 гг., опирается на очень непрочное основание. Малейшее ухудшение ситуации в стране и первый же сбой в работе медицинских служб вызвали волну инфекционной заболеваемости и рост смертности, особенно детской. Одновременно сокращалась рождаемость. Таким образом, общий социально-экономический кризис обусловил возмущение всей демографической подсистемы советского общества.

Динамика смертности

Для характеристики предвоенного демографического кризиса очень важно констатировать факт заметного увеличения показателей инфекционной заболеваемости. Её уровень и раньше был очень высоким, но теперь достиг еще больших величин (таблица 14.1)[3].

Таблица 14.1

Динамика инфекционной заболеваемости населения СССР (в границах до 17.09.1939 г.) в 1939-1940 гг., тыс. случаев

Заболевание	1939 г.	1940 г.	1940 г. к 1939 г., %
Брюшной тиф и паратиф А, Б	94,1	121,3	128,9
Сыпной тиф	Нет свед.	48,0	—
Скарлатина	363,5	251,5	69,2
Дифтерия	167,6	177,0	105,6
Коклюш	395,3	453,3	114,7
Корь	1 096,1	1181,9	107,8
Грипп	11 618,1	14271,1	122,8
Малярия	3 764,9	3198,6	85,0
Бруцеллез	Нет свед.	18,7	———

Таблица 14.1 показывает рост заболеваемости по большинству инфекционных болезней, включая такие опасные, как брюшной тиф и паратиф А, Б, коклюш, корь, дифтерию. Заметно увеличилась и распространенность желудочно-кишечных заболеваний, оказывавших существенное воздействие на динамику смертности. Так, в 1939-1940 гг. заболеваемость населения СССР дизентерией и гемоколитом повысилась на 21%, токсической диспепсией — почти на 10%".

Рост числа эпидемических заболеваний вследствие ухудшения условий существования во многом способствовал заметному увеличению показателей больничной летальности. В 1940г. из всех людей, заболевших корью, скончалось 15%, дифтерией — около 15, скарлатиной — 9, коклюшем — 7%[5]. Рост показателей больничной летальности явился подтверждением явного неблагополучия в работе органов здравоохранения, что, в свою очередь, обусловливалось сокращением финансирования этого важнейшего элемента социальной инфраструктуры, вследствие чего общие показатели смертности населения увеличивались. В таблице 14.2 представлены показатели смертности населения в 1939-1940 гг. в абсолютных величинах (слева) и на тысячу человек по данным ЦУНХУ Госплана СССР (в границах СССР до 17 сентября 1939 г.), по оценке ЦСУ СССР (1970-е гг.) и по современной оценке(в границах СССР 1991 г.)[6].

Таблица 14.2

Динамика смертности населения СССР в 1939-1940 гг.

Год	Данные ЦУНХУ		Оценка ЦСУ		Современная оценка	
	тыс. чел.	%0	тыс. чел.	%0	тыс. чел.	%0
1939	2935,1	17,0	2 975,0	17,3	3 829,0	20,1
1940	3 170,4	18,0	3 519,5	18,0	4 205,0	21,7

Материалы ЦУНХУ Госплана СССР (с марта 1941 г. — ЦСУ Госплана СССР) и оценка ЦСУ СССР, проделанная в 1970-е гг., скорее всего содержат заниженные цифровые данные о смертности, во-первых, из-за погрешностей статистической регистрации, а во-вторых, из-за недоучета смертности заключенных. Как уже говорилось ранее, органам НКВД СССР в 1939 г. было вменено в обязанность направлять в загсы сведения об умерших заключенных, но это распоряжение выполнялось учетно-распределительными частями лагерей и колоний НКВД крайне неохотно и неаккуратно. В 1940 г., в частности, в отдельные загсы СССР поступали сведения на погибших в местах заключения в течение 1934-1939 гг. Это только путало учет и ухудшало его качество. В «Объяснительной записке к годовому отчету по гор. Ленинграду», направленной в ЦСУ СССР в мае 1941 г. из Статистического управления Ленинграда, специально подчеркивалось: «Качество материала... пострадало из-за поступивших в конце 1940 года актов на заключенных, умерших в лагерях вне гор. Ленинграда, без врачебных свидетельств с большим процентом неточных указаний причин смерти, с очень большим запозданием (за 1935-1939 гг.)... Начальник ОАГС разъяснил, что эти случаи по месту нахождения лагерей не регистрируются, а смерть их регистрируется по месту проживания их родных»[7].

Не вошли в разработку ЦУНХУ и боевые потери Красной армии в многочисленных военных конфликтах (бои на озере Хасан, военный конфликт на реке Халхин-Гол, столкновения в Польше в ходе «освободительного» похода, советско-финляндская война). Таким образом, вполне обоснованно можно оспаривать точность приведенных в таблице цифр, но вывод тем не менее бесспорен — уровень смертности населения СССР в 1939-1940 гг. вырос примерно на 2-3%.

В основе увеличения общих коэффициентов смертности гражданского населения СССР, как и в прежние годы, лежал значительный рост детской смертности. По расчетам ЦУНХУ, в СССР из каждой тысячи новорожденных в 1939 г. до годовалого возраста не дожили 168 младенцев, тогда как в 1940 г. — 190 младенцев[8]. Еще выше был коэффициент детской смертности в РСФСР. В 1940 г. он превысил 212%о[9]. Особенно много младенцев погибало в течение первых недель жизни. В 1940 г. в Российской Федерации свыше 139 тыс. детей умерли, не прожив и одного месяца. Из них 61% скончались в течение первых двух недель жизни, что свидетельствует о негативных условиях вынашивания детей — повышенной заболеваемости беременных женщин и недостаточном их питании[10]. Об этом же говорит и увеличение случаев мертворождаемости. Если в 1939 г. появлением на свет мертвого ребенка заканчивалось 0,9% родов, то в 1940 г. — 1,1%".

По данным таблиц продолжительности жизни и смертности населения СССР за 1938-1939 гг., вероятность умереть для младенцев, не достигших 1 года, была выше, чем у 65-летних стариков[12]. Неудивительно поэтому, что в 1940 г. во всей совокупности умерших почти 56% приходилось на детей до 5 лет[13]. Рост показателей детской смертности в свою очередь обусловил снижение средней продолжительности жизни населения Советского Союза. В 1939 г. она составляла 43,6, в 1940 г. —41,2 года[14].

Еще одним проявлением демографического кризиса 1939-1941 гг. была постоянно нарастающая дифференциация мужской и женской смертности. Мужчины умирали чаще, чем женщины, и это дает основание говорить о мужской сверхсмертности. В РСФСР в 1940 г. удельный вес мужчин во всей совокупности умерших составлял 52%, и это несмотря на то, что доля женщин в населении была выше, чем доля мужчин[15]. Особенно высоким был уровень смертности мужчин рабочего возраста. В возрастном диапазоне от 30 до 34 лет на каждые 100 женских смертей приходилось 130 мужских, в возрасте 35^10 лет — 136, 40^14 года — 145, 45-54 года — почти 160[16]. Мужская сверхсмертность объ-

ясняется тем, что мужчины чаще, чем женщины, погибали от производственных и бытовых травм, инфекционных и желудочно-кишечных заболеваний. Так, из всех горожан РСФСР, скончавшихся в 1940 г. от скарлатины и дифтерии, прослойка мужчин составляла 52%, от дизентерии — 54, от крупозного воспаления легких — 58, от туберкулеза органов дыхания — 61, от бытовых травм — 76, от производственных травм — 84%[17].

Свою лепту в увеличение смертности, и в частности смертности мужчин, вносили заключенные. По данным В. Н. Земскова, в 1939-1940 гг. в лагерях и колониях ГУЛАГа скончалось 97,2 тыс. узников[18]. Помимо этого несколько десятков тысяч человек (точнее сказать нельзя) были расстреляны или умерли в тюрьмах и местах предварительного заключения.

Боевые потери Красной армии

Крупные потери в конце 1930-х — начале 1940-х гг. понесла и Красная армия. В Гражданской войне в Испании (1936-1939 гг.) приняли участие около 3 тыс. советских добровольцев, из которых погибли 132 человека, пропали без вести 26 человек[19]. В гражданской войне в Китае на стороне Гоминьдана сражались 3 665 военных специалистов из СССР, из которых 186 человек погибли, 9 человек пропали без вести[20]. В военном конфликте с Японией на озере Хасан (июль — август 1938 г.) погибли и умерли на этапах санитарной эвакуации 717 бойцов и командиров Красной армии, пропали без вести и не вернулись из плена 75 человек, скончались от ран и болезней в госпиталях 197 человек[21]. Следовательно, совокупные безвозвратные потери Советского Союза в боях на озере Хасан составили 989 человек. За разгром японской армии на реке Халхин-Гол в Монголии (май — сентябрь 1939 г.). Красная армия заплатила более высокую цену. Безвозвратные потери достигли 8 931 человек, в том числе: 6 831 убитыми, умершими на этапах санитарной эвакуации и в результате происшествий, 1 143 пропавшими без вести и не вернувшимися из плена, 957 скончавшимися от ран и болезней в госпиталях[22]. До недавнего времени тщательно скрывался факт столкновений Красной армии с армией Польши в ходе так называемого «освободительного» похода осенью 1939 г. Красная армия потеряла 852 человека убитыми и умершими на этапах санитарной эвакуации, 144 человека пропавшими без вести и не вернувшимися из плена, 143 — человека умершими от ран и болезней в госпиталях[23].

Гибель советских граждан в вышеперечисленных военных конфликтах не имела демографического значения, поскольку не могла серьезно

отразиться на воспроизводстве многомиллионного населения Советского Союза. Иначе обстоит дело с потерями советской стороны в ходе 105-дневной войны с Финляндией (30 ноября 1939 г. — 12 марта 1940 г.). Этот вопрос основательно запутан вследствие многолетнего замалчивания и прямой фальсификации данных. Впервые, чтобы упредить нежелательные слухи, проблема потерь Красной армии в советско-финляндской войне была поставлена председателем СНК СССР и одновременно наркомом иностранных дел В. М. Молотовым на VI сессии Верховного Совета СССР 29 марта 1940 г. Выступая перед депутатами, он сообщил, что по подсчетам советского Генерального штаба количество убитых и умерших от ран бойцов и командиров составило 48 745, раненых — 158 863 человека[24]. Разумеется, никто из депутатов Верховного Совета не посмел усомниться в подлинности приведенных цифр, и они стали общепринятыми. Позднее их включил в свой фундаментальный труд известный советский демограф Б. Ц. Урланис[25].

Однако эти данные не соответствовали действительности и значительно преуменьшали советские потери. Отсутствие правдивой информации породило различного рода мифы. Так, Ю. В. Изместьев сообщил, что в ходе советско-финляндской войны погибло 600 тыс. российских солдат и офицеров[26]. Автор в данном случае исходил из принципа, который С. Максудов остроумно обозначил: «Потери должны быть большими»[27].

Вопрос о советских потерях в войне с Финляндией вновь поднял М. И. Семиряга в начале 1990 г. По его данным, Красная армия в 1939-1940гг. потеряла свыше 53,5 тыс. человек убитыми, 16,2 тыс. человек пропавшими без вести и, сверх того, 176 тыс. человек ранеными и обмороженными[28]. В том же 1990 г. А. М. Носков, основываясь на докладе административно-мобилизационного управления Генерального штаба РККА, привел иные, более точные цифры советских потерь. Согласно данным А. М. Пескова, совокупные потери Красной армии за время войны с Финляндией составили 289510 человек, в том числе: убитыми 72408, ранеными 186 129, пропавшими без вести 17520, обмороженными 13213, контуженными — 240 человек[29].

Из приведенных А. М. Носковым материалов так и не ясно, каковы безвозвратные потери советской стороны в войне: сколько людей из общего числа раненых, обмороженных и контуженых умерли? Какой была смертность в госпиталях? Какова численность не вернувшихся из плена? Автор добавляет только, что из 17 520 человек, пропавших без вести, большинство были ранены и замерзли, занесенные снегом, а по

болезням (главным образом простудным) было госпитализировано 53 тыс. человек[30].

Авторы получившего широкую известность статистического исследования «Гриф секретности снят» дополнили данные А. М. Носкова, но привели в принципе сходные цифры (таблица 14.3)[31].

Таблица 14.3

Безвозвратные потери РККА в советско-финляндской войне 1939-1940 гг.

Виды потерь	донесениям из войск	По именным спискам
Убито и умерло от ран на этапах санитарной эвакуации	65384	71214
Умерло от ран и болезней в госпиталях	15921	16293
Пропало без вести	14043	39369
Всего безвозвратные потери	95348	126875

Помимо 126 875 бойцов и офицеров РККА, включенных в состав безвозвратных потерь (по именным спискам), советская сторона потеряла ранеными, контуженными, обмороженными, обожженными и заболевшими, но оставшимися в живых 264 908 человек[32].

Не исключено, что эти сводные данные советско-финляндской войны также содержат серьезные ошибки. Сотрудник Российского государственного военного архива (РГВА) П. Аптекарь, тщательно изучив «Книги учета безвозвратных потерь РККА в войне с белофиннами» (они представляют собой алфавитные списки погибших, пропавших без вести и умерших от ран), установил, что число убитых, пропавших без вести и скончавшихся в результате ранений бойцов и командиров Красной армии составило 131 476 человек[33]. Как считает П. Аптекарь, эти списки далеко не полны. Он оценивает безвозвратные потери РККА в финской кампании в 150 тыс. человек[34].

Не выяснен до сих пор и вопрос о советских бойцах и командирах, оказавшихся в плену у финнов. Отечественные исторические документы об этом молчат. По финским источникам, в плену побывало примерно 5,6 тыс. советских граждан, из которых умерло 111 человек[35]. После заключения 12 марта 1940 г. мирного договора с Финляндией советские военнопленные были возвращены на Родину и, по свидетельству Ж. Росси, исчезли навсегда в недрах ГУЛАГа[36]. Таким образом, всех

советских людей, побывавших в финском плену, можно зачислить в списки безвозвратных потерь.

Динамика рождаемости

Определяющей тенденцией рождаемости населения СССР в период, непосредственно предшествовавший Великой Отечественной войне, было резкое снижение ее уровня, что подтверждается всеми без исключения статистическими источниками. По оценке ЦСУ СССР (см. таблицу 14.4)[37], произведенной в 1970-е гг., общий коэффициент рождаемости населения Советского Союза сократился на 14,5%, а по современным подсчетам — почти на 10%. Снижение рождаемости не могло остаться незамеченным и для работников ЦУНХУ. Заместитель начальника ЦУНХУ В. Н. Старовский в августе 1940 г. с тревогой писал в одной из аналитических записок: «По ряду областей, краев и АССР показатели естественного движения населения СССР в 1940г. менее благоприятны, чем в соответствующем периоде 1939 г., а именно имеет место снижение рождаемости»[38].

Таблица 14.4

Динамика рождаемости населения СССР в 1939—1940 гг.

Год	Данные ЦУНХУ		Оценка ЦСУ		Современная оценка	
	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%
1939	6 203,0	Нет свед.	6 286,0	36,5	7 634,0	40,0
1940	5 595,9	Нет свед.	6 095,6	31,2	6 999,0	36,1

Основным фактором снижения рождаемости в предвоенные годы стал фактический провал постановления о запрете абортов, резкое увеличение числа нелегальных прерываний беременности. Установленный в 1936 г. запрет отчетливо выявил главные противоречия советской квазидемографической политики. Во-первых, руководство СССР стремилось к максимально высоким темпам роста населения. Официальная доктрина гласила, что социализм характеризуется повышенной рождаемостью и постоянно снижающейся смертностью. Но, вместе с тем, сталинская социально-экономическая стратегия (в особенности курс на форсированное развитие тяжелой индустрии и насильственную коллективизацию) объективно способствовала снижению интенсивности рождаемости. Во-вторых, государство было заинтересовано в максимальном использовании женского труда (что, безусловно, предполагает ограничение рождаемости), но в то же время не стимулировало выпуск контра-

цептивов. Правительство всей своей политикой подталкивало женщин к искусственному прерыванию беременности и одновременно запрещало аборты, на словах декларируя семейные ценности. Женщины оказались меж двух огней: они должны были и работать, и рожать детей. Несовместимость целей очевидна.

Форсированная урбанизация и связанные с ней кардинальные изменения образа жизни, втягивание женщин в производство, их стремление к образованию и служебной карьере снижали саму потребность в детях. В СССР все более широкое распространение получали среднедетные, а в крупных городах и малодетные семьи. Перепись 1939 г., вопреки широко распространенному мифу, показала, что по стране в целом прослойка малодетных семей (имеющих 1-2 ребенка) достигала почти 70%, в том числе в городах — свыше 76%[39].

Таким образом, в Советском Союзе набирал силу процесс демографического перехода. Контроль над рождаемостью как вполне закономерное и логичное следствие индустриализации и урбанизации, проводившийся в таких нецивилизованных формах, как аборт, постепенно охватывал все более широкие слои не только городского, но и сельского населения. Даже всемогущий Сталин не в силах был своим приказом отменить объективные причины, порождавшие искусственное регулирование рождаемости.

В этих условиях запрет абортов мог иметь только кратковременный шоковый эффект. Женщины очень скоро приспособились к жестокому постановлению, и страну охватила эпидемия подпольных абортов. И если в 1937 г. (на следующий год после постановления) в СССР было зафиксировано 568 тыс. абортов, то в 1939 г. — 723 тыс., а в 1940 г. — 807 тыс.[40] В действительности число абортов было значительно выше, поскольку далеко не все из них регистрировались. Подавляющее большинство операций производилось в обход государственных абортных комиссий. Так, в 1938 г. доля искусственных прерываний беременности, начатых вне лечебных учреждений, по отношению к общему их числу составляла 91%, в 1940 г. — 90%[41]. По данным Е. А. Садвокасовой, число абортов, проведенных вне лечебных учреждений (в сущности, нелегально), в больших городах выросло в 1940 г. по отношению к 1936 г. в 2-3 раза[42].

Количество внебольничных абортов стремительно нарастало, несмотря на введение в Уголовный кодекс РСФСР статьи 140, предусматривавшей лишение свободы за их производство. Прокуратура и суды с маниакальной свирепостью отправляли в тюрьмы сотни женщин. В первом квартале 1937 г. (по данным восьми союзных республик) в суд было направлено 2 184 дела о незаконных абортах. По этим делам уголовное наказание понесли 2 920 человек, из них: 1 442 беременных женщины, 1 228 медицинских работников и 250 человек, принуждавших женщин к производству абортов[43]. В 1940г. только в РСФСР было возбуждено свыше 20 тыс. дел по факту криминальных абортов[44]. Большинство уголовных дел (42%) было возбуждено по инициативе органов здравоохранения, по доносам «общественности», родственников и «друзей» — 34%[45].

Как наиболее типичный пример можно привести осуждение в 1940 г. Октябрьским районным судом города Новосибирска гражданки В. к 6 годам лишения свободы за производство нелегальных внебольничных абортов 50 женщинам. Стоимость каждой операции достигала 50 рублей, что в масштабе цен тех лет было весьма значительной суммой[46]. Орган прокуратуры СССР журнал «Социалистическая законность» лицемерно вздыхал: «Аборт, после того как он был запрещен, превратился в дорого оплачиваемое преступление»[47].

Постановление СНК СССР от 27 июня 1936 г. может быть истолковано только как попытка государства установить прямой контроль даже над интимной сферой жизни человека в СССР. Быть может, это самая яркая иллюстрация тоталитарности коммунистического режима. Непосредственным и самым жестоким последствием постановления стало увеличение числа детоубийств. Только в городах РСФСР в 1940 г. были убиты 133 мальчика и 132 девочки в возрасте до года[48]. В циркуляре прокурора СССР от 14 мая 1937 г. специально подчеркивалось, что основными причинами детоубийств являются «нежелание иметь детей и платить алименты»[49].

Подпольные аборты, производившиеся в антисанитарных условиях, подчас безграмотными шарлатанами, наносили огромный вред здоровью женщин, являясь основной причиной вторичного бесплодия. Сотни женщин поступали в больницы с кровотечениями, в лихорадочном состоянии, с признаками сепсиса. Смертность от подпольных абортов в десятки раз превышала смертность от абортов, проведенных в лечебных учреждениях. В 1938-1939 гг. в городских поселениях СССР смертность вследствие нелегальных абортов, производившихся, как правило, вне больниц, достигала 12,7 случаев на 100 тыс. женщин в возрасте 15^19 лет[50]. Но было бы неверно, как это иногда бывает, преувеличивать масштабы трагедии. Излишняя «кровожадность» только затемняет существо дела. И. А. Курганов, в частности, пишет о моргах, «заваленных женскими трупами»[51]. Реальная жизнь всегда трагичнее любых фантазий. В 1940 г. органами медицинской статистики РСФСР были зафиксированы 2 002 смерти женщин цветущего возраста, наступившие вследствие

аборта[52]. Если же принять во внимание и моральную сторону вопроса, то становится ясной нелепость и даже преступность такого циничного подхода к решению демографических проблем.

Эпидемия нелегальных абортов и сопутствующее ей массовое вторичное бесплодие женщин, вне всякого сомнения, играли роль понижающего рождаемость фактора. Усилия сталинского правительства максимально повысить число детей в семье вступили в острый конфликт с объективными законами развития демографической сферы и оказались несостоятельными. Цель так и не была достигнута. Кратковременное повышение рождаемости в 1936-1937 гг. сменилось ее падением.

После 1939 г. на динамику рождаемости помимо запрета абортов воздействовала целая группа факторов недемографического характера. Первостепенное значение имела форсированная милитаризация советского общества. Численность Красной армии после принятия 1 сентября 1939 г. «Закона о всеобщей воинской обязанности» заметно увеличилась. Если на 1 сентября 1939 г. она составляла 1 943 тыс., то на 22 июня 1941 г. — 5 710 тыс. человек[53]. Отток мужчин бракоспособного возраста в армию означал временный, а в случае их гибели (боевые действия на озере Хасан, реке Халхин-Гол, в Восточной Польше, в огне советско-финляндской войны) — окончательный разрыв брачно-семейных отношений, а также резкое снижение числа потенциальных женихов.

Немаловажную роль играл и массовый государственный террор, достигший своего пика в 1937-1938 гг. Террор разрушил сотни тысяч семей, а кроме того, социальная напряженность и повышенная нервозность вообще отрицательно сказывались на репродуктивной функции. В 1939-1940 гг. население СССР прошло через очередной брачный кризис. Число зарегистрированных в СССР браков в 1939-1940 гг. сократилось. И если в 1938 г. на 1 000 человек населения страны загсами было зафиксировано 8 браков, то в 1939 г. — 7, в 1940 г. — 6[54]. Одновременно увеличилось количество разводов. Нарастало число незамужних женщин и вдов. Соответственно, уменьшалась рождаемость. Демографическая ситуация в СССР была очень близка к той, которая обычно складывается в начальный период войны (таблица 14.5)[55].

Статистики центра первоначально пытались игнорировать воздействие военного фактора, объясняя спад рождаемости ростом абортов и демографической волной 1914-1920 гг., малочисленные поколения которой, появившиеся на свет в период Первой мировой войны в конце 1930-х — начале 1940-х гг., вступали в репродуктивный возраст. На это как на основную причину снижения числа родившихся (наряду с увеличением абортов) указывал в августе 1940 г. заместитель начальника ЦУНХУ СССР В. Н. Старовский в аналитической записке «Краткий обзор естественного движения населения СССР в 1 полугодии 1940 г.», направленной заместителю председателя СНК СССР А. Я. Вышинскому, председателю Госплана СССР Н. А. Вознесенскому, народному комиссару здравоохранения СССР Колесникову и начальнику ЦОАГС СССР Солодову[56]. Аналогичным образом отреагировали на снижение рождаемости и работники УНХУ РСФСР".

Таблица 14.5

Число зарегистрированных браков и разводов в СССР (в границах до 17.09.1939 г.) в 1939-1940 гг.

Год	Число браков	Число разводов
1939	1 152	193
1940	1 082	205

Но «диалектические маневры» московских статистиков, ориентирующихся на мнение сильных мира сего, были полностью дезавуированы неискушенными в политических играх работниками периферии. Так, заместитель начальника статистического управления Кировской области Курочкин и начальник сектора населения и здравоохранения этой же области Курушин в наивном неведении 5 июня 1941 г. сообщали в ЦСУ СССР: «Основной причиной, повлиявшей на снижение рождаемости в первых кварталах 1940 и 1941 гг. против первого квартала 1939 г., является уход мужского населения в связи с событиями в Монголии, Польше, а также в связи с борьбой с белофиннами, что подтверждается значительным уменьшением количества заключенных браков в этот период...»[58] Подобные сообщения поступали в центр и из других провинциальных статистических управлений. Например, и. о. начальника Красноярского статуправления Донской и начальник сектора населения и здравоохранения Каплун в докладной записке, направленной 3 июня 1941 г. в Отдел демографии ЦСУ СССР, писали: «На снижение рождаемости оказало влияние и то обстоятельство, что во второй половине 1939 г. и в первой половине 1940 г. имели место события на МНР, в западных областях Украины и Белоруссии и в Финляндии. Вследствие чего значительная часть мужского населения нашего края длительное время отсутствовала, что, конечно, оказало некоторое действие на рождаемость в сторону ее снижения»[59].

Но все вопросы, связанные так или иначе с военными конфликтами, в которые был втянут Советский Союз, с их последствиями и вообще с подготовкой страны к мировой войне, были глубоко засекречены. Статистики центра получили, возможно, какие-то инструкции на этот счет. Начальник ЦСУ СССР В. Н. Старовский даже в октябре 1941 г. продолжал отстаивать версию, согласно которой ведущей причиной сокращения рождаемости в 193 9-1940 гг. и в первом полугодии 1941 г. была демографическая «яма», образовавшаяся в 1914-1920 гг.[60]

Вообще, в конце 1930-х — начале 1940-х гг. все возрастающую роль в воспроизводстве населения СССР стали играть накапливающиеся негативные последствия предшествующих демографических катастроф и кризисов. Вследствие повышенной смертности мужчин в годы Первой мировой и Гражданской войн, в период голода 1932-1933 гг., в ходе массового государственного террора баланс в соотношении полов был существенно нарушен. Удельный вес мужчин в составе населения страны из года в год уменьшался. И если в 1913 г. на долю мужчин в населении России приходилось 49,7%, то в 1926 г. — 48,3, в 1940 г. — 47,9%[61]. Особенно значительным был перекос в соотношении полов репродуктивных возрастов, играющих ведущую роль в процессе воспроизводства. Всесоюзная перепись населения 1939 г. показала, что в возрастной группе 18-19 лет на 100 мужчин приходилось 111 женщин, в возрасте 20-24 года — 116, 25-29 лет — 106, 30-34 года — 103, 35-39 лет — 120 женщин[62]. Реальное соотношение между полами собственно на брачном рынке было еще хуже, так как значительное число мужчин находилось в армии или в заключении. Они были, таким образом, исключены из сферы брачно-семейных отношений. Так, по сведениям В. Н. Земскова, удельный вес мужчин в составе заключенных ГУЛАГа в 1939 г. достигал 91,6%, в 1940 г. — 91,9%[63]. Уровень женского безбрачия нарастал от года к году. И если в 1926 г. из каждой тысячи советских женщин в возрастном диапазоне 20-29 лет незамужних было 235, то в 1939 г. — 285, в возрастной группе 30-39 лет — соответственно 165 и 187 женщин[64].

Соответственно уровень рождаемости в 1939 г. и особенно в 1940 г. заметно снизился, тогда как смертность увеличилась. Предвоенный период, без сомнения, являет собой серьезный демографический кризис.

Демографическая подсистема советского общества (как и потребление народа, социальная инфраструктура, сельское хозяйство, легкая промышленность) была принесена в жертву амбициозным планам Сталина по всеобщей милитаризации СССР. Сталинская квазидемографическая политика не только не улучшала, но, напротив, обостряла и без

того непростую демографическую ситуацию. Тоталитарный режим, не обладая набором инструментов, необходимых для приведения тонкого и сложного демографического механизма в состояние, обеспечивающее его нормальную работу, использовал слишком грубые приемы. Большинство целей и методов, к которым прибегали власти, не учитывали объективные законы развития народонаселения. Попытки волевым способом решать проблемы вели в демографический тупик. И если политические задачи государство все-таки решало, то демографические цели даже оперативного характера, как правило, не достигались, а во многих случаях результат оказывался прямо противоположным ожидаемому. В обществе, где планирование не только экономических, но и социальных процессов было превращено в идола для всеобщего поклонения, демографическая сфера, несмотря на титанические усилия тоталитарного государства, вышла из-под контроля, а население развивалось не только нестабильно, но стихийно.

Примечания

1. Народное хозяйство СССР. 1922-1972 гг.: Юбилейный стат. ежегодник. М, 1972. С. 481.
2. См.: *Осокина Е. А.* Цена «большого скачка»: Кризисы снабжения и потребления в годы первых пятилеток // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. Т. 1. М., 1997. С. 205-243.
3. Сост. по: Народное хозяйство СССР... С. 460; Инфекционные болезни человека в СССР: Стат. справочник. М., 1968. С. 49, 51, 52, 61; РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 2248, л. 23, 26; ГАРФ, ф. 8009, оп. 3, д. 214, л. 56.
4. ГАРФ, ф. 8009, оп. 3, д. 214, л. 36.
5. РГАЭ, ф. 4372, оп. 43, д. 709, л. 93-94 об.
6. Сост. по: Население Советского Союза: 1922-1991. М., 1993. С. 118, 120; Численность, состав и движение населения СССР в 1974 году: Стат. сборник. Ч. 1. М., 1975. С. 61; РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 540, л. 46.
7. Там же, ф. 1562, оп. 329, д. 540, л. 142.
8. Там же, л. 50.
9. Там же.
10. Там же, д. 401, л. 6.
11. Там же, д. 402, л. 57; д. 790, л. 214.
12. Там же, д. 541, л. 16.
13. Там же, д. 400, л. 4.
14. Население Советского Союза... С. 135.
15. РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 400, л. 4 об.
16. Там же, л. 4-4 об.
17. Там же, д. 403, л. 2-2 об.

18. *Земское В. Н.* ГУЛАГ. (Историко-социологический аспект)// Социологиче ские исследования. 1991. № 6. С. 14—15.
19. Гриф секретности снят: Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Стат. исследование. М., 1993. С. 68-69.
20. Там же. С. 69-70.
21. Там же. С. 124.
22. Там же. С. 125.
23. Там же.
24. Известия. 1940. 30 марта.
25. *Урланис Б. Ц.* Войны и народонаселение Европы: Людские потери воору женных сил европейских стран в войнах ХУП-XX вв. (Историко-стати-стическое исследование). М., 1960. С. 220.
26. *Изместьев Ю. В.* Россия в XX веке. Исторический очерк: 1894-1964. Нью-Йорк, 1990. С. 308.
27. *Максудов С.* Потери населения СССР. Benson, Venmont, 1989. С. 155.
28. *Семиряга М. И.* Советско-финляндская война // Знание. Сер. «Защита Отече ства». 1990. № 3. С. 26.
29. *Носков А. М.* Северный узел// Военно-исторический журнал. 1990. №7. С. 9.
30. Там же. С. 19.
31. Сост. по: Гриф секретности снят... С. 125.
32. Там же. С. 125.
33. *Аптекарь П.* Какие потери в живой силе и технике понесла Красная армия в финской кампании? // Родина. 1995. № 12. С. 98.
34. Там же.
35. *НосыреваЛ., Назарова Т.* Пойдем на Голгофу, мой брат// Родина. № 12. С. 101.
36. *Росси Ж.* Справочник по ГУЛагу. Ьопёоп, 1987. С. 366-367.
37. Сост. по: РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 790, л. 231, 246, 260, 274.
38. Там же, д. 406, л. 55.
39. Подсчитано по данным: РГАЭ, ф. 1562, оп. 336, д. 241, л. 76.
40. Там же, оп. 329, д. 406, л. 132; д. 540, л. 48.
41. Там же, д. 540, л. 48.
42. *Садвокасова Е. А.* Социально-гигиенические аспекты регулирования разме ров семьи. М., 1969. С. 178.
43. *Тадевосян В.* Закон 27 июня 1936г. в действии// Социалистическая закон ность. 1937. №8. С. 46.
44. ГАРФ, ф. 8009, оп. 6, д. 1913, л. 85.
45. *Шавер Б.* Методика расследования преступных абортов // Социалистическая законность. 1937. № 8. С. 48.
46. ГАНО, ф. Р-1199, оп. 1а, д. 14, л. 174.
47. *Тадевосян В.* Закон 27 июня... С. 48.
48. РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 403, л. 2.
49. Цит. по: *Тадевосян В.* Закон 27 июня... С. 47.

50 *Садвокасова Е. А.* Социально-гигиенические аспекты... С. 123.
51 *Курганов И. А.* Женщины и коммунизм. Нью-Йорк, 1968. С. 189.
52' ГАРФ, ф. А-374, оп. 30, д. 11913, л. 193.
53.Мелыпюхов М. И. Идеологические документы мая — июня 1941 года о со-бытиях второй мировой войны // Другая война: 1939-1945. М., 1996. С. 98.
54. РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 1871, л. 109, 110.
55. Сост. по: Там же.
56. Там же, д. 406, л. 130.
57 Там же, л. 60.
58. Там же, д. 540, л. 148.
59. Там же, л. 173.
60. Там же, д. 539, л. 137-138.
61. Численность, состав и движение населения СССР... С. 9.
62. Подсчитано по данным: Возрастной состав населения РСФСР. (По данным всесоюзной переписи населения 1970 г.). М., 1972. С. 16-24.
63. *Земское В. Н.* ГУЛАГ... С. 23.
64. Подсчитано по данным: Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основ ные итоги. М., 1992. С. 89.

Глава 15 В ТЕНИ ПОБЕДЫ

До недавнего времени в силу многих причин, главным образом вследствие цензурных ограничений и недоступности статистических материалов, среди огромного числа исследований о Великой Отечественной войне лишь немногие были посвящены демографическим процессам 1941-1945 гг. Во всяком случае, после выхода в свет в 1977 г. статьи И. П. Ильиной[1], а в 1979 г. — статьи Р. И. Сифман[2] до середины 1980-х гг. не было издано ни одной работы, в которой анализировались бы воспроизводство, динамика численности и изменения состава населения Советского Союза в военные годы.

В последнее время, когда плотина гласных и негласных запретов была прорвана, внимание ученых чаще стали привлекать демографические последствия войны. Сегодня исследователи обращаются не только к изучению военно-демографических аспектов трагедии 1941—1945 гг. (определение боевых потерь Красной армии, масштабов гибели мирного населения на оккупированных территориях), но и к анализу собственно демографических процессов в военные годы — рождаемости, брачности и смертности населения[3]. Серьезный шаг вперед сделан и в исследовании региональных аспектов демографической истории России в период Великой Отечественной войны[4].

К сожалению, до сих пор еще не все исследователи, работающие в области исторической демографии, осознали, что сведения о естественном и механическом движении населения Советского Союза фиксировались с очень большими погрешностями. Несмотря на то что государство, крайне заинтересованное в определении мобилизационных и трудовых ресурсов, стремилось улучшить учет населения, справедливым будет утверждение, что в 1941-1945 гг. в целом по СССР удельный вес незарегистрированных рождений, смертей (особенно детских) и миграций увеличился. В данном случае негативную роль играло то обстоятельство, что в период войны часто и резко менялись границы учета — они зависели от конфигурации линии фронта.

Гражданские статистические органы Советского Союза в течение всей войны не учитывали смертность среди военнослужащих. Эти

функции были возложены исключительно на наркомат обороны СССР. Даже те солдаты и офицеры, которые умирали в госпиталях глубокого тыла, не регистрировались загсами. Начальник Отдела демографии ЦСУ СССР И. Ю. Писарев в июле 1942 г. в циркулярном письме в статистические управления союзных республик строго указывал: «Смерти военнослужащих, погибших на фронтах и умерших от ран и болезней, регистрируются органами НКО СССР и регистрации в органах загс НКВД не подлежат»[5].

Весьма запутан и учет смертности среди заключенных. Формально загсы с 1939 г., в соответствии с приказом НКВД СССР № 00674, должны были получать от администрации лагерей и колоний ГУЛАГа сведения о числе умерших узников. Но фактически этот приказ игнорировался.

В конечном итоге за рамками статистического наблюдения оказались заключенные, ссыльные, высланные, армия и контингент госпиталей. В 1942 г. эти группы населения, в документах военных лет обычно обозначавшиеся как «нераспределенные по территории», составляли почти 25 млн. человек[6]. В 1945 г. они насчитывали 16 млн. человек[7].

В хаосе первого военного полугодия паспортными столами милиции был допущен огромный недоучет мигрантов, главным образом за счет слабой регистрации эвакуированных. И. Ю. Писарев в августе 1943 г. в письме начальнику Главного управления милиции НКВД СССР Галкину подчеркивал, что статистические органы не могут использовать итоги разработки адресных листов (оформление прописки и выписки), так как «распоряжением Главного управления милиции НКВД СССР за № 31 О/к от 24/X1-1941 г. было отменено составление отрывных талонов при прописке прибывших по эвакуации и составление адресных листков на выбывших эвакуированных»[8].

В этих условиях в течение всей войны ЦСУ СССР и региональные статистические управления, привлекая сведения о естественном и механическом движении людских масс, вели расчет численности населения страны. Полученные данные регулярно сверялись с материалами наркомата торговли о количестве выданных продуктовых карточек и сведениями сельсоветского учета. Но сверка не могла сколько-нибудь существенно повлиять на точность учета. Соответственно статистикам удавалось получить весьма приблизительную информацию о численности населения. В этом аспекте важно указать, что все нижеприведенные Цифровые материалы носят оценочный характер и указывают лишь на тенденцию развития, но не содержат абсолютно точных данных о населении страны и ее отдельных регионов.

Динамика смертности гражданского населения тыловых районов в начале Великой Отечественной войны

Для военных лет характерны резкие региональные и социальные различия условий существования населения, а следовательно, и разнообразие тенденций смертности. Смертность населения тыловых районов носила иной характер, чем смертность населения, оказавшегося на оккупированных территориях, смертность заключенных и высланных (спецэвакуированных) отличалась от смертности военнослужащих, смертность горожан — от смертности сельских жителей. Специфические особенности смертности были присущи блокадному Ленинграду. Поэтому правильным будет анализировать смертность по возможности отдельно для каждой группы населения.

Динамика смертности гражданского населения тыловых районов России в годы Великой Отечественной войны развивалась в два этапа, различающихся как по количественным параметрам, так и по факторам, их определяющим: на первом (июнь 1941 — осень 1942 гг.) уровень смертности заметно увеличился, на втором (осень 1942 — весна 1945 гг.) — понизился. В табл. 15.1 и на рис. 2 представлены данные о смертности гражданского населения в 1941-1942 гг. в тыловых районах РСФСР, исключая военнослужащих, персонал госпиталей и спецконтингент[9].

Таблица 15.1

Сезонные колебания смертности гражданского населения тыловых районов РСФСР в 1941-1942 гг., *‰*

Календарный месяц	1941 г.	1942 г.	Календарный месяц	1941 г.	1942 г.
Январь	20,2	28,9	Июль	18,7	30,6
Февраль	18,6	28,4	Август	23,0	31,0
Март	20,3	33,6	Сентябрь	25,0	25,3
Апрель	19,7	32,9	Октябрь	24,7	21,2
Май	19,1	31,9	Ноябрь	23,7	20,2
Июнь	16,7	28,4	Декабрь	23,7	20,2

Таблица 15.1 наглядно показывает, как стремительно нарастала смертность населения тыловых районов России в начале войны. В январе 1942 г. уровень смертности превысил показатели соответствующего месяца 1941 г. на 43,1%, в феврале 1942 г. — на 52,7, в марте 1942 г. — на 65,5%. В целом по сопоставимой территории Советского Союза (без районов, подвергшихся оккупации) в первом, еще мирном полугодии 1941 г. было зафиксировано 911,1 тыс. смертей, во втором полугодии — 1 043,8 тыс., а в первом полугодии 1942 г. — 1 293,5 тыс. смертей[10]. Соответственно, общий коэффициент смертности в СССР в 1942 г. по отношению к 1940 г. вырос на 44%, в том числе в городах — на 74, в сельской местности — на 22%".

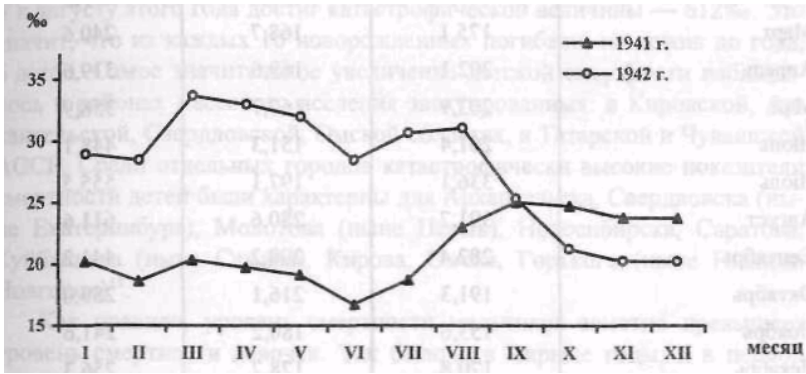


Рис. 2. **Динамика смертности гражданского населения в 1941-1942 гг. в тыловых районах РСФСР**

В основе столь значительного роста общего коэффициента смертности лежало прежде всего увеличение смертности младенцев, чей неокрепший организм обладал пониженной способностью адаптации к резкому ухудшению условий жизни (табл. 15.2 и рис. 3)[12]. Детская смертность в СССР традиционно носила ярко выраженный сезонный характер. Как правило, она достигала предельных величин в летние месяцы, что было обусловлено ростом числа желудочно-кишечных заболеваний. В частности, в августе 1940 г. превышение параметров детской смертности над среднегодовым уровнем составляло 83%. С наступлением поздней осени и зимы ее показатели сокращались.

Характер сезонных колебаний изменился в военные годы. Повышение детской смертности в июле — сентябре 1941 г. в значительной степени можно отнести на счет её обычных сезонных колебаний. Воздействие военного фактора стало ощутимым только в октябре 1941 г., когда темпы осеннего снижения детской смертности, характерные для мирных лет, существенно замедлились. И если с августа по декабрь 1940 г. коэффициент детской смертности сократился более чем в 2 раза, то в эти же месяцы 1941 г. — только на 36%.

Таблица 15.2

Смертность детей до 1 года в тыловых районах РСФСР в 1940-1942 гг., %.

Календарный месяц	1940 г.	1941 г.	1942 г.
Январь	118,3	145,7	146,3
Февраль	143,6	160,4	199,8
Март	175,1	168,7	240,6
Апрель	202,1	169,6	319,6
Май	203,9	167,7	358,9
Июнь	201,4	151,3	448,1
Июль	336,1	197,1	555,5
Август	391,7	280,6	611,6
Сентябрь	282,4	298,2	441,2
Октябрь	191,3	216,1	289,0
Ноябрь	153,6	180,2	241,6
Декабрь	170,8	178,7	256,3
В среднем за год	214,3	195,2	312,3

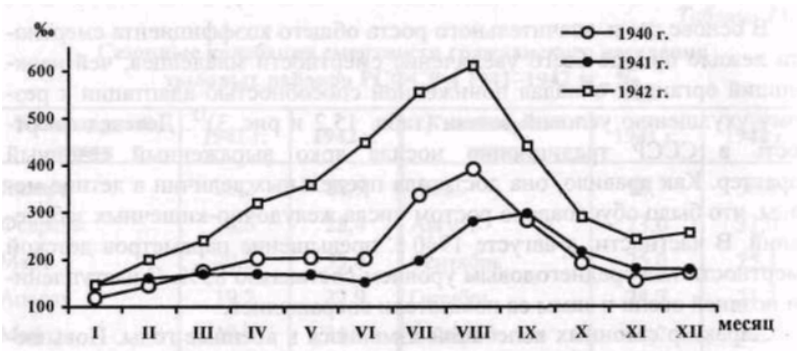


Рис. 3. **Динамика смертности детей до 1 года в 1940-1942 гг. в тыловых районах РСФСР**

Не исключено, что осенью 1941 г. вообще не было снижения детской смертности. В это время уже развернулась эвакуация. В путь двинулись сотни тысяч людей, в том числе и женщины с грудными детьми.

Смерть многих младенцев в пути следования, как правило, не регистрировалась и не попадала в официальные статистические отчеты. Таким образом, официальная статистика содержит недостоверную информацию.

В начале 1942 г. негативная тенденция еще более усилилась. Рост детской смертности приобрел взрывной характер. За первые 6 месяцев 1942 г. коэффициент детской смертности увеличился более чем в 3 раза и к августу этого года достиг катастрофической величины — 612‰. Это значит, что из каждых 10 новорожденных погибали, не дожив до года, 6 детей. Самое значительное увеличение детской смертности наблюдалось в районах массового вселения эвакуированных: в Кировской, Архангельской, Свердловской, Омской областях, в Татарской и Чувашской АССР. Среди отдельных городов катастрофически высокие показатели смертности детей были характерны для Архангельска, Свердловска (ныне Екатеринбург), Молотова (ныне Пермь), Новосибирска, Саратова, Куйбышева (ныне Самара), Кирова, Омска, Горького (ныне Нижний Новгород)[13].

Как правило, уровень смертности мальчиков заметно превышает уровень смертности девочек. Так было и в мирные годы, и в период войны. Но интенсивность смертности мальчиков и девочек в 1941—1942 гг. нарастала одинаковыми темпами: как у тех, так и у других она увеличилась в 1,6 раза. Это значит, что в военное время первичные биологические факторы, определяющие повышенную выживаемость девочек, играли второстепенную роль. Ведущими теперь стали факторы социального характера. Поскольку мальчики особенно болезненно реагировали на ухудшение условий существования, смертность среди них в 1942 г. была в среднем на 10% выше, чем у девочек (таблица 15.3)[14].

Таблица 15.3

Смертность мальчиков и девочек в возрасте до 1 года в РСФСР в 1940-1942 гг., ‰

Год	Мальчики	Девочки
1940	227,9	200,0
1941	208,6	184,2
1942	328,5	298,1

В течение всего периода Великой Отечественной войны в тыловых районах смертность мужчин превышала смертность женщин. Но макси-

мальных величин мужская сверхсмертность достигла в 1943 г. Мужчины особенно остро реагировали на ухудшение условий существования и чаще, чем женщины, умирали от травм, болезней органов дыхания, инфекционных и желудочно-кишечных заболеваний, которые в военные годы получили широкое распространение. К тому же самые крепкие мужчины были мобилизованы в армию, а в тылу оставались менее жизнестойкие (таблица 15.4)[15].

Таблица 15.4

Доля мужчин и женщин в составе умерших на 35 тыловых территориях РСФСР в 1941-1945 гг. (без армии, госпиталей и спецконтингента), %

Год	Мужчины	Женщины
1941	53,3	46,7
1942	55,0	45,0
1943	55,5	44,5
1944	52,8	47,2
1945	52,8	47,2

Преобладание социальных факторов смертности над биологической компонентой особенно наглядно прослеживается при анализе возрастных показателей мужской и женской смертности в тылу страны.

Табл. 15.5 и рис.4 свидетельствуют, что особенно высокие показатели смертности были характерны для мужчин в рабочем возрасте от 15 до 59 лет, и в частности для возрастной группы 35-54 года[16]. В этом диапазоне возрастов на долю мужчин приходилось свыше 66% умерших, и это при том условии, что число женщин в тылу значительно превосходило число мужчин.

Индекс мужской сверхсмертности в годы Великой Отечественной войны рассчитать невозможно, так как в распоряжении исследователей нет материалов о половозрастной структуре населения, сопоставимых с данными о естественном движении населения. Поэтому мы вынуждены обратиться к изучению проблемы на основе обладающего ограниченными аналитическими возможностями индекса Покровского-Пирла (иногда его называют индексом жизненности), не требующего для расчета сведений о половозрастном составе населения. Он представляет собой отношение числа родившихся к числу умерших и в последнее время все чаще используется в работах по исторической демографии. Если величина индекса Покровского-Пирла выше единицы, воспроизводство населения носит расширенный характер, если ниже — суженный.

Таблица 15.5

Состав умерших по полу и возрасту на 35 тыловых территориях РСФСР в 1942 г. (без армии, госпиталей и спецконтингента), %

Возраст умерших, лет	Мужчины	Женщины
0-4	52,6	47,4
В том числе до 1 года	53,7	46,3
5-9	52,7	47,3
10-14	55,6	44,4
15-19	62,3	36,8
20-24	61,7	38,3
25-29	62,3	37,7
30-34	64,8	35,2
35-39	66,5	33,5
40-44	66,2	33,8
45-49	67,4	32,6
50-54	66,7	33,3
55-59	61,2	38,8
60 и старше	44,9	55,1
Возраст неизвестен	65,6	34,4

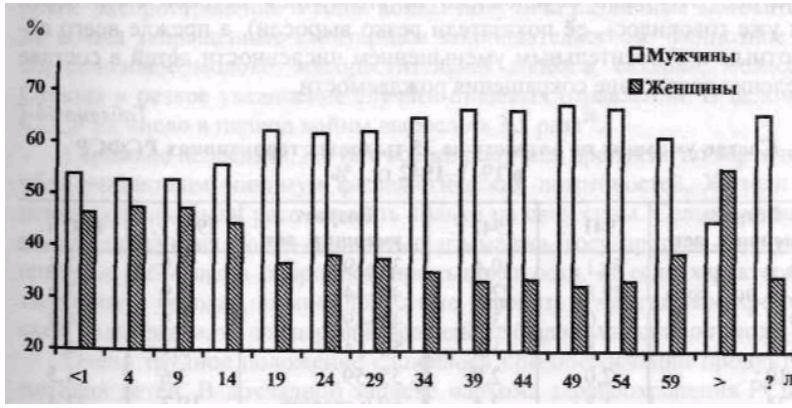


Рис. 4. **Показатели мужской и женской смертности в зависимости от возраста на 35 тыловых территориях РСФСР в 1942 г., %**

Таблица 15.6 наглядно демонстрирует, как резко в начале войны расширился разрыв в смертности мужчин и женщин. Если у мужчин в 1941-1943 гг. индекс жизненности понизился в 2,4 раза, то у женщин — в 2 раза (данные без армии, госпиталей и спецконтингента)[17].

Таблица 15.6

Индекс Покровского-Пирла на 35 тыловых территориях РСФСР в 1941-1945 гг.

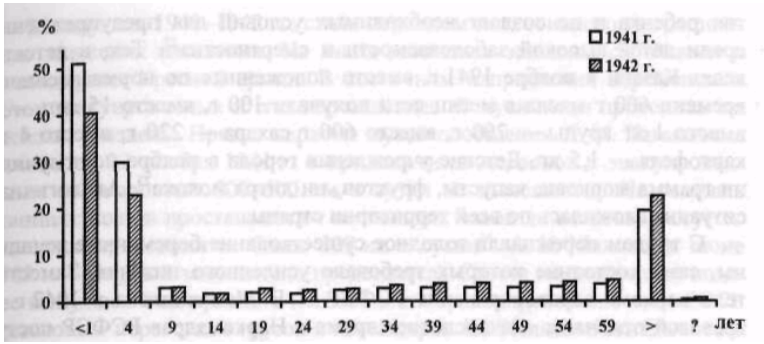
Год	Мужчины	Женщины
1941	1,34	1,35
1942	0,68	0,79
1943	0,56	0,66
1944	0,73	0,70
1945	0,73	0,77

С началом Великой Отечественной войны претерпели изменения и возрастные показатели смертности. Табл. 15.7 и рис. 5 показывают возрастной состав умерших в тылу, исключая военнослужащих, госпитали и спецконтингент[18]. Для Советского Союза в довоенные годы была характерна резкая концентрация смертности в детском возрасте, что нашло отражение в возрастной структуре умерших в 1941 г. В этом году доля детей до 5 лет среди умерших превысила 50%. В 1942 г. возрастная поляризация смертности была выражена не столь резко, как в мирные годы: прослойка детей до 5 лет среди умерших сократилась, тогда как увеличился удельный вес людей, скончавшихся в рабочем и старческом возрастах. Это было обусловлено не снижением детской смертности (как уже говорилось, её показатели резко выросли), а прежде всего абсолютным и относительным уменьшением численности детей в составе населения вследствие сокращения рождаемости.

Таблица 15.7

Состав умерших по возрасту на 35 тыловых территориях РСФСР в 1941-1942 гг., %

Возраст умерших, лет	1941 г.	1942 г.	Возраст умерших, лет	1941 г.	1942 г.
(М	51,1	40,4	35-39	2,9	3,8
В т. ч. до 1 года	29,8	22,8	40-44	2,9	3,9
5-9	3,0	3,1	45-49	2,9	4,0
10-14	1,8	1,8	50-54	3,1	4,1
15-19	2,0	2,8	55-59	3,6	4,5
20-24	1,8	2,4	60 и старше	19,3	22,4
25-29	2,4	2,7	Возраст		
30-34	2,8	3,4	неизвестен	0,4	0,7
Всего				100,0	100,0



Факторы роста смертности тылового населения в начале войны

Увеличение смертности населения тыловых районов России в 1941—1942 гг. само по себе свидетельствует о значительном ухудшении условий существования людей. Острая нехватка сельскохозяйственных продуктов, дефицит белков и витаминов в рационе питания, снижение его калорийности негативно отражались на состоянии здоровья людей. Широкое распространение в годы войны получили различные заменители, до войны запрещенные санитарным законодательством: финнозное мясо, солодовое молоко, мясорастительная колбаса, сахарин, меласса[19]. Отсюда и резкое увеличение случаев пищевых отравлений. В целом по СССР их число в период войны выросло в 3,5 раза[20].

Горожане недоедали. Но они все же получали продукты по карточкам, обеспечивающим минимум физиологических потребностей. Жители деревни должны были рассчитывать только на свои силы. Сельскохозяйственная продукция почти полностью изымалась государством на нужды армии и работников оборонной промышленности. И если характеризуя ситуацию в городах, вполне допустимо говорить о длительном хроническом недоедании, то для деревни правильнее было бы писать о голоде[21].

Очень трудное положение сложилось при обеспечении продуктами питания детей. В докладной записке наркома здравоохранения РСФСР А. Ф. Третьякова, составленной в конце 1941 г. для предоставления в СНК РСФСР, подчеркивалось: «Набор продуктов, предусмотренных продовольственными карточками, не обеспечивает нормального разви-

тия ребенка и не создает необходимых условий для предупреждения среди детей высокой заболеваемости и смертности»[22]. Так, в детских яслях Казани в ноябре 1941 г. вместо положенных по норме военного времени 600 г масла в месяц дети получали 100 г, вместо 15 яиц — 3, вместо 1 кг крупы — 200 г, вместо 600 г сахара — 220 г, вместо 4 кг картофеля— 1,5 кг. Детские учреждения города в ноябре не получили ни грамма моркови, капусты, фруктов, ни литра молока[23]. Аналогичная ситуация сложилась по всей территории страны.

С трудом переживали голодное существование беременные женщины, само состояние которых требовало усиленного питания. Заместитель наркома здравоохранения РСФСР Н. В. Мананникова в 1942 г. с тревогой отмечала: «За последнее время в Наркомздрав РСФСР поступают отдельные сигналы с мест, свидетельствующие об увеличении количества преждевременных родов во II половине 1941 г. и главным образом в... 1942 г. Наряду с целым рядом причин... немаловажную роль играют и явления авитаминоза, связанного с нерациональным питанием беременной»[24].

Не лучше было снабжение населения промышленными товарами. Жители тыловых районов испытывали острый дефицит одежды, обуви, предметов личной гигиены. Строительство полноценного жилья фактически прекратилось. Эвакуированных в восточные районы беженцев размещали, «уплотняя» местных жителей, приспосабливая под жилье чердаки, подвалы, склады, недостроенные здания. Люди вынуждены были селиться в переуплотненных общежитиях с трехъярусными нарами, в холодных и сырых бараках, в землянках. Слабо развитое коммунальное хозяйство городов восточных районов страны не справлялось с возросшими нагрузками. Воды не хватало даже для промышленных нужд. Бани работали с перебоями, что создавало угрозу распространения педикулеза, а следовательно, и сыпного тифа.

Чтобы наглядно представить картину жизни людей в это суровое время, приведу выдержку из заключения комиссии Наркомздрава СССР по проверке условий жизни эвакуированных рабочих-подростков Кузнецкого металлургического комбината (апрель 1942 г.): «Деревянный барак... Большой зал, мрачный и грязный... Пол деревянный, некрашеный, с зияющими щелями. Доски частично прогнили. Отопление печное. Штукатурка потрескавшаяся, потемневшая. Окна заделаны наглухо. Вентиляции нет. Посреди комнаты стоят трехъярусные деревянные нары, сбитые из неоструганных досок с широкими щелями... Тюфяки ватные, грязные, порванные, клочьями торчит грязная вата. На большинстве постелей простыней нет. Белье не меняется по месяцу. Верхняя одежда у многих очень грязная, не менялась и не стиралась с октября-ноября месяца»

Между тем 1941-1942 гг. стали периодом интенсивного миграционного движения населения. На запад двигались эшелоны с бойцами и командирами Красной армии, В восточном направлении перемещался поток эвакуированных и спецпереселенцев. В пути люди проводили по нескольку недель. Приказ наркома путей сообщения Л. М. Кагановича № 643ц от 22 ноября 1941 г. о продвижении эшелонов с эвакуированными со скоростью 500-600 км в сутки не выполнялся. На узловых станциях поезда простаивали от нескольких часов до нескольких суток. Эшелоны проходили не более 309 км в сутки[26]. А. И. Микоян (в июне 1941 г. —первый заместитель председателя Совета по эвакуации) позднее вынужден был признать неготовность транспортной системы СССР к массовым перевозкам грузов и пассажиров. «Обстановка складывалась не так, как предполагалось, — писал он. — Не хватало ни времени, ни транспорта... Положение на железных дорогах крайне осложнилось»[27].

Имеющиеся в распоряжении историков документы позволяют с полным основанием утверждать, что санитарно-бытовое обеспечение передвигающегося контингента не было организовано должным образом. Еще 30 июня 1941 г. Наркомздрав СССР и наркомат путей сообщения СССР разработали совместное положение «О медико-санитарном обслуживании населения», предусматривавшее целый комплекс противоэпидемических мероприятий на транспорте при массовых перевозках пассажиров[28]. Но большинство пунктов этого документа на практике остались благими пожеланиями и выполнены не были.

В пути эвакуированные сталкивались с острым недостатком питьевой воды, продуктов питания, медикаментов. Санитарное состояние пассажирских эшелонов, вокзалов, железнодорожных станций, пристаней ухудшалось. В грязных вагонах, а очень часто в теплушках и даже на открытых платформах люди проводили по нескольку недель. Противоэпидемические мероприятия были организованы далеко не во всех пунктах скопления пассажиров. Пристанционные бани, дезинфекционные и дезинсекционные установки бездействовали. В отчете госсанинспекции Новосибирской области за 1942 г. констатировалось, что «большинство эшелонов... прошедших через узловые станции, не проходили санобработки на местах формирования, а многие из них и на крупных станциях в пути. Не все эшелоны сопровождались медицинским персоналом»[29]. Между тем только во втором полугодии 1942 г. через крупнейший на востоке страны Новосибирский железнодорожный узел проследовало 332 эшелона с 742 тыс. пассажиров (не считая спецэшелонов). Из них санобработку прошли только 118 тыс. человек[30].

По прибытии в пункт назначения эвакуированные в немыслимой тесноте и антисанитарии, подчас без медицинской помощи вынуждены были жить по нескольку суток на вокзалах. Завшивленность была мае-

совой. Инспектор госсанинспекции Красноярского края, посетив в феврале 1942 г. вокзал станции Красноярск, записал в акте обследования: «Семья Линда состоит из 4 ребят от 2 до 9 лет и трое взрослых. На вокзале 4 дня. У всех понос. Гр. Горциков на вокзале 3 сутки. Не мылся с момента отъезда из дома. Зимин (старик) — ярко выраженная завшивленность, вши кучами ползают по пальто, лежит в самой гуще ожидающих в течение 3 суток. Уборки и дезинфекции не производилось»[31].

Эвакуированные стали главным источником распространения желудочно-кишечных и острых инфекционных заболеваний, в первую очередь тифа. «Основным фактором распространения сыпного тифа является вокзал, — подчеркивалось на сессии Новосибирского горсовета в 1943 г. — Прибывающее по железной дороге население, не подвергаясь обработке, расходится по всему городу. Санитарного шлюза вокзал не имеет»[32]. Представитель Наркомздрава СССР по Омской области в докладной записке в Омский обком ВКП(б) в августе 1941 г. писал: «Прибывшее население... расселяется без санобработки в квартиры, где есть больные, или больных расселяют в здоровые квартиры, чем создается дальнейшее рассеивание инфекции»[33].

По требованию Госсанинспекции в 1942 г. были сняты с работы за допущенную антисанитарию и осуждены к разным срокам лишения свободы ряд руководящих работников транспорта на Юго-Восточной, Пермской, Казанской и других железных дорогах. В апреле 1942 г. был осужден начальник Трансупра Пашковский[34]. Но положение поправить было уже нельзя. Интенсивные миграции в условиях абсолютной антисанитарии и повышенной контактности людей в пути не могли не привести к резкому росту заболеваемости. Инфекционные болезни переросли в эпидемии. Нарком здравоохранения СССР в годы войны Г. А. Митерев свидетельствует: «Миллионы людей двинулись в Приволжскую, Сибирскую, Уральскую области и среднеазиатские республики. Это обстоятельство явилось одним из факторов, способствующих росту сыпнотифозных заболеваний»[35].

Инфекционная заболеваемость особенно резко возросла в тех районах, которые принимали большое число эвакуированных: на Урале, в Поволжье, Волго-Вятском районе, в Западной Сибири. Так, из Свердловского статистического управления в январе 1942 г. с тревогой сигнализировали: «Заболеваемость сыпным тифом в декабре месяце (1941 г. — *Авт.)* против октября увеличилась катастрофически (почти в 10 раз), скарлатиной и дифтерией — почти в 1,5 раза и корью — на 32%»'[6]. В 1942 г. на эвакуированных приходилось: в Уфе — 30% общей инфекционной заболеваемости, в Челябинске — 20% по скарлатине и 24% по дифтерии[37]. Заболеваемость сыпным тифом за 1941-1942 гг. в Вологодской области выросла почти в 30 раз, в Кировской, Горьковской (ныне

Самарская) и Чкаловской (ныне Оренбургская) областях — в 14, в Татарской АССР, Челябинской и Пензенской областях — в 8 раз. Резкий рост заболеваемости брюшным тифом в 1942 г. был зафиксирован в Алтайском крае, Куйбышевской (ныне Самарская), Саратовской, Челябинской, Молотовской (ныне Пермская), Новосибирской и Омской областях[38].

Таблица 15.8 показывает, что по сопоставимой территории СССР (без оккупированных и прифронтовых районов) в 1942 г. по отношению к 1940 г. число заболеваний сыпным тифом выросло в 14,5 раза, дифтерией — на 23,3%, возвратным тифом (за 1940-1943 гг.) — в 5 раз[39].

Таблица 15.8

Инфекционная заболеваемость в СССР в 1940-1945 гг., тыс. случаев

Заболевание	1940 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
Сыпной тиф	25,0	363,0	184,0	311,0	150,0
Возвратный тиф	0,2	0,1	1,0	29,0	41,0
Скарлатина	130,0	105,0	47,0	43,0	140,0
Корь	713,0	370,0	129,0	388,0	433,0
Коклюш	265,0	228,0	160,0	156,0	131,0
Дифтерия	120,0	148,0	109,0	66,0	45,0

Одновременно резко увеличилась заболеваемость населения туберкулезом, дизентерией, колитами, воспалением легких и бронхитом. О распространенности этих болезней можно судить по материалам о госпитальной заболеваемости 83 городских больниц Советского Союза. У 25% пациентов, оказавшихся в 1943 г. на больничных койках, были диагностированы инфекционные заболевания, у 16% — желудочно-кишечные, у 7% — болезни органов дыхания, у 3% — туберкулез[40]. В структуре заболеваемости все чаще встречались болезни, связанные с длительным недостаточным и несбалансированным питанием и даже голоданием: цинга, пеллагра, алиментарная дистрофия, полиавитаминоз. Неизбежным спутником войны стала септическая ангина. В 1940-1941 гг. септическая ангина была зарегистрирована лишь в нескольких областях СССР. В 1943 г. эпидемия охватила 16 областей, в 1944 г. — 33 области. В целом за 1941-1944 гг. заболеваемость септической ангиной в СССР возросла в 35 (!) раз[41].

Само по себе увеличение заболеваемости не могло вызвать резкого роста смертности. К тому же на начальном этапе войны распространенность отдельных острых инфекций — скарлатины, кори, коклюша —

даже сократилась (см. таблицу 15.8). Однако число умерших от этих болезней увеличилось. Так как прямой связи между заболеваемостью населения и смертностью не существует, то основным фактором увеличения показателей смертности в 1941-1942 гг. было не столько повышение заболеваемости, сколько распад государственной системы здравоохранения. В первые же дни боевых действий очевидной стала неготовность к войне не только Красной армии, но и всех советских государственных институтов, в том числе здравоохранения и санитарных служб.

Уже в начале Великой Отечественной войны в полной мере сказалось характерное для предвоенного периода (в особенности для 1938-1941 гг.) отношение к здравоохранению, финансируемому по остаточному принципу, как к чему-то второстепенному. С развертыванием боевых действий пришло «время собирать камни»: все слабости и недостатки советского здравоохранения не только проявились в концентрированном виде, но и многократно усилились.

Многие заводы и фабрики, выпускавшие лекарства и медицинское оборудование, оказались на оккупированной территории. Часть предприятий была демонтирована для переброски в восточные районы страны. Производство медикаментов, и без того недостаточное, резко сократилось. В 1942 г. по отношению к 1940 г. производство препаратов сульфаниламида уменьшилось в 2,2 раза, акрихина — в 14, кофеина — в 6, фенацетина — в 33 раза[42]. Скудные запасы медикаментов направлялись в военные госпитали. Гражданское население лекарств не получало.

Численность медицинских работников в тыловых районах СССР в первые несколько месяцев войны в связи с мобилизацией в армию уменьшилась. В восточных районах страны, куда прибыло большое количество ослабленных людей, особенно детей и стариков, врачей явно недоставало. Нехватка медиков позднее была компенсирована за счет специалистов, прибывших в ходе эвакуации, но в течение всего второго полугодия 1941 г. и частично первого полугодия 1942 г. население тыловых районов оставалось фактически без врачей.

Качество лечебной работы с началом войны резко понизилось, о чем свидетельствует быстрый рост показателей больничной летальности. По данным 33 городских больниц СССР, смертность от скарлатины за 1940-1942 гг. увеличилась с 8,6 до 9,4%, от дифтерии — с 12,6 до 17,6%, от коклюша — с 6,5 до 8,6%[43]. В 1943 г. уровень больничной летальности в СССР достиг по отдельным заболеваниям запредельных величин: из общего числа заболевших туберкулезом легких скончалось свыше 30%, токсической диспепсией — 24, алиментарной дистрофией — 23,5, авитаминозами — 23, крупозным воспалением легких — 17, туляремией — 12, дизентерией — 9%[44]. В таблице 15.9 приведены данные о числе больных, умерших в лечебных учреждениях СССР (по материалам 80 тыловых городов, имевших врачебную регистрацию причин смерти)[45].

Таблица 15.9

Число больных, умерших в лечебных учреждениях СССР

Причины смерти	Апрель 1941 г.	Апрель 1942 г.	Рост, %
Брюшной тиф и паратиф	47	224	476,3
Сыпной тиф	15	1726	1 1 506,7
Корь	814	1010	124,1
Скарлатина	197	369	187,3
Коклюш	149	149	100,0
Дифтерия	222	558	251,4
Грипп	282	414	146,8
Дизентерия	262	1 942	741,2
Гемоколит	150	795	530,0
Малярия	50	56	112,0
Туберкулез	4372	6979	159,6
Воспаление легких	5035	11 208	222,6
Токсическая диспепсия	670	1 613	240,7
Острый гастроэнтероколит	788	3874	491,6

Как видим, особенно значительно выросло число умерших от таких заболеваний, как сыпной, брюшной тиф и паратиф, гемоколит и острый гастроэнтероколит, дизентерия, дифтерия и воспаление легких. Рост числа умерших от этих болезней, в конечном итоге обусловивший общее увеличение смертности, свидетельствует о том, что в первые полтора года Великой Отечественной войны воздействие негативных факторов внешней среды на демографическую подсистему значительно усилилось, тогда как способность государства противостоять этому воздействию снизилась. Соответственно изменилась и структура причин смерти населения тыловых районов.

С позиций анализа смертности как социального процесса особое значение имеет деление причин смерти на две основные группы: эндогенные (результат естественного старения человеческого организма, например сердечно-сосудистые болезни) и экзогенные (результат внешнего негативного воздействия: условия жизни, питание, состояние здравоохранения). Чем выше в структуре причин смерти доля экзогенных факторов, мало зависящих от возрастного состава населения, тем значи-

тельнее уровень смертности. В структуре причин смерти населения тыловых районов России в 1942 г. преобладали именно факторы экзогенного происхождения (таблица 15.10 ирис. б)[46].

Таблица 15.10

Причины смерти городского населения тыловых районов РСФСР в 1942 г. (без армии, госпиталей и спецконтингента), %

Причины смерти (по номенклатуре 1942 г.)	Мужчины	Женщины	Оба пола
Острые инфекции	12,3	14,0	13,1
Хронические инфекции	12,8	9,9	11,6
Насильственные смерти	0,7	0,5	0,6
Травмы	3,5	2,5	3,1
Рак	2,0	3,0	2,5
Новообразования доброкачественного характера	0,1	0,1	0,1
Ревматизм	0,1	0,1	0,1
Диабет	менее 0, 1	0,1	0,1
Неэпидемический менингит	1,0	1,1	1,0
Артериосклероз мозга	1,4	2,2	1,8
Болезни сердца	12,4	15,8	13,9
Болезни органов кровообращения	0,9	1,4	1,1
Болезни органов дыхания	16,4	15,5	16,1
Токсическая диспепсия	4,2	5,3	4,7
Острый гастроэнтероколит	6,3	6,4	6,3
Аппендицит	0,1	ОД	0,1
Болезни печени, желчных путей. желчного пузыря	0,2	0,3	0,2
Прочие болезни органов пищеварения	2,3	1,6	2,0
Курбункул, фурункул, абцесс	0,3	0,3	0,3
Воспаление почек	1,1	1,2	1,2
Болезни беременности, родов и женских половых органов		0,5	0,2
Болезни новорожденных	2,4	2,6	2,5
Прочие, неточно обозначенные и не вошедшие в номенклатуру	19,2	15,3	17,2

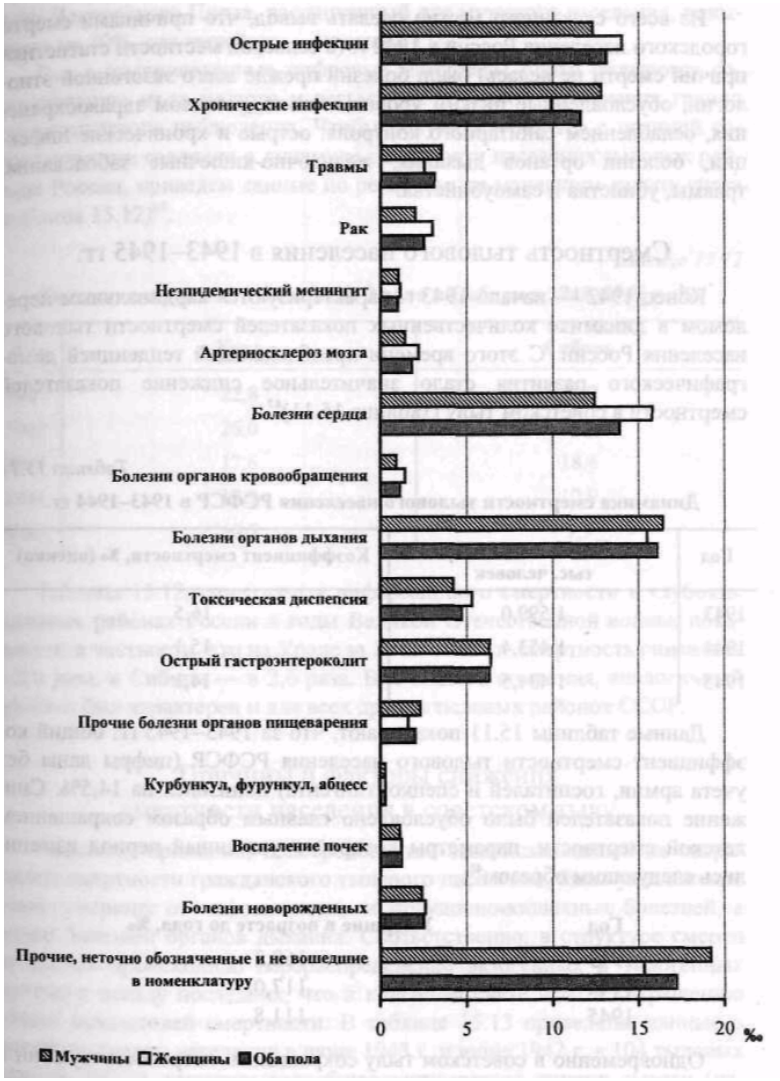


Рис. б. **Основные причины смерти горожан тыловых районов РСФСР в 1942 г.**

Таблица 15.13

Причины смерти в 104 тыловых городах СССР

Причины смерти	Июнь 1942 г., человек	Июнь 1943 г., человек	1943 г. к 1942 г., %
Брюшной тиф и паратиф	305	173	56,7
Сыпной тиф	618	229	37,1
Корь	923	163	17,7
Скарлатина	193	37	19,1
Коклюш	335	115	34,3
Дифтерия	530	193	36,4
Дизентерия	4549	1609	35,3
Гемоколит	1 287	188	14,6
Туберкулез	9249	7277	78,8
Воспаление легких	9499	4116	43,3
Токсическая диспепсия	4845	1294	26,7
Острый гастроэнтероколит	8012	2341	29,2
Всего умерло	95917	47845	49,9

В течение 1942-1943 гг. в тыловых районах страны сократилось число умерших от всех без исключения экзогенных причин, но особенно значительно — от таких опасных заболеваний, уносивших в начале войны большинство жизней мирных граждан, как корь, скарлатина, гемоколит, токсическая диспепсия, острый гастроэнтероколит, коклюш, дифтерия, дизентерия, сыпной тиф. Медленнее сокращалась смертность от туберкулеза, воспаления легких, брюшного тифа и паратифа. Но общий вектор демографического развития просматривается отчетливо: в структуре причин смерти после 1942 г. произошел сдвиг в пользу эндогенных факторов. Соответственно, смертность перемещалась в старшие возрастные группы, а продолжительность жизни тылового населения медленно росла. По данным Г. Е. Корнилова, в Свердловской области за 1942-1945 гг. удельный вес умерших от инфекционных и паразитарных болезней уменьшился с 27,4 до 16,5%, от болезней органов дыхания — с 20,6 до 9,8%, от болезней органов пищеварения — с 13,9 до 5,4%[51]. В Сибири за 1942-1945 гг. смертность от тифа снизилась почти в 7 раз, от кори — в 17, от дизентерии — в 25, от токсической диспепсии — в 8 раз, от туберкулеза — на 46%[52]. Аналогичные процессы были

характерны для демографической сферы Поволжья, Дальнего Востока и других тыловых районов страны.

В какой-то степени снижение тыловых показателей смертности от заболеваний экзогенного происхождения в 1943-1945 гг. можно объяснить возникновением так называемого запаса прочности в населении[53]. Демографические катастрофы всегда являли собой пример жесточайшего биологического отбора, в ходе которого наименее жизнеспособные группы населения вымирали. Поколения людей становились малочисленными, но в течение короткого времени обладали повышенной жизнестойкостью.

Однако этого объяснения явно недостаточно. Перестройка структуры причин смерти тылового населения протекала на фоне низкого уровня жизни, плохих жилищных условий, недостаточного и несбалансированного питания, даже голода, повышенной заболеваемости людей, их явной физиологической ослабленности. Казалось бы, логика демографического развития была полностью нарушена, и снижение смертности в тыловых районах страны, ведущей самую тяжелую и кровавую войну в своей истории, противоречит здравому смыслу. Этот феномен явился логичным следствием явления, которое уже проявлялось в СССР в 1930-е гг. и обозначено как советский демографический парадокс.

Основным фактором снижения смертности тылового населения в 1943-1945 гг. был, конечно же, не биологический отбор, а система государственных мероприятий по форсированному развитию здравоохранения, медико-фармацевтической промышленности, но главное — предельному ужесточению санитарного контроля. Остаточный принцип ресурсного обеспечения здравоохранения по-прежнему сохранялся, однако финансирование этого важнейшего элемента социальной инфраструктуры было значительно улучшено. Это позволило до некоторой степени нейтрализовать влияние негативных социальных условий. Возможно, вожди Советского Союза осознали, что дальнейшее распространение эпидемий в условиях войны приведет к катастрофе. О важности, которую придавало руководство страны борьбе с острозаразными болезнями, говорит тот факт, что в Наркомат здравоохранения СССР направлялись ежедневные донесения с мест о каждом случае инфекционных заболеваний[54]. Нарком здравоохранения Г. А. Митерев был назначен уполномоченным Государственного комитета обороны, персонально ответственным за работу противоэпидемических служб[55]. И если в 1941-1942 гг. в концентрированном виде проявились все недостатки советского государственного здравоохранения, то в 1943-1945 гг. — все его достоинства.

Из всего сказанного можно сделать вывод, что причинами смерти городского населения России в 1942 г. (в сельской местности статистика причин смерти не велась) были болезни прежде всего экзогенной этиологии, обусловленные низким уровнем жизни, развалом здравоохранения, ослаблением санитарного контроля: острые и хронические инфекции, болезни органов дыхания, желудочно-кишечные заболевания, травмы, убийства и самоубийства.

Смертность тылового населения в 1943-1945 гг.

Конец 1942 — начало 1943 г. характеризуются кардинальным переломом в динамике количественных показателей смертности тылового населения России. С этого времени преобладающей тенденцией демографического развития стало значительное снижение показателей смертности в советском тылу (таблица 15.11)[47].

Таблица 15.11

Динамика смертности тылового населения РСФСР в 1943-1944 гг.

Год	Число умерших, тыс. человек	Коэффициент смертности, ‰ (оценка)
1943	**1 599,0**	**16,5**
1944	**1 453,4 1**	**15,1**
1945	**434,5**	**14,1**

Данные таблицы 15.11 показывают, что за 1943-1945 гг. общий коэффициент смертности тылового населения РСФСР (цифры даны без учета армии, госпиталей и спецконтингента) понизился на 14,5%. Снижение показателей было обусловлено главным образом сокращением детской смертности, параметры которой в указанный период изменились следующим образом[48]:

Год	**Умершие в возрасте до года, ‰**
1943	160,3
1944	117,0
1945	111,8

Одновременно в советском тылу сокращалась смертность мужчин и женщин в рабочих возрастах, о чем свидетельствует некоторое увеличение индекса Покровского-Пирла (см. таблицу 15.6). В 1943-1945 гг. индекс Покровского-Пирла, рассчитанный для мужского населения, повысился на 30%, для женского — почти на 17%.

Все вышеприведенные цифровые материалы плохо поддаются сопоставлению из-за частого и весьма значительного изменения границ статистического наблюдения. Чтобы получить «чистые» с позиций сопоставимости сведения о динамике смертности населения тыловых районов России, приведем данные по регионам, не менявшим границ учета (таблица 15.12)

Таблиц

***а 15.12* Динамика смертности населения Урала и Сибири в 1941-1945 г., ‰**

Год	Урал	Сибирь
1941	22,8	21,2
1942	26,0	26,0
1943	17,6	18,4
1944	17,9	12,9
1945	10,5	9,9

Таблица 15.12, содержащая информацию о смертности в глубоких тыловых районах России в годы Великой Отечественной войны, показывает, в частности, что на Урале за 1942-1945 гг. смертность снизилась в 2,5 раза, в Сибири — в 2,6 раза. Вне всякого сомнения, аналогичный процесс был характерен и для всех других тыловых районов СССР.

Причины и факторы снижения смертности населения в советском тылу

Основной причиной, непосредственно воздействовавшей на сокращение смертности гражданского тылового населения, было уменьшение числа умерших от инфекционных и желудочно-кишечных болезней, а также болезней органов дыхания. Соответственно, в структуре смерти населения происходило перераспределение экзогенных и эндогенных причин в пользу последних, что в конечном счете вело к сокращению общих показателей смертности. В таблице 15.13 приведены данные о причинах смерти населения в июне 1943 г. и июне 1942 г. в 104 тыловых городах СССР, имевших врачебную регистрацию причин смерти (исключая армию, госпитали и спецконтингент)[50].

В СССР были развернуты сотни новых больниц, увеличено производство медицинских препаратов, улучшено обеспечение стационаров топливом, продуктами, медицинским оборудованием. Численность врачей и среднего медицинского персонала в тыловых районах после 1942 г. возросла за счет эвакуированных. Немаловажную роль сыграло широкое применение препаратов сульфаниламида, особенно действенных в лечении желудочно-кишечных заболеваний и пневмоний. Нельзя не отдать дань уважения тысячам врачей, фельдшеров, медицинских сестер, чей самоотверженный труд стал важнейшим фактором преодоления эпидемий.

Эффективность работы медиков после провала 1941-1942 гг. повысилась. Это выразилось прежде всего в снижении уровня больничной летальности. Так, за 1942-1945 гг. смертность в городских больницах РСФСР сократилась по скарлатине почти в 6, по дифтерии — в 2,6, по кори — почти в 10, по коклюшу — более чем в 2 раза[56]. Уровень летальности по дизентерии и гемоколиту (по сведениям 87 городских стационаров СССР) в 1943-1945 гг. уменьшился в 2,3 раза, по туберкулезу — на 26%, по крупозной пневмонии — почти в 3 раза[57].

Политика, направленная на повышение эффективности работы органов здравоохранения и ужесточение санитарного контроля (при абсолютной невозможности повысить уровень материальной обеспеченности населения), в военные годы была вполне оправданной. Смертность сократилась, и от этого сокращения выиграли прежде всего «слабые» группы населения: смертность детей снижалась интенсивнее, чем смертность в старших возрастах, а смертность мужчин уменьшалась быстрее, чем смертность женщин.

Смертность неординарных групп населения

Особенностью структуры населения СССР в военные годы было наличие в тыловых районах страны многочисленных групп, не учитываемых гражданскими статистическими органами. Поскольку к этим группам статистики в годы войны относили как гражданских лиц (заключенные, ссыльные, высланные), так и военных (армия и госпитали), условно обозначим их как неординарное население.

Как уже говорилось, попытка организовать учет смертности заключенных через систему загсов не удалась. Управления лагерей, обязанные в течение трех дней со дня смерти заключенного направлять в загсы извещения о смерти, выполняли эту работу крайне неохотно. К тому же данные об узниках ГУЛАГа, частично все же поступавшие в загсы, перемешивались с материалами о смерти гражданских лиц. Начальник Отдела демографии ЦСУ Госплана СССР И. Ю. Писарев еще в апреле 1941 г. на запрос из отдела учета населения и здравоохранения статистического управления Киргизской ССР отвечал: «Вторые экземпляры актов гражданского состояния, полученные из комендатур НКВД, разрабатываются с общим массивом актов. Никаких подсчетов по комендатурам производить не следует»[58]. Таким образом, те материалы о смерти заключенных, которые были всё-таки получены загсами, невозможно вычленить из общего массива данных. Поэтому для анализа смертности заключенных обратимся к статистическим материалам ГУЛАГа, опубликованным В. Н. Земсковым (таблица 15.14)[5'].

Таблица 15.14

Динамика смертности заключенных ГУЛАГа в 1941-1945 гг.

Год	Численность заключенных на 1 января	Среднегодовая численность заключенных	Умерло	Число умерших на 1000 заключенных
1941	1 500 524	1 458 060	100 997	69,3
1942	1415596	1 249 785	248 877	199,2
1943	983 974	823 784	166967	202,7
1944	663 594	689 550	60948	88,3
1945	715505	658 203	43848	66,5

Смертность заключенных в советских лагерях в военные годы сравнима разве что с боевыми потерями Красной армии. Она в десятки раз превышала уровень смертности гражданского тылового населения. Умерших в лагерях и колониях ГУЛАГа в 1942-1943 гг. было настолько много, что возникали чисто технические сложности с захоронениями тел. Специальным приказом начальника ГУЛАГа НКВД СССР старшего майора госбезопасности Наседкина от 2 февраля 1943 г. умерших узников было разрешено хоронить без гробов и белья по нескольку трупов в одной могиле[60]. Основными причинами смерти заключенных были: дистрофия, пеллагра, цинга, безбелковые отеки, гемоколит, открытый туберкулез легких, а летом — отравления корнями растений и сырыми грибами, которые поедали голодные люди.

Достигнув в 1943 г. наивысшей за годы войны величины, смертность заключенных, по документам ГУЛАГа, стала снижаться. В 1945 г. уровень смертности понизился по отношению к 1943 г. в 3 раза, но оставался все же на очень высокой отметке, превышая и в конце войны 66%о.

В условиях острого дефицита трудовых ресурсов государство было заинтересовано в сохранении или по крайней мере в продлении «срока службы» заключенных как рабочей силы. Еще 5 сентября 1941 г. начальникам областных и краевых управлений лагерей и исправительно-трудовых колоний НКВД было разослано письмо за подписью и. о. начальника Санотдела ГУЛАГа НКВД СССР Зицермана, в котором специально подчеркивалось: «Одним из актуальных вопросов сегодняшнего дня является вопрос максимального сохранения рабочей силы, которая должна быть направлена на выполнение особо важных производственных задач»[61].

Эту директиву администрация ГУЛАГа выполняла своеобразно. Действительно, цифры лагерной летальности резко пошли вниз. Но секрет снижения смертности в ГУЛАГе заключался не столько в улучшении медицинского обслуживания и условий содержания узников, сколько в так называемой актировке заключенных. В соответствии с постановлением пленума Верховного суда СССР от 1 августа 1942 г. и последовавшей за ним совместной директивой НКВД, Наркомюста и Прокуратуры СССР от 23 октября 1942 г. за № 467/18-71/117с, заключенные, страдающие неизлечимыми недугами, освобождались из мест заключения, или, если использовать гулаговскую терминологию, актировались. В соответствии с «расписанием болезней», утвержденным начальником ГУЛАГа, свободу получали лица, страдающие неизбежно влекущими смерть заболеваниями: истощением на почве авитаминозов, пеллагры и алиментарной дистрофии, белокровием, злокачественным малокровием, декомпенсированным туберкулезом легких, открытым бациллярным туберкулезом легких, резко выраженной эмфиземой легких и т. д.[62] Иными словами, заключенные актировались, чтобы умереть. Но смерть бывших узников фиксировалась не учетно-распределительными частями лагерей и колоний, а гражданскими органами. Распоряжением начальника ГУЛАГа за № 42/2325546 от 2 апреля 1943 г. учетно-распределительным частям категорически запрещалось вносить смерти актированных заключенных в лагерную отчетность[63].

Статистика ГУЛАГа не учитывала смертность заключенных в тюрьмах. Между тем условия содержания узников там были даже хуже, чем в лагерях и исправительно-трудовых колониях. Так, прокурор Омской области Теребов в октябре 1942 г. в докладной записке на имя секретаря Омского обкома ВКП(б) Кудинова отмечал: «По Омской тюрьме: лимит 824 чел., фактически содержится 2 301 чел... Заключенные размещены в камерах и спят на полу, постелями не снабжены. Все камеры крайне перегружены, и заключенные не имеют возможности даже во время сна

вытянуться, а все время находятся в сидячем положении... Неудовлетворительно поставлен первичный медосмотр з/к, вследствие чего в камеры попадают больные»[64]. Тот же Теребов в марте 1942 г. в очередной и очевидно бесполезной докладной записке начальнику УНКВД Омской области капитану госбезопасности Захарову сигнализировал: «Значительно возросла в тюрьмах смертность... Только в январе умерло в Омской тюрьме 36 человек, в Тюмени в январе и феврале 16 человек»[65].

Не учитывает статистика ГУЛАГа и массовые расстрелы арестованных. Например, только Новосибирским облсудом во втором полугодии 1941 г. к высшей мере было приговорено 15% (!) подсудимых[66]. На этом основании можно предположить, что в действительности смертность советских заключенных после 1943 г. не снижалась вовсе или уменьшилась на очень незначительную величину.

Не менее высокая смертность была характерна в течение всей войны и для спецэвакуированных: советских немцев, калмыков, чеченцев, ингушей, крымских татар и др. Эти народы фактически были поставлены на грань вымирания. В Новосибирской области, например, смертность среди депортированных сюда калмыков составляла в среднем 57%о, а в отдельных сельских районах достигала 80%о[67]. В годы Великой Отечественной войны смертность среди депортированных народов была столь значительна, а рождаемость столь низка, что их численность резко сократилась и не была восстановлена даже к 1953 г.[68] В целом по стране в 1945 г. в семьях спецпоселенцев родилось 8 тыс. детей, а умерло почти 90 тыс. человек[69].

Значительную часть тылового населения страны составляли военнослужащие. В октябре 1941 г. РККА насчитывала около 8 млн. бойцов и командиров, из них на фронте находилось всего 3,5 млн. человек[70]. К 1945 г. общая численность Вооруженных сил СССР достигла 11,4 млн. человек[71], тогда как в действующей армии насчитывалось 6,5 млн. солдат и офицеров[72].

Смертность среди военнослужащих тыловых подразделений была невысокой: основной контингент Красной армии составляли крепкие, здоровые мужчины в расцвете сил, сравнительно неплохо (по меркам военного времени) обеспеченные продуктами питания, обмундированием, лекарственными средствами.

Исключение составляли бойцы строительных батальонов и рабочих колонн наркомата обороны СССР. Их состав формировался главным образом за счет выходцев из «соцчуждой» среды. В стройбат направлялись бывшие кулаки, подкулачники, торговцы, фабриканты, дворяне, белогвардейцы, репрессированные и имевшие близких родственников

среди репрессированных, а также лица, побывавшие за границей или имевшие там родственников. Кроме того, строительные батальоны и рабочие колонны пополнялись за счет уроженцев Средней Азии и Казахстана, не владевших русским языком. Военкоматы передавали в стройбат и тех, кого медицинские комиссии признавали негодными к строевой службе: физически ослабленных, больных венерическими и психическими заболеваниями, хроническим туберкулезом и т. д. С началом войны численность строительных батальонов и рабочих колонн быстро увеличивалась. Только во второй половине 1941 г. они пополнились на 700 тыс. человек[73].

Бойцы-строители, сыгравшие выдающуюся роль в наращивании советского военно-промышленного потенциала (они выполняли самые тяжелые работы на важнейших стройках оборонного значения), были поставлены в чрезвычайные условия существования. Расселялись они без соблюдения гигиенических норм в бараках, подвалах, клубах, школах, палатках, в летних павильонах городских парков. Обмундирование им выдавалось по 4-й категории — фактически ветошь. Пищу получали по самой низкой норме, подчас раз в сутки. Грязные, оборванные, завшивленные, бойцы-строители шныряли по городским рынкам, копались в помойках и тащили все, что попадется под руку. Женщины, простаивавшие часами в длинных очередях за хлебом, пожалуй, наиболее точно определяли социальный статус бойцов-строителей: «Вы не красноармейцы, вы похожи на сбежавших из тюрьмы»[74].

Ослабленные хроническим недоеданием, военные строители становились жертвами многочисленных инфекций. Так, на заводах № 556 и 759 в Сибири заболеваемость среди бойцов рабочих колонн в 4 раза превышала заболеваемость среди вольнонаемных рабочих[75]. Поскольку медицинская помощь бойцам-строителям оказывалась в ограниченном объеме, смертность среди них существенно превышала средний по тыловым армейским подразделениям уровень. (Сказать что-либо более определенное о параметрах смертности стройбатовцев в военные годы не позволяет состояние статистики.)

Иные тенденции смертности были характерны для раненых и заболевших фронтовиков, оказавшихся в тыловых госпиталях. Согласно официальным данным, санитарные потери РККА в 1941-1945 гг. составили около 30 млн. человек, часть которых скончалась. Среди умерших от ран советских военнослужащих преобладали те, кто погиб на этапах санитарной эвакуации, а среди солдат и офицеров, попавших в госпитали, смертность была незначительной. Она не превышала 1,1% от среднесписочного состава[76]. В госпиталях Новосибирской области в течение

9 месяцев 1942 г. смертность не превышала 0,3% среди раненых и 0,4% среди больных[77]. Из 156,6 тыс. раненых и больных бойцов и офицеров, прошедших в годы Великой Отечественной войны через госпитали Омской области, скончались 1,3 тыс. человек[78]. Смертность в госпиталях Бурятии в период войны составляла 0,4%[79]. В целом за годы Великой Отечественной войны в госпиталях СССР от ран скончалось 1,1 млн. человек[80].

Основными причинами смерти раненых в тыловых госпиталях являлись несовместимые с жизнью тяжелые повреждения черепа и грудной клетки, общая гнойная инфекция при условии обширных тяжелых повреждений одновременно костей, мягких тканей и сосудов. Больные бойцы и офицеры погибали в госпиталях в основном от сепсиса, пеллагры, туберкулеза легких, злокачественных новообразований.

Но на фоне несомненных успехов отечественной медицины в лечении раненых, попавших в госпитали, нельзя все же не отметить, что 30% из них отчислялись в запас или увольнялись с военной службы как инвалиды[81]. По последним данным, за годы Великой Отечественной войны по ранению и болезни из РККА было уволено 3,8 млн. человек, из которых 2,6 млн. стали инвалидами[82]. Основные причины инвалидности раненых и больных военнослужащих приведены ниже[81]:

Причины инвалидности	Доля, %
Анкилозы, контрактуры с несросшимися переломами нижних и верхних конечностей	24,0
Ампутации нижних и верхних конечностей	18,0
Параличи и парезы рук и ног	17,0
Расстройства функций рук и ног	2,0
Открытый туберкулез легких	2,5
Поражения органов зрения	1,5
Психические заболевания	0,4
Туберкулез костей	0,3
Прочие	24,3

Таким образом, для тылового населения России были характерны различные тенденции смертности. Смертность гражданского населения в 1943-1945 гг. снижалась. Смертность заключенных, спецэвакуированных и бойцов строительных батальонов оставалась повышенной в течение всей войны. Смертность бойцов и офицеров в госпиталях и в тыловых подразделениях была низкой.

Динамика смертности населения на оккупированных территориях

Источники, содержащие сведения о тенденциях смертности населения в районах, подвергшихся оккупации, крайне немногочисленны. Советская система регистрации демографических событий через сеть загсов с приходом захватчиков была полностью разрушена. Немецко-фашистская администрация не стремилась к ее восстановлению, а там, где такие попытки все же предпринимались, они наталкивались на саботаж местного населения. По сути дела, в годы Великой Отечественной войны значительная часть территории СССР с населением свыше 80 млн. человек на больший или меньший срок выпала из сферы статистического учета.

Отсутствие достоверных источников затрудняет, но не делает невозможной общую оценку демографической ситуации на захваченных врагом территориях. Она очевидна: уровень смертности советского населения в течение всего периода оккупации оставался чрезвычайно высоким. Наиболее точно тенденции смертности в оккупированных регионах Советского Союза охарактеризовал главарь нацистов Гитлер. «На указанных территориях человеческая жизнь ничего не стоит», — заявил он в сентябре 1941 г.[84]

К основным факторам, инициирующим повышенную смертность населения на оккупированной территории СССР, можно отнести массовые убийства людей и преднамеренное сокращение численности советского населения путем снижения уровня жизни, организации голода, распространения инфекционных заболеваний, разрушения системы здравоохранения.

Еще только планируя нападение на Советский Союз, гитлеровцы разработали специальную государственную программу, целью которой было сокращение численности населения на захваченных территориях. Эта, если так можно выразиться, «демографическая политика» предполагала широкомасштабные депортации людей за Урал, пропаганду абортов и противозачаточных средств, разрушение системы здравоохранения и особенно родовспоможения (стимулирование повышенной детской и материнской смертности), полный запрет санитарного просвещения, организацию голода и распространение эпидемических заболеваний, а также систему мероприятий по физическому уничтожению людей. В так называемой Зеленой папке, составленной в недрах штаба «Ольденбург» (государственного учреждения нацистской Германии, созданного с целью ограбления захваченных территорий), были собраны

инструкции и директивы, направляемые в различные германские инстанции, так или иначе связанные с проведением «восточной политики». В инструкции, датированной 23 мая 1941 г., подчеркивалось: «Многие миллионы людей станут излишни на этой территории, они должны будут умереть или переселиться в Сибирь»[85].

С началом войны план государственной политики фашистской Германии, преднамеренно направленной на уничтожение миллионных масс людей, был ужесточен. Предложения Восточного министерства «третьего рейха» по ограблению советской территории и истреблению населения показались теперь главарям нацистов слишком мягкими. И в апреле 1942 г. Гиммлер внес коррективы в этот документ. «Демографические» цели нацистов он лаконично выразил одной фразой: «Мы должны сознательно проводить политику на сокращение населения»[86].

Вермахт, войска СС и спецслужбы фашистской Германии с параноидальным упорством претворяли в жизнь идеи своих главарей, уничтожая миллионы людей. В апреле 1944 г., когда значительная часть советской территории была очищена от немецко-фашистских войск, правительство СССР предприняло попытку выявить масштабы карательной деятельности захватчиков. С этой целью ЦСУ СССР направило в статистические управления республик, краев и областей, из которых были изгнаны оккупанты, специальную телеграмму, в которой предлагалось установить численность истребленного гражданского населения.

Подсчеты, организованные в 1944 г. и в начале 1945 г., показали, что на территории Краснодарского края было уничтожено 62 тыс., в Днепропетровской области — 156 тыс., Курской — 11 тыс., Орловской — 80 тыс., Воронежской — 16 тыс., Калининской — 41 тыс. человек[87]. В Сумской области, как выяснилось, из 102 042 погибших советских граждан 28 984 человека были убиты, 419 повешены, 1 263 умерли в тюрьмах, 61 844 скончались в концлагерях, 658 умерли после истязаний, 1 950 безвестно пропали после ареста, 6 924 погибли в результате бомбежек[88]. В Сталинградской области в период оккупации было расстреляно: 325 мужчин, 460 женщин, 207 детей; повешено: 7 мужчин, 8 женщин, 1 ребенок; погибло от бомбардировок и артобстрелов: 701 мужчина, 377 женщин, 299 детей. Кроме того, при опросах населения и эксгумации захоронений не были установлены пол, возраст и имя 752 расстрелянных, 92 повешенных и 33 309 погибших при артобстрелах и бомбежках[89]. На территории Великолукской области за время оккупации фашистские каратели убили 56,6 тыс. человек, из них 36 тыс. мирных жителей . Под Смоленском фашисты уничтожили 352 тыс. мирных граждан[91].

В Белоруссии, согласно отчету статистического управления республики, к концу 1944 г. документально была подтверждена гибель 1,2 млн. человек[92]. На Украине, по данным статистического управления УССР, погибло 2,1 млн. человек[93]. Только в 93 городах Украины из 5 215,8 тыс. жителей погибло 981,2 тыс. человек[94]. В Киеве оккупанты убили 150 тыс., в Сталине (ныне Донецк) — 100 тыс., в Мариуполе — 50 тыс., в Чернигове — 53 тыс., в Полтаве — 27 тыс., в Виннице — 41 тыс., в Умани — 25 тыс., в Луцке — 35 тыс., в Бердичеве — 39 тыс. человек[95].

В целом по СССР по сведениям, наиболее часто встречающимся в советской печати, на оккупированной территории было уничтожено 6 075 тыс. советских граждан[96]. Еще более высокую цифру потерь среди мирного населения, преднамеренно истребленного на оккупированной территории, приводит М. В. Филимонов. Опираясь на опубликованные в отечественной литературе данные о количестве уничтоженного населения в отдельных союзных республиках (Россия, Украина, Белоруссия, Литва, Латвия, Эстония, Молдавия и Карело-Финская ССР) и суммируя их, М. В. Филимонов пришел к выводу, что на оккупированной территории Советского Союза погибли 7 420 тыс. мирных жителей[97].

Но преднамеренным физическим уничтожением гражданского населения невозможно ограничить демографические последствия пребывания немецко-фашистских захватчиков. Сотни тысяч советских людей погибли вследствие резкого снижения уровня жизни: от холода, голода, отсутствия медицинской помощи в условиях катастрофического всплеска инфекционных, желудочно-кишечных и других заболеваний. Так, в Харькове в 1942 г. из всей совокупности зарегистрированных смертей почти 59% пришлось на смерти от голода[98]. В 30 районах Курской области, по которым имеются сведения, в период оккупации на 10 тыс. жителей зафиксировано 294 заболевания сыпным тифом. Из числа заболевших сыпняком скончалось 14%. Уровень летальности от дизентерии в области достиг 48%, от скарлатины, дифтерии, пневмонии и туберкулеза легких — 61, от кори — 26%[99]. В Новгородской области уровень заболеваемости сыпным тифом в 1942 г. увеличился по отношению к 1940 г. более чем в 800 раз. Кроме того, 70% населения было поражено педикулезом[100].

Даже после освобождения смертность на территориях, подвергшихся оккупации, долгое время оставалась высокой. В целом по России в 1944г. летальность от паразитарных тифов в районах, освобожденных от оккупации, была выше, чем в тыловых, на 125%, от детских инфекций — на 51%, от малярии — в 3 раза, от желудочно-кишечных болезней— на 17%[101].

Уровень смертности в захваченных районах страны на протяжении всего периода оккупации оставался предельно высоким, что подтверждается теми отрывочными сведениями, которые имеются в распоряжении исследователей. В Белоруссии в 1942 г. общий коэффициент смертности достигал 136‰[102], в Харькове — 55‰[103]. В городских поселениях Калининской области в 1942 г. уровень смертности составлял 45‰ против 19‰ в 1939 г., в сельской местности — соответственно 28 и 19‰[104]. В Днепропетровске в 1942 г. смертность превышала уровень 1939 г. на 92%, в 1943 г. — на 50%[105].

Таким образом, демографические последствия оккупации, помимо 6-7 млн. человек, преднамеренно уничтоженных фашистами, должны включать дополнительно еще несколько миллионов советских граждан, погибших вследствие распространения инфекций. Первая и, в сущности, единственная известная нам попытка определить совокупные потери гражданского населения Советского Союза в оккупированных районах была предпринята статистиками ЦСУ СССР в начале 1946 г. Результатом проведенной работы стал документ, датируемый февралем 1946 г. и озаглавленный «Приблизительный расчет потерь гражданского населения в оккупированных районах». Он подписан начальником ЦСУ Госплана СССР В. Н. Старовским[106].

Прежде всего, был проведен расчет, основанный на сопоставлении довоенной численности населения и численности населения, учтенной после освобождения. На советской территории, подвергшейся оккупации, до войны проживало 88,7 млн. человек (включая военнослужащих). После изгнания немецко-фашистских войск в этих районах согласно учету, организованному НКВД, осталось 54,9 млн., или на 33,8 млн. человек меньше. К моменту учета населения с этой территории выбыло в армию 6,7 млн., эвакуировано 5,5 млн., спецпереселению подверглось 0,2 млн., угнано в Германию 5,5 млн. человек. Следовательно, потери населения за весь период оккупации составили 15,9 млн. человек[107].

Помимо этого, для получения корректных данных и с целью контроля статистики провели расчет людских потерь методом сопоставления довоенной численности населения и более точно определенной численности на 1 января 1946 г. Для определения численности населения на 1 января 1946 г. статистики располагали данными о количестве сельского населения на основе записей в книгах сельсоветского учета, сведениями наркомата торговли СССР о числе выданных хлебных карточек, а также ежемесячными оценками численности населения, производимыми районными и городскими инспектурами ЦСУ и управлениями статистики областей и союзных республик.

Довоенная численность населения на территориях, оказавшихся в оккупации, была определена в 88,7 млн. человек. На 1 января 1946 г. на этой территории проживало 66,2 млн. человек. Естественный прирост за период с момента освобождения до 1 января 1946 г. составил 0,2 млн. человек. Таким образом, численность населения сократилась на 22,7 млн. человек. Из них призвано в армию (за вычетом вернувшихся инвалидов и демобилизованных) — 4,5 млн.; не возвратилось из Германии и из эвакуации — 2 млн.; превышение выезда над въездом вследствие обмена населением с Польшей составило 0,3 млн. человек. Следовательно, на оккупированной территории СССР потерял приблизительно 15-16 млн. человек[108].

Эта величина включает в себя не только умерших, но и дефицит рождений. Если исходить из предвоенных тенденций рождаемости и смертности, наиболее близким к истине будет утверждение, что на оккупированной территории СССР преждевременно умерло 10—11 млн. человек только гражданских лиц (из них 6-7 млн. человек были истреблены фашистскими карателями).

Ленинградский апокалипсис

Ни один город мира в годы Второй мировой войны не пережил трагедии, подобной ленинградской. То, что произошло в Ленинграде блокадной зимой 1941-1942 гг., нельзя даже назвать демографической катастрофой — это была апокалипсическая драма. Когда в сентябре 1941 г. было прервано сухопутное сообщение Ленинграда с «Большой землей» и началась 900-дневная блокада, в городе оставалось свыше 2 млн. человек. Этим людям предстояло пережить все ужасы войны — бомбежки, артиллерийские обстрелы, голод и холод. Непосредственной реакцией демографической сферы города на блокаду стало снижение рождаемости, которое было выражено значительно резче, чем в тыловых районах. В таблице 15.15 приведены показатели воспроизводства населения блокадного Ленинграда[109].

В 1940 г. вследствие советско-финляндской войны, непосредственно затронувшей Ленинград, рождаемость в городе заметно сократилась. Поэтому число родившихся в 1941 г. значительно превысило число родившихся в 1940 г. Последствия блокады города в сфере воспроизводственных процессов в полной мере дали о себе знать только в 1942 г., когда количество родившихся уменьшилось по отношению к 1941 г. более чем в 5 раз. В 1943 г. число новорожденных в Ленинграде продолжало

сокращаться. В 1942 и 1943 гг. в городе родилось всего 22 тыс. детей, большая часть которых погибла.

Таблица 15.15

Воспроизводство населения Ленинграда в 1940-1943 гг., тыс. человек

Год	Родилось	Умерло	Естественный прирост (убыль)
1940	69	54	15
1941	75	115	-40
1942	14	548	-533
1943	8	27	-19

В основе снижения рождаемости в блокадном Ленинграде лежали два фактора. Первый — общий для всей страны в военные годы распад брачно-семейных связей вследствие снижения доли мужчин в населении. В течение 1939-1944 гг. численность мужчин в городе сократилась более чем в 11 раз. По данным переписи населения 1939г., удельный вес мужчин в населении Ленинграда составлял 46, а на момент снятия блокады, в начале 1944г., — всего 23%. Ленинград, таким образом, превратился в город женщин. В январе 1944 г. в городе на 100 женщин приходилось 29 мужчин[110]. Вполне естественно в этих условиях, что если в 1941 г. в Ленинграде было зарегистрировано 29 тыс., то в 1942 г. — всего 3 тыс., в 1943 г. — 8 тыс. браков[1"].

Но основным фактором столь резкого снижения рождаемости явилась причина специфически блокадная, нехарактерная для всех прочих территорий СССР (как тыловых, так и подвергшихся оккупации), а именно — предельное физическое истощение людей. В период блокады у 85% женщин прекратились менструации — они стали неспособны к зачатию[112]. Младенцы, вопреки всему рожденные в блокадном Ленинграде, в основной массе были нежизнеспособны. С. А. Новосельский, специально исследовавший вопрос выживаемости детей блокадного и послеблокадного Ленинграда, подчеркивал, что в основном на свет появлялись «крайне маловесные недоноски, погибавшие вскоре после рождения»"[3]. Среди 1 223 детей, родившихся в городе с 1 января по 31 июля 1942 г., 62% имели вес менее 3 кг[114].

Жестокость блокады проявлялась прежде всего в том, что основными ее жертвами стали грудные младенцы. В 1942 г. уровень детской смертности в Ленинграде достиг 784%о[115]. И если в 1939 г. из каждых десяти новорожденных до годовалого возраста доживали девять, то в

1942 г. — два младенца. Смертность детей на первом месяце жизни в 1942 г. превышала аналогичные показатели 1939 г. в 7 раз, на третьем месяце жизни — в 10 раз[116].

Голод, холод, распространение алиментарной дистрофии, пеллагры, цинги, туберкулеза, желудочно-кишечных заболеваний и пневмонии, а также постоянные артобстрелы лежали в основе увеличения показателей смертности взрослого населения. В 1942 г. статистиками было зарегистрировано 548 тыс. смертей, что в 10 раз превышало показатели 1940г. Всего в 1941-1943 гг. в городе было зарегистрировано 690 тыс. умерших. В действительности их число из-за недостатков регистрации и физической невозможности зафиксировать все демографические события, было значительно выше и приближалось к 1 млн..

Катастрофически высокая смертность, низкая рождаемость, эвакуация значительной части ленинградцев (в 1941-1942 гг. из города и пригородов было вывезено около 1,7 млн. человек[17]) оказали негативное воздействие на структуру и численность населения Ленинграда.

О составе населения города по полу уже говорилось. Существенные изменения претерпела и возрастная структура населения Ленинграда (таблица 15.1 б)[118].

Таблица 15.16

Возрастная структура населения Ленинграда

Возраст, лет	17 января 1939 г.	1 января 1944 г.
0-13	21,9	14,1
14-17	7,3	6,1
18-49	57,0	64,3
50-54	4,2	6,7
55 и старше	9,6	8,8
Всего	100,0	100,0

В период блокады вследствие повышенной смертности детского населения, резкого уменьшения рождаемости, а также первоочередной эвакуации детей сократилась доля младших возрастов. Одновременно понизился удельный вес лиц старше 55 лет. Вместе с тем увеличилась прослойка людей в рабочем возрасте — от 18 до 54 лет. Соответственно население Ленинграда в период блокады «повзрослело».

Негативной тенденцией динамики населения Ленинграда в годы войны стало резкое сокращение его численности (см. таблицу 15.17)"[9]. Незначительное сокращение численности населения города было зафиксировано еще в период советско-финляндской войны 1939-1940 гг., но в ходе блокады этот процесс принял особенно крупные масштабы. За период с 1 января 1941 г. по 1 января 1944 г. число ленинградцев уменьшилось почти в 6 раз, причем в 1942 г. население города сократилось на 64%. Только снятие блокады в январе 1944 г. предотвратило дальнейшее снижение численности населения Ленинграда.

Таблица 15.17

Динамика численности населения Ленинграда в 1939-1945 гг. (без армии, госпиталей и спецконтингента)

Дата	Тыс. человек	К предшествующему году, %
17 января 1939г.	3 191,3	—
1 января 1941 г.	3 155,0	98,9
1 января 1942 г.	1 900,0	60,2
1 января 1943 г.	690,0	36,3
1 января 1 944 г.	557,8	80,8
1 января 1 945 г.	961,0	172,3

Динамика рождаемости тылового населения

Еще большие, чем смертность, изменения претерпела в годы Великой Отечественной войны рождаемость тылового населения. В течение 1941-1945 гг. общий коэффициент рождаемости сократился более чем в 3 раза. В таблице 15.18 приведены оценки показателей рождаемости на территориях, не подвергавшихся оккупации[120]

Таблица 15.18

Динамика рождаемости населения РСФСР в 1941-1945 гг.

Год	Х.
1941	33,3
1942	20,2
1943	9,9
1944	10,5
1945	10,8
1945г. к 1941 г., %	32,4

Самый низкий уровень рождаемости в тыловых регионах РСФСР был зафиксирован в 1943 г., когда её коэффициент не превышал 9,9‰. При этом в Московской, Ивановской, Вологодской и Ярославской областях коэффициент рождаемости сократился до 8, в Кировской области — до 9‰[ш]. По Советскому Союзу (без оккупированных районов) в 1941 г. на свет появилось 4,6 млн., в 1942 г. — 2,1 млн.., а в 1943 г. — 1,4 млн. младенцев[122]. Таким образом, число родившихся в СССР за 1941-1943 гг. сократилось на 3,2 млн. человек. Процесс резкого снижения рождаемости обозначился далеко не сразу после начала войны, что объясняется инерционностью этого элемента воспроизводства населения, и в частности 9-месячным лагом между зачатием и рождением ребенка. В табл. 15.19 и на рис. 7 приведены показатели рождаемости в тыловых районах РСФСР в 1941-1943 гг.[123]

Таблица 15.19

Сезонные колебания рождаемости тылового населения РСФСР в 1941-1943 гг.

Дата зачатия	Дата рождения	Уровень рождаемости, ‰	Дата зачатия	Дата рождения	Уровень рождаемости, ‰
V. 1940г.	I. 1941 г.	33,3	XI. 1941 г.	VII. 1942 г.	17,4
VI. 1940г.	II. 1941 г.	30,4	XII. 1941 г.	VIII. 1942г.	16,1
VII. 1940 г.	III. 1941 г.	34,0	I. 1942 г.	IX. 1942г.	14,2
VIII. 1940 г.	IV. 1941 г.	32,2	II. 1942 г.	X. 1942г.	13,2
IX. 1940г.	V. 1941 г.	30,6	III. 1942 г.	XI. 1942 г.	11,4
X. 1940 г.	VI. 1941 г.	31,3	IV. 1942г.	XII. 1942г.	9,4
XI. 1940г.	VII. 1941 г.	35,6	V. 1942г.	I. 1943 г.	14,6
XII. 1940г.	VIII. 1941 г.	37,2	VI. 1942г.	И. 1943 г.	11,6
I. 1941 г.	IX. 1941 г.	35,9	VII. 1942 г.	III. 1943 г.	13,0
II. 1941 г.	X. 1941 г.	36,6	VIII. 1942 г.	IV. 1943 г.	12,2
III. 1941 г.	XI. 1941 г.	33,4	IX. 1942 г.	V. 1943 г.	11,8
IV. 1941 г.	XII. 1941 г.	34,1	X. 1942г.	VI. 1943 г.	11,4
V. 1941 г.	I. 1942 г.	41,5	XI. 1942г.	VII. 1943 г.	13,0
VI. 1941 г.	II. 1942 г.	30,4	XII. 1942 г.	VIII. 1943 г.	13,7
VII. 1941 г.	III. 1942 г.	30,9	I. 1943 г.	IX. 1943 г.	12,0
VIII. 1941 г.	IV. 1942 г.	22,1	II. 1943 г.	X. 1943 г.	11,1
IX. 1941 г.	V. 1942 г.	19,9	III. 1943 г.	XI. 1943 г.	10,6
X. 1941 г.	VI. 1942г.	16,5	IV. 1943 г.	XII. 1943 г.	9,6

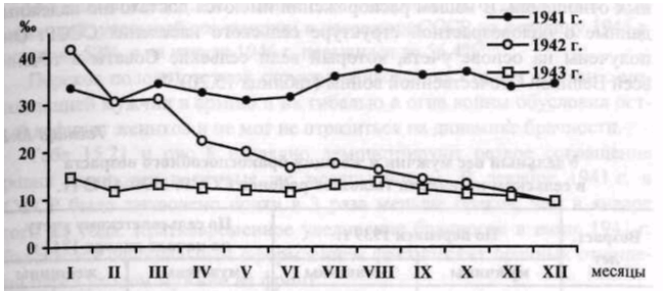


Рис. 7. **Динамика рождаемости тылового населения РСФСР в 1941-1943 гг.**

Рождаемость в тыловых районах страны в первые месяцы после начала Великой Отечественной войны не только не сократилась, но даже увеличилась, что отражало тенденции демографического развития предвоенных лет. В период с июня 1941 г. по июнь 1942 г. на свет появлялись дети, зачатые в промежутке между октябрем 1940 г. и июнем 1941 г., после завершения советско-финляндской войны. В итоге коэффициент рождаемости в январе 1942 г. был выше, чем в январе 1941 г., на 24,6%.

Сокращение рождаемости в России фиксируется только с марта 1942 г.: на свет стали появляться дети, зачатые в июле 1941 г. и позднее. Начало этого процесса ознаменовалось резким скачком вниз. Всего лишь за один месяц — с марта по апрель 1942 г. — рождаемость понизилась на 28%. В декабре 1942 г. общий коэффициент рождаемости был в 3,6 раза ниже, чем в декабре 1941 г. Только в 1944-1945 гг. он стабилизировался, или, что точнее, застыл на предельно низком уровне, не обеспечивающем расширенного воспроизводства населения.

Причины и факторы сокращения рождаемости

Причины столь резкого сокращения рождаемости неоднозначны. Вне всякого сомнения, к ним необходимо причислить общее понижение уровня жизни и повсеместное втягивание женщин, находящихся в тылу, в производство. Но еще более значимым фактором, негативно отразившимся на динамике рождаемости, явилась резкая деформация половозрастной структуры населения, повлекшая за собой распад брачно-семей-

ных отношений. В нашем распоряжении имеются достаточно надежные данные о половозрастной структуре сельского населения СССР. Они получены на основе учета, который вели сельские Советы в течение всей Великой Отечественной войны (таблица 15.20)[124].

Таблица 15.20

Удельный вес мужчин и женщин бракоспособного возраста в сельском населении тыловых районов СССР. 1939-1943 гг.

Возраст, лет	По переписи 1939 г.		По сельсоветскому учету на начало января 1943 г.	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины
18-24	48,7	51,3	21,9	78,1
25-49	48,0	52,0	23,5	76,5
50-54	44,8	55,2	37,7	62,3

Как видим, удельный вес мужчин бракоспособного возраста в составе сельского тылового населения страны в годы Великой Отечественной войны существенно снизился. В 1943 г. в возрастном диапазоне от 18 до 49 лет на долю лиц мужского пола приходилось менее четверти сельского населения. Особенно резкие диспропорции полов были характерны для сельского населения Костромской и Ярославской областей (здесь в январе 1945 г. на 100 женщин в возрасте 16-54 года приходилось всего 25 мужчин), Алтайского края (27 мужчин)[125]. Качественно лучшая демографическая ситуация сложилась в Якутии, где на 100 женщин этого же возрастного диапазона приходилось 69 мужчин, Таджикистане — 72, Узбекистане — 64, Грузии — 63 мужчины[126].

Не менее серьезные диспропорции в соотношении полов были характерны и для городского населения. В феврале 1946 г. в ходе выборов в Верховный Совет СССР выяснилось, что среди избирателей-горожан (население в возрасте 18 лет и старше) удельный вес мужчин по Советскому Союзу в целом не превышал 37%, по РСФСР — 36,3%[127]. Особенно резкие диспропорции были характерны для поколения 1919—1924 годов рождения. В этих группах населения на каждые 10 мужчин приходилось 30 женщин[128].

В целом по СССР, согласно оценке В. С. Гельфанда, перевес женщин в трудоспособном диапазоне возрастов (мужчины 16-59 лет, женщины 16-54 лет) составлял (на начало года): 1941 г. — 2,8 млн., 1942г. — 4,8 млн., 1943 г. — 7,4 млн., 1944 г. — 9,8 млн., 1945 г. — 12,6 млн., 1946 г.

14,4 млн. человек[129]. По оценке Е. М. Андреева, Л. Е. Дарского и Т. Л. Харьковой, удельный вес женщин в населении СССР на середину 1941 г. составлял 52%, а на начало 1946 г. повысился до 56,4%[130].

Перекос половозрастной структуры населения страны в связи с мобилизацией мужчин в армию и их гибелью в огне войны обусловил острый дефицит женихов и не мог не отразиться на динамике брачности.

Табл. 15.21 и рис. 8 наглядно демонстрируют резкое сокращение уровня брачности в первые же месяцы войны. В декабре 1941 г. в РСФСР было заключено почти в 3 раза меньше браков, чем в январе этого же года. Кратковременное увеличение брачности в июне 1941 г. объясняется официальным оформлением фактических брачных отношений перед уходом мужчин на фронт[131].

Таблица 15.21

Брачность населения РСФСР в 1941 г. (без оккупированных и прифронтовых районов)

Календарный месяц	Число зарегистрированных браков на 1000 человек населения	Календарный месяц	Число зарегистрированных браков на 1000 человек населения
Январь	8,6	Июль	6,2
Февраль	8,7	Август	4,3
Март	7,0	Сентябрь	3,7
Апрель	6,2	Октябрь	3,3
Май	6,2	Ноябрь	2,7
Июнь	8,5	Декабрь	3,1

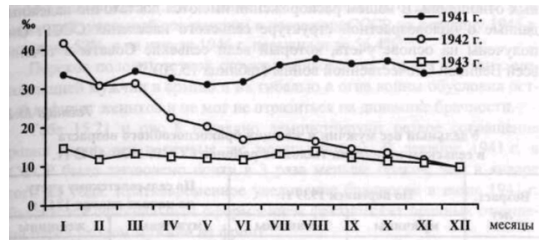


Рис. 8. **Динамика заключения браков в 1941 г. на территории РСФСР без учета оккупированных и прифронтовых районов**

Падение числа регистрируемых браков продолжилось и в последующие годы войны по мере нарастания диспропорций в соотношении полов. В 1940 г. в целом по Советскому Союзу загсами было зафиксировано 1 082 тыс. новых семей, в 1941 г. — 609 тыс., в 1942 г. — 297 тыс., в 1943 г. — 347 тыс., в 1944 г. — 582 тыс., в 1945 г. — 1 046 тыс. новых семей[132].

В таблице 15.22 приведены данные о зарегистрированных в 1941-1945 гг. браках в тыловых территориях РСФСР в относительных (на тысячу человек) величинах[133].

Таблица 15.22

Динамика брачности тылового населения СССР в 1941-1945 гг.

Год	Число браков на 1000 человек		
	Городское	Сельское	Всего
1940	9	4	6
1941	9	4	6
1942	4	2	3
1943	4	2	3
1944	6	3	4
1945	12	4	7

Свою низшую точку брачность тылового населения прошла в 1942-1943 гг. (что совпало с низшей точкой рождаемости), после чего стала медленно увеличиваться, превысив в 1945 г. уровень 1940 г. Но это превышение произошло уже в мирном полугодии 1945 г. в связи с развернувшейся демобилизацией солдат и офицеров. В первой половине 1945 г. брачность оставалась на низком уровне. Так, в апреле 1945 г. в СССР было зафиксировано всего 47 тыс. браков, тогда как в декабре этого года— 126 тыс. браков[134].

Особенно заметно падение уровня брачности было в сельской местности. В промышленных центрах СССР существовала система брони и некоторая часть мужчин не призывалась в армию. В российской деревне мобилизация мужчин проводилась практически без ограничений. Крестьяне в годы Великой Отечественной войны составляли основу Красной армии. И если в городах в 1943 г. на 1000 человек населения было зарегистрировано 4 брака, то в деревне — 2. Соответственно и рождаемость в сельской местности в военные годы была заметно ниже, чем в городах.

Таким образом, деформации половозрастного состава населения тыловых районов и, как прямое следствие этого, падение числа заключаемых браков, фактическое прекращение брачных отношений в уже сформировавшихся семьях в связи с уходом мужей на фронт, массовое овдовение женщин явились главными причинами резкого падения рождаемости.

Но наряду со структурными факторами на динамику рождаемости существенное влияние оказывало и искусственное регулирование числа детей. Рождаемость сокращалась и в тех семьях, где брачные отношения не прекращались: люди откладывали появление детей до окончания войны. В условиях практически полного отсутствия средств контрацепции основным методом ограничения рождаемости, как и до войны, оставались юридически запрещенные еще в 1936 г. аборты. Вряд ли можно согласиться с мнением Е. А. Садвокасовой, что в годы войны аборт утратил свое значение[135]. Так, в Читинской области в 1941 г. на каждые 100 родов было произведено 6 искусственных абортов, в 1942 г. — 7, в 1943 г. — 18 (рост в 3 раза)[136]. В Новосибирской области в 1944 г. на каждые 100 родов приходилось 30 абортов, в том числе в Новосибирске — 50 абортов[137]. В 1944 г. уполномоченный Госплана СССР по Новосибирской области в докладной записке в Новосибирский обком ВКП(б) отмечал: «...на снижение рождаемости повлияло значительное количество произведенных в городах области абортов»[138]. Вал нелегальных абортов не могли сдержать даже суровые наказания вплоть до уголовного преследования. В целом по РСФСР в 1944 г. было произведено 186 тыс. только зарегистрированных искусственных прерываний беременности, из которых свыше 90% произошли вне лечебных учреждений. Прокуратурой было возбуждено около 17 тыс. уголовных дел[139].

Снижение рождаемости в годы Великой Отечественной войны наряду с негативными тенденциями смертности обусловило катастрофическое состояние демографической подсистемы общества (таблица 15.23)[140].

Таблица 15.23

Естественный прирост (убыль) тылового населения РСФСР в 1941-1945 гг. (без армии, госпиталей и спецконтингента), тыс. человек

Год	Естественный прирост (убыль)
1941	895,7
1942	-162,8
1943	-638,3
1944	-410,4
1945	-357,1

Апрель 1942 г. стал первым месяцем войны, когда по учтенной территории СССР (без оккупированных и прифронтовых районов) число умерших превысило число родившихся[141]. С этого времени и до конца войны для демографической сферы тыловых районов была характерна депопуляция, достигшая максимальных величин в 1943 г. В целом за годы Великой Отечественной войны в тыловых районах России число умерших превысило число родившихся на 1,6 млн. человек. Если же учесть гибель людей в огне боев, повышенную смертность заключенных и спецэвакуированных, массовое вымирание советского населения на оккупированной территории, картина демографической катастрофы будет носить еще более впечатляющий характер.

Потери населения СССР в боевых действиях

Негативные изменения параметров смертности и рождаемости ординарного населения СССР в военные годы были важным, но далеко не единственным фактором, репродуцирующим демографическую катастрофу. Решающую роль играли прямые военные потери. Эта до предела обостренная проблема, затрагивающая чувство национального достоинства россиян, до сих пор остается весьма запутанной. После завершения войны, когда пришло время подводить итоги, вопрос о потерях воспринимался в советском обществе столь болезненно, что данные о них могли исходить только от первого лица в государстве. Неудивительно, что эту проблему поднял сам Сталин, который стремился скрыть размеры потерь и тем самым упредить нежелательные суждения. Он не желал войти в историю как полководец, одержавший пиррову победу. Звезда генералиссимуса, полученная вождем, должна была остаться незапятнанной.

В середине марта 1946 г. в интервью корреспонденту газеты «Правда» Сталин недвусмысленно заявил: «В результате немецкого вторжения Советский Союз безвозвратно потерял в боях с немцами, а также благодаря немецкой оккупации и угону советских людей на немецкую каторгу — около семи миллионов человек»[142]. Таким образом, Сталин предельно минимизировал все совокупные потери СССР в войне 1941-1945 гг. Но цифра потерь, исходящая от вождя, была выше критики. Она вошла в энциклопедии[143] и воспроизводилась в литературе вплоть до начала 1960-х гг.[144]

Учитывая ту политическую остроту, которую придавало коммунистическое правительство вопросу о потерях советского народа, опровергнуть цифру Сталина можно было только на уровне руководства государства. Это произошло в 1961 г., когда Н. С. Хрущев в письме премьер-министру

Швеции Т. Эрландеру заявил, что война с фашизмом «унесла два десятка миллионов жизней советских людей»[145]. Хрущев увеличил советские потери по сравнению с цифрой Сталина почти в 3 раза.

Как и откуда появилась хрущевская цифра советских потерь — остается неизвестным. Некоторый свет на это пролил Б. Ц. Урланис, который, будучи ведущим советским демографом в 1950-х — 1960-х гг., возможно, сам принимал участие в расчетах. В одной из своих статей, увидевшей свет в 1965 г., Б. Ц. Урланис отмечает, что сведения о 20-миллионных жертвах советского народа в войне были получены на основе сопоставления материалов Всесоюзных переписей 1939 и 1959гг. Перед войной, в 1939г., пишет демограф, население СССР насчитывало 190,7 млн. человек (включая присоединенные территории). Из них, согласно данным переписи 1959 г. о возрастном составе населения, до конца 1950-х гг. дожило 130,6 млн. человек. Таким образом, в течение 20 лет, прошедших между переписями населения 1939 г. и 1959 г., умерло:

$$190{,}7 - 130{,}6 = 60{,}1 \text{ млн. человек.}$$

Как считает Б. Ц. Урланис, естественная смертность в указанные годы (автор в данном случае исходит из предпосылки равномерного снижения смертности) составляла 2 млн. человек ежегодно. Следовательно, если бы не было войны, естественная смертность за 20 лет унесла бы жизни 40 млн. человек. Но фактически убыль составила около 60 млн. человек. Разница между фактической и гипотетической убылью, составляющая 20 млн. человек, и есть искомая величина советских потерь в 1941-1945 гг.[146]

Слабости этого расчета очевидны. Во-первых, нет уверенности в точности данных переписи 1939 г. Во-вторых, естественная смертность, определенная Б. Ц. Урланисом в 2 млн. человек, в действительности составляла большую величину. В-третьих, в расчет включены не только 1941-1945 гг., но и 1939 — июнь 1941 г. и 1946-1958 гг. Эти годы тоже заполнены событиями, вызвавшими повышенную смертность, в частности советско-финляндской войной 193 9-1940 гг. и голодом 1946-1947гг.

К тому же сведения о 20 млн. советских потерь назывались в западной литературе и ранее. Непосредственно после окончания Второй мировой войны, в 1946 г., увидела свет книга американского демографа Ф. Лоримера (Р. Ьоптег), в которой была выдвинута гипотеза о том, что население СССР в ходе войны сократилось на 20 млн. человек[147]. В эту

цифру американский ученый включил 5 млн. мужчин, погибших в бою, умерших от ран и в плену и 15 млн. человек, которых Советский Союз потерял вследствие сверхсмертности гражданского населения и дефицита рождений. Причем в целом по всем диапазонам возрастов потери мужской части населения СССР в 1941-1945 гг., по подсчетам Ф. Лоримера, составили 12 млн., женской — 8 млн. человек[148]. В условиях полного отсутствия статистической информации о жизни народов СССР это был в принципе приемлемый, хотя и сильно заниженный результат. Позднее выяснилось, что в действительности эта цифра не отразила всех потерь.

В 1953 г. в изданной в Гамбурге работе немецкого исследователя Г. Арнтца (переведена и издана в СССР в 1957 г.) подчеркивалось: «20 млн. человек — это наиболее приближающаяся к истине цифра общих потерь Советского Союза во Второй мировой войне»[149].

В 1965 г. Л. И. Брежнев внес поправку в «хрущевскую» цифру. Брежнев заговорил о «более 20 миллионах» человеческих жизней, потерянных советским народом в 1941-1945 гг.[150] Никогда позднее Брежнев не уточнял данные о советских потерях. Но он тем самым дал понять, что Хрущев занизил эту страшную цифру. В сущности, после смерти Сталина каждый новый коммунистический лидер стремился внести свои коррективы в данные о советских военных потерях в сторону их увеличения.

В конце 1980-х — начале 1990-х гг. в связи с началом горбачевской гласности вопрос о военных потерях Советского Союза вновь был поднят. К этому времени стало очевидным, что методом прямого подсчета числа жертв войны невозможно учесть все смерти: как из-за недостатка информации, так и в связи с тем, что к людским потерям следует отнести не только погибших в ходе боевых действий, бомбежек, артобстрелов и карательных операций фашистов (прямые потери), но и те смерти, которые произошли в результате общего ухудшения условий жизни (косвенные потери), а также снижение рождаемости (демографические потери).

Сегодня в историко-демографической литературе используются два основных метода расчетов людских потерь. Первый из них был предложен ещё в 1959 г. Б. Ц. Урланисом и И. Г. Венецким. Он основан на сопоставлении двух величин: фактической послевоенной численности населения и гипотетической цифры (получаемой расчетным способом), которой достигло бы население при условии, если бы не было войны[151].

В 1980 г. применительно к Великой Отечественной войне этот метод использовал Ю. Е. Власьевич. Численность населения СССР в

1940 г., рассуждал автор, составляла 194,1 млн. человек при среднегодовом приросте 1,32%. Если бы эти темпы роста сохранились, то население страны в 1946 г. достигло бы 213 млн., тогда как на самом деле оно не превышало 167 млн. человек. Следовательно, совокупные людские потери Советского Союза в годы войны составляют:

213 - 167 = 46 млн. человек,

из которых 20 млн. приходится на прямые потери, а 26 млн. на косвенные и демографические[152].

Вскоре аналогичный расчет проделали: Л. Е. Поляков, определивший советские потери в 46 млн.[153], А. *Я.* Кваша — 48 млн.[154], В. И. Козлов — до 50 млн. человек[155]. Методологическая слабость такого рода расчетов очевидна, поскольку точно определить гипотетическую численность населения после войны практически невозможно, что и отметил А. Я. Кваша в статье, специально посвященной методике выявления людских потерь в войне 1941-1945 гг.[156]

Поэтому относительно точная оценка людских потерь в 1941-1945 гг. может быть получена только методом демографического баланса, при котором сопоставляются не гипотетическая и реальная численность населения, а численность и структура населения в начале и конце войны.

На сегодняшний день предприняты две независимые попытки определить потери населения СССР в 1941-1945 гг. на основе метода демографического баланса, результат которых оказался идентичен. Е. М. Андреев, Л. Е. Дарский и Т. Л. Харькова, опираясь на данные переписи населения 1939 г. и материалы естественного движения населения, оценили численность населения страны на середину 1941 г. в 196,7 млн. человек[157]. Оценка численности населения Советского Союза на начало 1946 г. была сделана с учетом данных переписи 1959 г. методом обратного счета и определена в 170,5 млн. человек, из которых 159,5 млн. родилось до середины 1941 г. Следовательно, из 170,5 млн., живущих в середине 1941 г., до начала 1946 г. не дожило 37,2 млн. человек. Но не все они скончались из-за войны, так как часть людей умирала в результате естественных причин. Если бы войны не было, а уровень смертности в 1941-1945 гг. оставался бы таким же, как в 1940г., то число умерших за 4,5 года составило бы 11,9 млн. человек (приблизительно по 2,6 млн. человек ежегодно). Таким образом, потери поколения советских людей, родившихся до середины 1941 г., составляют:

37,2 - 11,9 = 25,3 млн. человек[158].

Кроме того, в военные годы сверх обычной «нормы» умерло 1,3 млн. детей[159]. Следовательно, прямые и косвенные людские потери СССР в результате Великой Отечественной войны (без учета демографических потерь) составляют примерно 26,6 млн. человек[160].

Аналогичные данные получил В. С. Гельфанд. Он определил численность живущих в СССР на начало 1941 г. в 196,7 млн., а на начало 1946г. — в 168,7 млн. человек. При этом число родившихся в 1941-1945 гг. было оценено в 15,1 млн., число умерших — в 43,1 млн. человек[161]. Если бы не было войны, в течение 1941-1945 гг. число родившихся в СССР составило бы 30,7 млн., умерших — 16,7 млн. человек[162]. Таким образом, делает вывод В. С. Гельфанд, общее число погибших из-за войны составляет 26,4 млн. человек (43,1 млн.- 16,7 млн.), из которых 20 млн. приходится на прямые потери, 6,4 млн. — на косвенные.

Помимо этого, дефицит рождений (демографические потери) превысил 15,6 млн. человек (30,7 млн.-15,1 млн.). Следовательно, суммарные (прямые, косвенные и демографические) потери населения СССР в 1941-1945 гг., по расчетам В. С. Гельфанда, составляют:

$$20 + 6{,}4 + 15{,}6 = 42 \text{ млн. человек}^{1}$$

Безусловно, выводы, представленные как в том, так и другом исследовании, можно оспаривать. Насколько точна, например, оценка численности населения СССР на начало и конец войны? Правильно ли определено количество родившихся и умерших в 1941-1945 гг.? Почему сверхсмертность тылового населения и степень снижения рождаемости определяется на основе тенденций 1940 г., которые не могут служить эталоном из-за советско-финляндской войны, нарушившей воспроизводство населения? Наконец, почему авторы ведут расчеты в границах СССР 1946-1991 гг., тогда как более точный результат дал бы расчет, проведенный в границах 1941 г.? Но как бы критически мы ни относились к представленным цифрам, надо признать, что уточнения дадут лишь статистически незначительную величину. Нет сомнения, что прямые и косвенные (без демографических) потери населения СССР в 1941-1945 гг., определенные в 26-27 млн. человек, в основном адекватно отражают размеры демографической катастрофы Великой Отечественной войны.

Теперь главная проблема в том, чтобы расчленить эти потери по их видам, отделить собственно боевые потери от потерь среди гражданского населения.

Долгое время вопрос о боевых потерях Красной армии в ходе военных действий замалчивался. Советские исследователи не могли позво-

лить себе выйти за рамки сталинский цифры — 7 млн. погибших. Причем в эту цифру, как уже говорилось, включались не только солдаты и офицеры, погибшие в бою, умершие от ран и в плену, но и гражданские лица, умершие на оккупированной территории и угнанные в Германию. Поэтому первые сведения о боевых потерях нашей армии исходят не из официальных советских источников, а пришли в Советский Союз с Запада. В 1957 г. в СССР был опубликован сборник статей иностранных авторов, в котором была помещена уже упоминаемая ранее работа немецкого ученого Г. Арнтца[164]. Пытаясь сопоставить военные потери Германии и СССР, Г. Арнтц привел данные офицера советской военной администрации полковника Калинова, перешедшего в западный сектор Берлина в 1949 г. Калинов, будто бы имевший доступ к секретным советским документам, опубликовал на Западе книгу, в которой охарактеризовал советские военные потери в 1941-1945 гг. На эту же книгу Калинова («Советские маршалы имеют слово») ссылается известный отечественный исследователь военных потерь России Б. В. Соколов[165].

Согласно сведениям Калинова (проверить эти данные пока не представляется возможным), потери Красной армии в Великой Отечественной войне составляют[166]:

Виды потерь	Количество, млн. человек
Погибшие и пропавшие без вести	8,5
Умершие от ран	2,5
Погибшие в плену	2,6
Всего	**13,6**

В условиях жесткой цензуры самим фактом публикации статьи Г. Арнтца советские официальные лица косвенно признали цифры полковника Калинова. Во всяком случае, никаких опровержений и критики этих материалов не последовало. В 1965 г. в шестом томе «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза» (книга была подготовлена к печати Военным издательством Министерства обороны СССР и отражает официальную позицию советских властей) было отмечено, что из 20 млн. погибших почти половину «составляют мирные жители и военные, убитые и замученные гитлеровцами на оккупированной советской территории»[167]. Следовательно, в 1965г. Министерство обороны СССР признавало, что в период войны погибло свыше 10 млн. военнослужащих.

Эту цифру можно уточнить. Известно, в частности, что на территории Советского Союза, подвергшейся оккупации, гитлеровцы уничто-

жили 6 млн. мирных граждан[168]. Следовательно, потери Красной армии составляют:

20 - 6 = 14 млн. человек

(неизвестно, включаются ли в эту цифру потери партизан и народных ополченцев). Авторы энциклопедии «Великая Отечественная война 1941—1945» исходят из того, что фашистские захватчики уничтожили 7 млн. мирных жителей. Таким образом, боевые потери Красной армии определены ими приблизительно в 13 млн. человек[169]. На мой взгляд, боевые потери Красной армии, исчисленные в пределах 13-14 млн. человек, наиболее адекватно отражают реальную ситуацию. Этой позиции придерживаются и другие исследователи, в частности Б. В. Соколов[170].

Между тем в преддверии 45-летия Победы, в марте 1990 г., начальник Генерального штаба Вооруженных сил СССР генерал армии М. А. Моисеев объявил, что Красная армия в годы Великой Отечественной войны потеряла убитыми, пропавшими без вести, попавшими в плен и не вернувшимися, умершими от ран, болезней и несчастных случаев (включая потери в ходе кампании на Дальнем Востоке) 8 668,4 тыс. человек, в том числе собственно армия и флот — 8 509,3 тыс., внутренние войска — 97,7 тыс., пограничные войска — 61,4 тыс. человек[171]. Эти цифры, как подчеркивает М. А. Моисеев, получены из донесений фронтов, флотов, отдельных армий, учреждений тыла и сверены с учетом, который велся в Генеральном штабе всю войну[172].

Однако, а это общеизвестный факт, учет в Красной армии проводился с огромными погрешностями. Значительная часть погибших на поле боя, умерших от ран, пропавших без вести и попавших в плен советских солдат и офицеров не фиксировалась. Начальник оргинструкторского отдела политуправления Северного фронта бригадный комиссар Окороков 29 июля 1941 г. докладывал начальнику Отдела по укомплектованию войск Северного фронта: «Проверкой боевой деятельности 118-й дивизии установлено, что учетом раненых и убитых в дивизии никто не занимается...»[173].

И это далеко не единичное, но скорее массовое явление. Нарком обороны СССР в приказе № 0270 от 12 апреля 1942 г. отмечал: «...учет личного состава, в особенности учет потерь, ведется в действующей армии совершенно неудовлетворительно»[174]. Заместитель наркома обороны армейский комиссар 1-го ранга Е. Щаденко весной 1942 г. вынужден был указать, что на персональном учете в войсках числится не более трети действительного числа убитых, а данные персонального учета

пропавших без вести еще более далеки от истины[175]. Аналогичные явления были характерны и для завершающего этапа войны. Так, 25 января 1944г. в приказе войскам 43-й армии 1-го Прибалтийского фронта № ОУ/03 подчеркивалось: «...учет личного состава и особенно безвозвратных потерь в некоторых соединениях, частях и учреждениях и до сего времени находится в неудовлетворительном состоянии»[176].

К тому же в первые месяцы войны донесения о потерях из многих воинских подразделений действующей армии вообще не поступали. Так, почти полностью отсутствуют сведения о боевых потерях Красной армии в ходе приграничных сражений лета 1941 г., в ходе Киевской, Крымской, Харьковской оборонительных и некоторых других боевых операций. Авторы труда, подготовленного в 1993 г. Министерством обороны СССР под общей редакцией генерал-полковника Г. Ф. Кривошеева, «Гриф секретности снят» вынуждены были признать, что потери целых фронтов и армий в первые месяцы войны получены расчетным способом[177].

Генерал-полковник А. Н. Клейменов, председатель Координационного центра Министерства обороны по увековечению памяти защитников Родины пишет: «...значительное количество документов по учету безвозвратных потерь личного состава воинских частей и соединений погибло в ходе боевых действий, и особенно много — в начальный период войны. Часть из них была уничтожена в связи с угрозой захвата противником, поскольку считалась секретной... Проблема персонального учета потерь личного состава... усугублялась также низким уровнем этой работы в штабах многих воинских частей»[178]. Учет потерь в воинских частях был поставлен столь неудовлетворительно, что уже после окончания войны Управление по учету потерь сержантского и рядового состава НКО на основании переписки с родственниками военнослужащих, военными комиссарами, воинскими частями и госпиталями оформило около 2 млн. похоронок[179].

Вполне оправдан вопрос: можно ли доверять учету боевых потерь в действующей армии и флоте и на этой основе делать выводы о числе безвозвратных потерь в годы Великой Отечественной войны, как это делают специалисты Генерального штаба? Ответ очевидно должен быть отрицательным.

В Центральном автоматизированном банке данных (ЦБД), сформированном в соответствии с программой подготовки и издания Книг Памяти в сентябре 1990 г. во Всероссийском НИИ документоведения и архивного дела, содержится около 19 млн. персональных записей о погибших, пропавших без вести, умерших в плену и от ран в годы Великой

Отечественной войны военнослужащих Красной армии. Но формирование банка данных еще не закончено, и предположительное общее число жертв войны может быть увеличено дополнительно на 0,5 млн. человек[180]. Конечно, в данном случае возможен двойной счет, как это часто бывает при персональном учете, но сами по себе сведения ЦБД говорят о явном преуменьшении потерь Генеральным штабом. Во всяком случае, в книгах военкоматов по учету извещений, поступивших на погибших, умерших и пропавших без вести военнослужащих, значится 12,4 млн. человек[181].

Тем не менее данные Генерального штаба в изложении М. А. Моисеева получили самое широкое распространение. Так, авторы неоднократно уже упомянутой коллективной монографии «Гриф секретности снят», содержащей самые подробные сведения о потерях Советской армии за всю историю ее существования, в том числе и в 1941-1945 гг., по-прежнему исходят из того, что наша армия в годы Великой Отечественной войны (включая кампанию на Дальнем Востоке) потеряла 8 668 400 человек[182]. Без какой-либо коррекции эта цифра в 1994 г. была воспроизведена в работе А. В. Басова[183], в 1996 г. — Ю. А. Горькова[184]. в 1999 г. — В. В. Гуркина[185].

Только в 1998 г. данные Генерального штаба были несколько откорректированы и число потерь было увеличено на 500 тыс. человек за счет резервистов, призванных в армию, но еще не зачисленных в списки воинских частей и погибших по пути на фронт под бомбежками и по другим причинам[186].

Таким образом, суммарные безвозвратные потери Красной армии, флота, пограничных и внутренних войск по уточненным данным Генерального штаба в годы Великой Отечественной войны (включая потери в кампании на Дальнем Востоке) составляют[187]:

Виды потерь	Количество, тыс. человек
1. Боевые потери:	
убито и умерло от ран на этапах санитарной эвакуации	5 226,8
умерло от ран в госпиталях	1 102,8
Итого	6 329,6
2. Небоевые потери:	
умерло от болезней, погибло в результате происшествий и несчастных случаев, осуждено к расстрелу военными трибуналами	555,5
Военнопленные и пропавшие без вести:	
попало в плен, пропало без вести	3 396,4
неучтенные потери первых месяцев войны	1 162,6
Итого	4 559,0
4. Исключены из числа потерь:	
военнослужащие, ранее попавшие в окружение или пропавшие без вести, вторично призванные на освобожденной территории	939,7
вернулись из плена по окончании войны Итого	1 836,0
5. Из числа резервистов, призванных в армию, но не зачисленных в списки воинских частей и погибших по пути на фронт	2 775,7
Всего фактическое число безвозвратных потерь	500,0
	9 168,4

Но и эти данные Генерального штаба, согласно которым боевые потери Красной армии, флота, пограничных войск и подразделений НКВД за 1941-1945 гг. превышают 9 млн. человек, вызывают много вопросов. Прежде всего, обращает на себя внимание заниженная цифра убитых и умерших от ран. Это произошло за счет потерь первых месяцев войны, в значительной своей части определенных расчетным способом. Согласно этим расчетам, Красная армия и флот в третьем и четвертом кварталах 1941 г. потеряли убитыми 465,4 тыс., умершими от ран в госпиталях — 101,5 тыс., умершими от болезней, погибшими в результате происшествий — 235,3 тыс., пропавшими без вести, попавшими в плен (включая сюда неучтенные потери) — 2 335,5 тыс., а всего, таким образом, — 3 137,7 тыс. человек. Санитарные потери армии и флота в указанный период (ранеными, контуженными, обмороженными, заболевшими) составили 1 336,1 тыс. человек. Большинство этих людей вернулось в строй[188].

Непонятно в таком случае, для чего в первые 8 дней войны в армию было мобилизовано 5,3 млн. человек, а в августе 1941 г. была проведена еще одна крупная мобилизация военнообязанных?[189] Всего после начала войны, как считает Б. В. Соколов, в Красную армию было призвано 7,2 млн. человек[190]. При этом надо учесть, что в армии на 22 июня 1941 г. служило 5,7 млн. человек[191]. Зачем, в таком случае, изымать из экономики свыше 7 млн. работников и ставить военную промышленность на грань остановки? Не потому ли, что безвозвратные потери, которые не-

обходимо было возместить, составляли не 3,1 млн. человек, а большую величину? По мнению В. И. Козлова, советские потери в первые, самые страшные месяцы войны только убитыми и пленными (не считая раненых и больных) составили, вероятно, около 5 млн. человек[192].

Данные В. И. Козлова подтверждаются расчетным путем. Если перед началом войны в армии находилось 5,7 млн. человек, а число мобилизованных в 1941 г. составило 7,2 млн., то под ружьем в этом году оказалось 12,9 млн. человек. Между тем постановлением ГКО № 660 от 11 сентября 1941 г. за подписью Сталина отпуск продовольственных пайков для военнослужащих на сентябрь и IV квартал был установлен исходя из численности 7,4 млн. человек[193]. Имея в виду возможный недоучет, численность Красной армии, флота, пограничных войск и войск НКВД осенью 1941 г. определяется в 8 млн. бойцов и командиров[194]. Следовательно, безвозвратные потери только нескольких месяцев 1941 г. приблизительно составляли:

12,9 - 8,0 = 4,9 млн. человек.

Обращает на себя внимание несоответствие в цифрах Генерального штаба между умершими в госпиталях от ран и погибшими вследствие болезней и происшествий. В 1941 г. от ран скончалось 101,5 тыс. человек, а от болезней и в результате происшествий — 235,3 тыс. (соотношение 1 : 2,3), в 1942 г. — соответственно 220,2 и 149,2 тыс. (1 : 0,7), в 1943г. — 300,8 и 75,2 тыс. (1 : 0,3), в 1944г. — 328,8 и 54,4 тыс. (1 : 0,2), в 1945 г. — 148,0 и 26,5 тыс. (1 : 0,2)[195]. Как видим, в 1942-1945 гг. число умерших от ран превышало число умерших от болезней и несчастных случаев. Почему же 1941 г. являет собой исключение? Что за эпидемия несчастных случаев и болезней поразила Красную армию и флот в 1941 г.? Скорее всего, ответ один — нарушение пропорций в 1941 г. произошло за счет занижения числа солдат и офицеров, скончавшихся от ран в госпиталях.

Явно преуменьшено в расчете Генерального штаба число военнопленных и пропавших без вести. Эта категория потерь, согласно данным Генерального штаба, в годы Великой Отечественной войны насчитывает 4,5 млн. человек, из которых 2,8 млн. остались живы. Следовательно, общее число не возвратившихся из плена (включая сюда лиц, оставшихся в живых, но не вернувшихся в СССР) составляет 1,7 млн. человек[196].

Между тем, как отмечалось ранее, только на оккупированной территории СССР погибло 3,9 млн. советских военнопленных[197]. В другом официальном издании утверждается, что на оккупированной территории СССР погибло около 4 млн. военнопленных[198]. Но кроме того, советские военнопленные погибали в фашистских концлагерях, расположенных на

территории иностранных государств. Достаточно сказать, что лагерь смерти в Освенциме насчитывает свыше 4 млн. жертв — русских, поляков, евреев, французов и т. д. В Майданеке погибло 1,5 млн., в Маутхаузене 123 тыс., в Заксенхаузене — 100 тыс., в Равенсбрюке — 93 тыс., в Нейенгаме — 82 тыс., в Дахау — 70 тыс. человек[199]. С учетом этого необходимо или признать, что советская официальная печать нагло лгала, завышая масштабы нацистских преступлений против человечества, или по крайней мере удвоить число погибших советских военнопленных, объявленное Генеральным штабом.

Как считает Е. И. Рыбкин, в 1941-1945 гг. погибло 4,5 млн. советских военнопленных[200]. В. И. Козлов пишет, что общее число погибших советских военнопленных «намного превышает 4 млн.»[201]. По мнению Б. В. Соколова, в плену скончалось 3,7 млн. советских солдат и офицеров[202]. А. Н. Мерцалов и Л. А. Мерцалова, опираясь на исследование немецкого ученого Х. Штрайта, пишут, что в фашистской неволе из 5,7 млн. советских военнопленных к началу 1945 г. погибло 3,3 млн. человек[203]. Эту же цифру — 3,3 млн. повторяет такой авторитетный исследователь, как М. И. Семиряга[204]. А. В. Пронин пишет о 4 559 тыс. советских военнослужащих, оказавшихся в плену, из которых 60%, т. е. 2 735,4 тыс. погибло[205].

Весьма сомнительны представленные в расчете Генерального штаба и результаты деятельности в военные годы советских карательных органов в армии и на флоте. О числе расстрелянных Генеральный штаб не сообщает, включая их в небоевые потери. (Ранее уже сообщалось, что небоевые потери, т. е. умершие от болезней, в результате несчастных случаев и происшествий, осужденные к расстрелу за все годы войны составляли 555,5 тыс. человек.) Согласно последним данным, в 1941-1945 гг. было осуждено 994 тыс. солдат и офицеров, из которых в штрафные подразделения было направлено 422 тыс., в места заключения — 436 тыс. человек[206]. Исходя из этого, можно подсчитать, что число расстрелянных солдат и офицеров Красной армии и флота в 1941-1945 гг. составило:

994 - (422 + 436) = 136 тыс. человек.

Вряд ли эту цифру можно считать окончательной. Во всяком случае, Я. Айзенштат, в годы Великой Отечественной войны служивший в военных трибуналах Ворошиловградского гарнизона, 12-й армии Южного фронта, Туапсинского оборонительного района, 36-го района авиационного базирования 5-й воздушной армии и других воинских подразделений, пишет: «...расстрел превратился в этих военных судах практически

в единственную меру наказания... трибунальская юстиция осуждала на смерть тысячи людей... Человеческая жизнь в СССР не стоила и гроша... Расстрел для военных трибуналов действующей армии стал повседневной мерой наказания»[207].

Особенно важно указать, что в отчетность Генерального штаба не включены потери подразделений, организационно не входящих в состав собственно Красной армии и флота (за исключением пограничных и внутренних войск), но принимавших самое активное участие в кровопролитных сражениях Великой Отечественной войны — народного ополчения и партизанских отрядов.

Войска народного ополчения сражались под Москвой, Ленинградом, Сталинградом, Киевом, Одессой, Харьковом. Только под Москвой в 16 дивизиях народного ополчения насчитывалось 160 тыс. человек. В боях под Ленинградом принимали участие свыше 130 тыс. ополченцев, в обороне Киева — 35 тыс., Одессы — 55 тыс. В Белоруссии в годы войны было создано более 200 формирований народного ополчения численностью 33 тыс. человек[208]. Приведенные цифры косвенно свидетельствуют об огромных потерях, которые понесли эти подразделения.

Кроме того, в годы Великой Отечественной войны в оккупированных городах имелись многочисленные группы подпольщиков, а в партизанских отрядах сражалось более 1 млн. человек. Движение подпольщиков и партизан — одна из самых драматичных и жестоких страниц истории Великой Отечественной войны. Советские партизаны отвлекли на себя 24 вражеские дивизии, уничтожили, ранили и захватили в плен около 1 млн. вражеских солдат и их пособников[209]. Возможно, цифра потерь противника преувеличена, но это не опровергает того факта, что боевые потери партизан и подпольщиков, действовавших в особо сложных условиях вражеского тыла, были огромны и составляют по меньшей мере несколько сот тысяч человек.

Особая категория советских потерь в годы Великой Отечественной войны — гибель коллаборационистов. Эти люди сотрудничали с фашистскими захватчиками, и потери среди них можно отнести к потерям врага. Вместе с тем, они являлись гражданами СССР и с демографической точки зрения их гибель являет собой часть потерь советского населения. Вопрос о потерях среди этой группы населения ставился, но никогда не исследовался[210]. Мы можем судить о них лишь по косвенным данным. Число изменников в годы Великой Отечественной войны, как считает М. И. Семиряга, составило примерно 1 млн. человек[211]. Только в 180 легионах, сформированных гитлеровцами, служило 196 тыс. граждан СССР. Кроме них, на стороне противника действовало несколько

дивизий: одна из жителей Западной Украины, три в Прибалтике, одна в Белоруссии, две во власовской армии, две казачьи дивизии и множество других воинских частей[212]. Они принимали участие в карательных акциях фашистов, в боях против партизан и регулярных частей Красной армии, а следовательно, несли боевые потери.

Захваченные в плен партизанами, подпольщиками, частями Красной армии, изменники уничтожались в соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г.[213] Многие из них, получив огромные сроки, навсегда сгинули в недрах ГУЛАГа. В. И. Козлов пишет: «Общее число полицаев измерялось многими сотнями тысяч человек... примерно половина их погибла от рук партизан либо казнена за измену Родине...»[214]. По самой приблизительной оценке, в период Великой Отечественной войны как изменники погибли до 500 тыс. советских граждан.

На основе всего вышесказанного совокупные потери населения СССР в 1941-1945 гг. можно распределить следующим образом:

Потери населения	Приблизительная оценка, млн. человек.
1. Прямые потери:	
потери армии, флота, пограничных и внутренних войск убитыми, умершими от ран, контузий, болезней, несчастных случаев,	
стрелов, не вернувшимися из плена	около 14
потери партизан, подпольщиков и ополченцев	около 1
потери коллаборационистов	около 0,5
уничтожение гражданского населения на оккупированной территории, гибель гражданских лиц вследствие бомбежек и	около 6
Итого	свыше 21
2. Косвенные потери как результат сверхсмертности гражданского населения вследствие ухудшения условий существования	Свыше 6
Совокупные прямые и косвенные потери	свыше 27
3. Демографические потери (дефицит рождений)	свыше 15
Всего прямые, косвенные и демографические потери	свыше 42

Итоговые данные по воспроизводству населения СССР в 1941-1945 гг.

До сих пор тенденции воспроизводства населения рассматривались отдельно для различных групп населения. Теперь перед нами стоит задача определить совокупные тенденции смертности и рождаемости на всей территории СССР с учетом по возможности всех видов потерь военных лет. Для этого воспользуемся статистическими сведениями, представленными в справочнике, составленном пермским статистиком В. С. Гельфандом[215]. Вся информация в справочнике получена методом «передвижки возрастов» с использованием советских переписей населения и данных о естественном движении населения СССР и не является безусловно точной. Как признает сам автор, «из-за отсутствия необходимых данных было сделано и немало допущений»[216]. Статистические сведения, собранные в справочнике, безусловно нуждаются в уточнении. Но все же на сегодня справочник В. С. Гельфанда является наиболее полным из всех имеющихся и солидно фундированным источником по демографической истории СССР периода Великой Отечественной войны. В таблице 15.24 приведены показатели воспроизводства населения СССР (в границах 1946-1991 гг.) с учетом боевых потерь, гибели военнопленных, смертности спецконтингента и потерь населения на оккупированной территории в 1941-1945 гг.[217]

Таблица 15.24

Воспроизводство населения СССР в 1941—1945 гг.

Год	Родилось		Умерло		Естественный прирост (убыль)	
	тыс. чел.	%,	тыс. чел.	‰	тыс. чел.	‰
1941	4 940,5	25,4	8 745,5	44,9	-3 805,0	-19,5
1942	2823,1	14,9	9 205,4	48,5	-6 382,3	-33,6
1943	2251,9	12,3	8815,0	48,1	-6563,1	-35,8
1944	2 374,2	13,4	8 805,3	49,8	-6431,1	-36,4
1945	2 727,7	15,9	7 565,4	44,2	-*Л* 837,7	-28,3
1941-1945	15117,4	16,5	43 136,6	47,1	-28 019,2	-30,6

Тенденции воспроизводства населения СССР в военные годы носили отчетливо выраженный катастрофический характер. Рождаемость в

1943 г. понизилась до максимально низкой величины. В этом году число родившихся уменьшилось по отношению к 1941 г. на 2,7 млн. человек. Смертность населения (если включить в число умерших погибших в бою скончавшихся от ран, умерших в плену, а также гибель гражданского населения на оккупированных территориях и сверхсмертность спецконтингента) резко возросла, почти достигнув в 1944 г. отметки 50‰. В итоге в течение всего периода Великой Отечественной войны число умерших превышало число родившихся.

Имея в виду, что смертность ординарного тылового населения с конца 1942 — начала 1943 г. сокращалась, можно утверждать, что повышенная смертность в военные годы была прежде всего результатом безвозвратных боевых потерь армии, флота, народного ополчения, партизанских отрядов. Значительную «лепту» в увеличение смертности вносили гибель советских заключенных и уничтожение гражданского населения на оккупированной территории.

Поскольку в боевых действиях участвовали главным образом мужчины в расцвете сил, то эта группа населения несла самые большие потери. Всего за годы Великой Отечественной войны ушло из жизни свыше 43 млн. советских граждан, из них почти 29 млн. мужчин[218]. Таким образом, на долю мужчин в общей совокупности умерших в 1941-1945 гг. пришлось 66%. В таблице 15.25 приведена статистика мужской и женской смертности (отдельно представлена смертность в трудоспособных возрастах) в 1941-1945 гг. с учетом боевых потерь, гибели военнопленных, смертности спецконтингента и потерь населения на оккупированной территории[219].

Таблица 15.25

Мужская и женская смертность в СССР в 1941-1945 гг., ‰

	Мужчины		Женщины	
	всего	в возрасте 16-59 лет	всего	в возрасте 16-54 года
1941	61,9	76,7	29,5	27,2
1942	68,7	90,7	30,8	28,7
1943	70,2	94,9	29,4	28,7
1944	74,5	101,3	29,8	27,6
1945	66,6	85,0	26,7	25,2
1941-1945	68,2	89,4	29,2	27,5

Таблица 15.25 показывает, что в годы войны уровень смертности мужчин был примерно в 2 раза выше, чем уровень смертности женщин. При этом смертность мужчин трудоспособного возраста далеко превзошла отметку в 80‰, а в 1944 г. достигла 101‰.

По расчетам Е. М. Андреева, Л. Е. Дарского и Т. Л. Харьковой, в СССР из всей совокупности мужчин, живущих на начато 1941 г., до начала 1946 г. не дожило 19,3 млн., из всей совокупности женщин — 5,5 млн.[220], по данным В. С. Гельфанда — соответственно 20,9 и 7,1 млн.[221].

Самые большие потери понесли мужские поколения 1896-1925 гг. рождения, которые составляли основу Красной армии, флота, пограничных и внутренних войск, партизанских отрядов и народного ополчения. Из всей совокупности советских граждан, умерших в годы войны, на долю мужчин 1896—1925 гг. рождения приходится 42%, тогда как прослойка женщин этой возрастной группы среди умерших не превышает 16%. При этом мужчины 1921-1925 гг. рождения потеряли 4,2 млн., женщины — 1,4 млн., поколение 1911—1915гг. рождения — соответственно 3,8 и 0,9 млн., 1906-1910 гг. рождения — 3,2 и 1,7 млн. человек[222].

Огромные потери в военные годы понесли детские поколения, и прежде всего дети в возрасте до 1 года. По оценке В. С. Гельфанда, из 4,9 млн. младенцев, родившихся в 1941 г., до начала 1946 г. не дожило 1,1 млн. (22,4%). Удельный вес детей, не переживших войну, среди родившихся в 1942 г. составил 20,3% (в абсолютном выражении 0,6 млн.), среди родившихся в 1943 г. — 19,4% (0,4 млн.), среди родившихся в 1944г. — 16,5% (0,4 млн.), среди родившихся в 1945г. — 13,9% (0,3 млн.)[223]. Всего, таким образом, за годы войны умерло 2,8 млн. детей (18,8% от числа родившихся) 1941-1945 гг. рождения.

Детская смертность в СССР и до войны была очень высокой. Если исходить из её предвоенных параметров, то при условии «если бы не было войны» в стране в течение 1941-1945 гг. скончалось бы приблизительно 1,5 млн. младенцев в возрасте до 1 года. Следовательно, война унесла жизни приблизительно

2,8 - 1,5 = 1,3 млн. грудных детей.

Динамика численности населения

Динамика численности населения является важнейшим результатом воспроизводственных и миграционных процессов. Численность населения страны прежде всего зависит от количества родившихся и умерших,

от числа прибывших в страну и выбывших за ее пределы. Помимо этого, численность населения отдельных территорий, городов и деревень определяется размерами внутрирегиональных миграций. Война как масштабное социальное явление обусловила негативное соотношение этих факторов и тем самым вызвала резкое сокращение численности населения СССР (таблица 15.26)[224].

Таблица 15.26

Динамика численности тылового населения РСФСР в 1941-1945 гг. (без армии, госпиталей и спецконтингента)

Дата	Тыс. человек			Удельный вес, %	
	всего	городское население	сельское население	городское население	сельское население
1.01. 1941 г. (включая армию и спецконтингент)	111539,4	39 272,5	72 266,9	35,2	64,8
1.01.1942г.	91 159,9	33 620,2	57539,7	36,9	63,2
1.01.1943г.	78 625,0	29 839,2	48791,8	37,9	62,1
1.01.1944г.	90 688,5	33 306,9	57381,6	37,4	62,6
1.01.1945г.	88 547,7	34 404,0	54 143,7	38,9	61,1
1.05.1945г.	87 973,5	34 905,5	53 068,0	39,7	60,3

Таблица 15.26 основана на расчетах советских статистиков, которые они вели в течение всех лет войны, опираясь на загсовские сведения о естественном и механическом движении населения, которые были сверены с материалами Наркомторга о количестве выданных продуктовых карточек и данными сельсоветского учета. Таблица содержит информацию о численности населения по несопоставимой территории, изменяющейся в зависимости от конфигурации линии фронта. К тому же статистики военных лет не учитывали численность спецконтингента, армии, а также солдат и офицеров в госпиталях. Но основная тенденция, несмотря на очевидную несопоставимость цифр, просматривается отчетливо: численность как городского, так и сельского населения России в 1941-1945 гг. заметно сократилась.

Чтобы получить территориально сопоставимые материалы о динамике численности населения в военные годы, обратимся к анализу проблемы отдельно для тыловых и оккупированных регионов страны.

В тыловых районах страны, не подвергшихся оккупации, динамика численности населения определялась действием нескольких факторов,

соотношение которых и диктовало в конечном итоге колебания численности горожан и жителей деревни:

- массовая мобилизация мужчин, а частично и женщин в армию;
— гибель людей в ходе боевых действий;
-отток эвакуированного населения из западных в восточные районы СССР;
-частичная эвакуация населения с Дальнего Востока в Центральную Сибирь;
- насильственная депортация народов;
- перемещение сельского населения в города для работы в промышленности, на транспорте и стройках;
- перемещение городского населения на жительство в сельскую местность;
- переселение на пустующие после депортации территории Чечни, Калмыкии, Крыма, бывшей республики немцев Поволжья и др.;
- депопуляция в тылу, превышение числа умерших над числом родившихся;
- реэвакуация, развернувшаяся в конце войны.

Прежде всего укажем, что в центральных районах России численность населения сокращалась особенно резко. Помимо подверженности действию таких негативных факторов, как мобилизация в армию и депопуляция, они стали основными районами оттока эвакуированных. В Москве, например, за период с 1 января 1941 г. по 1 января 1943 г. численность населения сократилась с 4,4 млн. до 2,7 млн., в Московской области — с 5,6 млн. до 3,6 млн., в Тульской — с 1,8 млн. до 1,7 млн., в Тамбовской — с 1,8 млн. до 1,6 млн., в Ивановской — с 2,7 млн. до 2,6 млн. человек[225]. Причем в районах центра России сокращалось как сельское, так и городское население.

Уменьшилась численность населения и на Дальнем Востоке, поскольку из этого региона также проводилась эвакуация граждан в связи с угрозой нападения со стороны Японии.

Несколько иные тенденции были характерны для районов глубокого тыла. В таблице 15.27 приведена динамика численности населения Урала и Сибири в 1941-1945 гг., исключая армию, госпитали и спецконтингент[226].

В глубинных тыловых регионах России, куда направлялись основные потоки эвакуированных, численность городского населения в годы Великой Отечественной войны не только не сократилась, но даже увеличилась. На Урале за 1941-1945 гг. число горожан возросло на 20%, в

Сибири — на 14%. Темпы роста городского населения понизились по сравнению с довоенным периодом, но были достаточно высокими.

Таблица 15.27

Динамика численности населения Урала и Сибири в 1941-1945 гг., тыс. человек

Дата	Население Урала			Население Сибири		
	городское	сельское	всего	городское	сельское	всего
1.01.1941 г.	5 236,3	8736,1	13 972,4	4 943,3	10 006,5	14949,8
1.01.1942г.	6 426,6	9 168,3	15 594,9	5393,1	9 949,8	15342,9
1.01.1943г.	6 560,2	8 175,5	14 735,7	5 640,9	9 366,2	15007,1
1.01.1944г.	6 598,6	7861,6	14460,2	5 722,9	8 359,0	14081,9
1.01.1945г.	6 293,0	7 044,0	13 337,0	5633,1	7831,5	13 464,6
1945г. в % к 1941 г.	120,2	80,6	95,5	114,0	78,3	90,1

Помимо эвакуированных, города Поволжья, Урала и Сибири пополнялись значительным количеством крестьян, мобилизованных на работу в' промышленности, на транспорт и стройки. В 1942-1945 гг. в различные отрасли экономики для постоянной работы было направлено около 3 млн., а на учебу в систему трудовых резервов — свыше 2 млн. человек[227]. В основном это были колхозники из близко расположенных к промышленным центрам деревень. Так, в общей совокупности новоселов, пополнивших в 1941-1945 гг. города Урала, доля выходцев из сельской местности самого уральского региона составляла 47%[228]. В Сибири в 1942 г. среди мигрантов, переселившихся в города, удельный вес выходцев из внутренних районов региона составлял 48%, в 1943 г. — 64%[229].

Аналогичный процесс был характерен для Поволжского и Волго-Вятского экономических районов. Так, в Кировской области численность городского населения увеличилась с 365 тыс. на начало 1941 г. до 461 тыс. на начало 1943 г., в Куйбышевской — соответственно с 624 тыс. до 1 205 тыс., в Саратовской — с 839 тыс. до 1 007 тыс., в Башкирии — с 604 тыс. до 811 тыс., в Татарии — с 644 тыс. до 774 тыс. человек[230]. В таблице 15.28 представлены данные о численности эвакуированного населения в тыловых регионах РСФСР (по административно-территориальному делению на январь 1943 г.), принявших свыше 100 тыс. эвакуированных (без спецэвакуированных) на 1 января 1943 г.[231]

Таблица 15.28

Численность эвакуированного населения в тыловых регионах РСФСР на 1 января 1943 г., тыс. человек

Регион	Городские поселения	Сельские поселения	Всего
Алтайский край	75,8	73,5	149,3
Вологодская область	48,0	120,0	168,0
Горьковская область	60,3	125,5	185,8
Кировская область	81,5	115,7	197,2
Куйбышевская область	218,0	69,0	287,0
Молотовская область	115,7	124,9	240,6
Новосибирская область	263,1	193,0	456,1
Омская область	101,0	92,0	193,0
Пензенская область	25,8	95,5	121,3
Саратовская область	140,4	184,2	324,6
Свердловская область	255,0	73,0	328,0
Челябинская область	181,2	130,8	312,0
Чкаловская область	132,0	142,0	274,0
Ярославская область	42,7	224,1	266,8
Башкирская АССР	102,0	143,4	245,4
Татарская АССР	154,1	114,8	268,9

Как видим, основная масса эвакуированных в РСФСР расселялась в города Татарии, Башкирии, Челябинской, Чкаловской, Свердловской, Саратовской, Омской, Новосибирской, Молотовской, Куйбышевской областей.

Приток эвакуированных и местного сельского населения в города Урала, Поволжья, Волго-Вятского района и Сибири оказался количественно столь значительным, что, нейтрализовав отток мужчин в армию и отрицательный естественный прирост, обеспечил увеличение численности городского населения.

Форсированное развитие предприятий военно-промышленного комплекса в восточных районах страны обусловило не только рост городского населения в тыловых регионах России, но и появление новых городов и рабочих поселков. На карте СССР в 1942-1945 гг. появилось 73 города и 265 поселков городского типа[232]. Но, в отличие от довоенного периода, в годы войны новые городские поселения возникали не на пустом, ранее незаселенном месте, а, главным образом, за счет повышения

административного статуса ранее уже существующих поселений. Из появившихся в 1942-1945 гг. городов 59 до войны существовали как рабочие поселки, 10 получили статус города, будучи сельскими населенными пунктами, и только 4 были новыми в полном смысле этого слова — появились на незаселенном месте. На Урале в годы войны возникло 28 городов и 44 поселка городского типа, в Сибири — соответственно 12 и 39, в Поволжье — 7 и 22. Вместе с тем, в военные годы один город был преобразован в поселок городского типа, а 6 рабочих поселков «разжалованы» в сельские поселения[233].

Иные тенденции были характерны для сельской местности. В сущности, в годы Великой Отечественной войны российская деревня только отдавала население. Миллионы крестьян ушли в армию. Несколько миллионов колхозников и рабочих совхозов были мобилизованы на работу в промышленные центры. Сельскохозяйственные переселения и заселение территорий, опустевших после депортации народов, в военные годы проводились в незначительных объемах и не могли кардинально изменить тенденции динамики численности сельского населения. Например, в 1942-1943 гг. было переселено всего 32 тыс. хозяйств колхозников, в том числе в рыболовецкие колхозы Сибири и Дальнего Востока — 12 тыс. хозяйств, в рыболовецкие колхозы Архангельской и Мурманской областей — 7 тыс., в обезлюдевшие районы, присоединенные к Саратовской области (Калмыцкая АССР), — 13 тыс., в колхозы Новосибирской области — 2 тыс. хозяйств[234]. В 1944г. объем перемещений составил 47,6 тыс. хозяйств колхозников, главным образом в рыболовецкие колхозы Архангельской, Мурманской и Астраханской областей, а также в опустошенные районы: в спешно созданную Грозненскую область, в Крым, в Саратовскую область, в Ставропольский край[235].

Несколько большее влияние на численность сельского населения оказывали массовые насильственные депортации. Население сел и деревень восточных районов страны в военные годы пополнилось сотнями тысяч спецэвакуированных. Существенно увеличилось население регионов, расположенных в зонах с особо суровыми природно-климатическими условиями. Так, население Ханты-Мансийского национального округа за счет депортированных сюда калмыков увеличилось с 89,7 тыс. на начало 1943 г. до 102 тыс. человек на начало 1945 г.[236]

Тем не менее в целом по сельской местности Советского Союза приток эвакуированных, спецпереселения и сельскохозяйственные переселения не могли компенсировать крупномасштабные армейские мобилизации и депопуляцию. Соответственно, общая численность сельского населения уменьшалась. На Урале, как свидетельствуют данные табли-

цы 15.27, за 1941-1945 гг. сельское население сократилось на 1,7 млн. (19,1%), в Сибири — на 2,2 млн. человек (21,7%). Сокращение численности сельского населения коснулось большинства тыловых районов страны. В Кировской области за 1941-1943 гг. численность жителей села снизилась на 21%, в Саратовской — на 18, в Башкирии — на 2, в Татарии — на 3, в Хабаровском крае — на 13%[237]. В целом по СССР, по данным Ю. В. Арутюняна, количество только трудоспособного мужского населения колхозов за 1940-1945 гг. сократилось с 17 млн. до 7 млн. человек[238].

Поскольку темпы сокращения численности сельского населения значительно перекрывали темпы роста горожан, общая численность населения тыловых районов страны понижалась. На Урале, в частности, в годы Великой Отечественной войны население сократилось почти на 5%, в Сибири — почти на 10% (см. таблицу 15.27). Война, таким образом, нанесла огромный урон населению даже тех районов, которые оказались в глубоком тылу.

Но еще более негативные тенденции были характерны для численности населения регионов, подвергшихся оккупации. По данным ЦСУ СССР, за годы войны население оккупированных территорий СССР сократилось по одним оценкам на 23 млн., по другим — на 34 млн. человек[239]. Основными причинами такого снижения явилось физическое уничтожение мирного населения оккупантами, отрицательный естественный прирост и угон в Германию советских граждан. (В годы войны гитлеровцы захватили и угнали в Германию около 5 млн. человек[240].) Немаловажную роль играла эвакуация части людей в тыл страны и мобилизация мужчин в Красную армию в период, предшествующий оккупации (таблица 15.29)[241].

Как видно из таблицы, численность населения сокращалась во всех оккупированных районах, но особенно значительно в городах. Горожане в годы оккупации в массовом порядке перемещались подальше от немецко-фашистских гарнизонов (размещавшихся главным образом в городах) в сельскую местность, где, несмотря на все трудности и сложности, было легче прокормиться и выжить. Население Ростова-на-Дону за время оккупации сократилось на 59%, Курска — на 54, Краснодара — на 32%[242]. Особенно резко уменьшилось население городов, оказавшихся непосредственно в зоне боевых действий. Так, число жителей Сталинграда (ныне Волгоград) за годы войны сократилось почти в 8 раз, Воронежа — в 5 раз[243]. В Калинине (ныне Тверь) после изгнания немецко-фашистских захватчиков осталось приблизительно 14% довоенного населения[244]. В Ржеве после освобождения насчитывалось всего 5,9 тыс. человек против

57 тыс. в 1940г.[245] Население Минска на начало 1946г. не превышало 167 тыс., Новгорода — 27 тыс., Черкасс — 36 тыс. человек[246].

Таблица 15.29

Динамика численности городского и сельского населения регионов России, подвергшихся оккупации, тыс. человек

Регион	1 января 1941 г.		1 января 1944 г.	
	городское население	сельское население	городское население	сельское население
Ростовская область	1 293,0	1 686,2	864,8	1 303,3
Ставропольский край	374,5	1 384,3	304,9	1 038,7
Курская область	317,0	2641,9	206,5	2111,2
Орловская область	229,2	1 433,9	137,6	1 067,9
Смоленская область	381,6	1 561,2	141,9	995,7
Брянская область	471,3	1 319,5	248,9	1 082,7
Великолукская область	126,4	905,0	47,2	534,7
Псковская область	116,8	667,8	17,5	369,2

Таким образом, для тыловых районов СССР и регионов, оказавшихся временно захваченными оккупантами, были характерны различные тенденции динамики численности населения. Но общий её вектор в период войны очевиден — население страны в 1941-1945 гг. значительно сократилось. Прежде всего сопоставим оценки советских статистиков, сделанные для начального и конечного этапов войны. На 1 января 1941 г. (в границах СССР 1941 г.) численность населения страны, согласно текущим расчетам ЦСУ СССР, составляла 198,6 млн. человек (включая армию и спецконтингент), в том числе 65,3 млн. в городских поселениях и 133,3 млн. в сельской местности[247]. Эти цифры, скорее всего, несколько завышены, но вполне пригодны для использования в качестве ориентира. На 1 января 1945 г. в СССР (в сопоставимых границах 1941 г.) насчитывалось 170,6 млн. человек (включая нераспределенных по территории, т. е. армию, госпитали и спецконтингент), из них 52 млн. в городских поселениях, 118,6 млн. в сельской местности[248]. Следовательно, за период с начала 1941 г. по начало 1945 г., если принимать текущие оценки ЦСУ СССР, численность населения страны сократилась на 14,1%, что в абсолютном выражении составило 28 млн. человек. Городское население за указанный период уменьшилось на 20,4%

(13,3 млн.), сельское — на 11% (14,7 млн.). При этом важно учесть, что война еще не закончилась и население продолжало сокращаться.

В последние годы в связи с усовершенствованием методов демографического анализа и появлением новых архивных документов появилась возможность уточнить сделанные непосредственно в ходе и сразу после войны оценки. Согласно расчетам Е. М. Андреева, Л. Е. Дарского и Т. Л. Харьковой, численность населения Советского Союза (в границах 1946-1991 гг.) на середину 1941 г. составила 196,7 млн., тогда как на начало 1946 г. — 170,5 млн. человек[249]. Население страны, таким образом, уменьшилось на 13,3%, что в абсолютном выражении составило 26,2 млн. человек. Детальную картину изменения численности населения СССР (в границах 1946-1991 гг.) в целом в годы Великой Отечественной войны представил В. С. Гельфанд (таблица 15.30)[250].

Как видим, по оценке В. С. Гельфанда население Советского Союза в годы войны сократилось на 14,2% (в абсолютном выражении — на 28 019,2 тыс. человек). При этом темпы падения численности населения из года в год нарастали. И только в 1945 г. они несколько замедлились. Совершенно очевидно, что сопровождавшееся резкими перекосами в структуре сокращение численности населения страны свидетельствует о самой мощной демографической катастрофе в истории страны. Эта катастрофа, унесшая несколько десятков миллионов человеческих жизней, оказала значительное негативное воздействие на демографическую подсистему общества и создала серьезную угрозу демографическому будущему страны. Следы этой катастрофы были зафиксированы последней переписью населения СССР, проведенной в 1989 г.

Таблица 15.30

Динамика численности населения СССР в 1941-1945 гг., тыс. человек

На начало года	Тыс. человек	К предшествующему году, %
1941	196686,3	—
1942	192881,3	98,1
1943	186 499,0	96,7
1944	179 935,9	96,5
„45	173 504,8	96,4
1946	168667,1	97,2
1946 г. к 1941 г., %	85,8	—

Примечания

1. *Ильина И. П.* Влияние войны на брачность советских женщин// Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. М., 1977. С. 50-61.
2. *Сифман Р. И.* К вопросу о причинах снижения детской смертности в годы Великой Отечественной войны // Продолжительность жизни: Анализ и моделирование. М., 1979.
3. См. сборник: Людские потери СССР в Великой Отечественной войне. СПб., 1995.
4. *Алексеев В. В., Исупов В. А.* Население Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 1986; *Исупов В. А.* Городское население Сибири: От катастрофы к возрождению (конец 30-х — конец 50-х гг.). Новосибирск, 1991; *Корнилов Г. Е.* Уральское село и война: Проблемы демографического развития. Екатеринбург, 1993; *Кышпанаков В. А.* Население Хакасии: 1917—1990гг. Абакан, 1995.
5. РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 793, л. 3.
6. Там же, д. 791, л. 68.
7. Там же, д. 2219, л. 119-120.
8. Там же, д. 1025, л. 18.
9. Сост. по: Там же, д. 553, л. 1-3; д. 794, л. 4.
10. Там же, д. 793, л. 198.
11. Там же, д. 1872, л. 202.
12. Сост. по: Там же, д. 402, л. 3; д. 553, л. 1; д. 794, л. 4.
13. ГАРФ, ф. А-482, оп. 47, д. 440, л. 16.
14. Сост. по: РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 402, л. 57-57 об.; д. 546, л. 15; д. 797, л. 13.
15. Сост. по: Там же, д. 546, л. 15; д. 797, л. 13; д. 1014, л. 1; д. 1456, л. 9; ГАРФ, ф.А-347,оп. 11, д. 263, л. 25.
16. Сост. по: РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 799, л. 3-3 об.
17. Составлена по тем же данным, что и таблица 15.4.
18. Сост. по: РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 547, л. 2; д. 799, л. 3.
19. Гигиена и санитария. 1947. № 2. С. 33.
20. ГАРФ, ф. 9226, оп. 1, д. 636, л. 112.
21. О военном голоде в российской деревне написан ряд интересных работ: *Вылцан М. А.* Крестьянство России в годы большой войны 1941-1945: Пиррова победа. М., 1995; *Аниское В. Т.* Жертвенный подвиг деревни. Новосибирск, 1993.
22. ГАРФ, ф. А-482, оп. 47, д. 440, л. 41.
23. Там же, л. 25.
24. Там же, л. 50.
25. Там же, д. 519, л. 90 об.
26. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО), ф. п-4, оп. 5, Д. 481, л. 326.
27. *Микоян А. И.* В Совете по эвакуации // Военно-исторический журнал. 1989. №3. С. 31,37.

(13,3 млн.), сельское — на 11% (14,7 млн.). При этом важно учесть, что война еще не закончилась и население продолжало сокращаться.

В последние годы в связи с усовершенствованием методов демографического анализа и появлением новых архивных документов появилась возможность уточнить сделанные непосредственно в ходе и сразу после войны оценки. Согласно расчетам Е. М. Андреева, Л. Е. Дарского и Т. Л. Харьковой, численность населения Советского Союза (в границах 1946-1991 гг.) на середину 1941 г. составила 196,7 млн., тогда как на начало 1946 г. — 170,5 млн. человек[249]. Население страны, таким образом, уменьшилось на 13,3%, что в абсолютном выражении составило 26,2 млн. человек. Детальную картину изменения численности населения СССР (в границах 1946-1991 гг.) в целом в годы Великой Отечественной войны представил В. С. Гельфанд (таблица 15.30)[250].

Как видим, по оценке В. С. Гельфанда население Советского Союза в годы войны сократилось на 14,2% (в абсолютном выражении — на 28 019,2 тыс. человек). При этом темпы падения численности населения из года в год нарастали. И только в 1945 г. они несколько замедлились. Совершенно очевидно, что сопровождавшееся резкими перекосами в структуре сокращение численности населения страны свидетельствует о самой мощной демографической катастрофе в истории страны. Эта катастрофа, унесшая несколько десятков миллионов человеческих жизней, оказала значительное негативное воздействие на демографическую подсистему общества и создала серьезную угрозу демографическому будущему страны. Следы этой катастрофы были зафиксированы последней переписью населения СССР, проведенной в 1989 г.

Таблица 15.30

Динамика численности населения СССР в 1941-1945 гг., тыс. человек

На начало года	Тыс. человек	К предшествующему году, %
1941	196 686,3	—
1942	192881,3	98,1
1943	186499,0	96,7
1944	179935,9	96,5
1945	173 504,8	96,4
1946	168667,1	97,2
1946г. к 1941 г., %	85,8	—

Примечания

1 *Ильина И. П.* Влияние войны на брачность советских женщин // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. М., 1977. С. 50-61.
2. *Сифман Р. И.* К вопросу о причинах снижения детской смертности в годы Великой Отечественной войны // Продолжительность жизни: Анализ и моделирование. М., 1979.
3. См. сборник: Людские потери СССР в Великой Отечественной войне. СПб., 1995.
4. *Алексеев В. В., Исупов В. А.* Население Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 1986; *Исупов В. А.* Городское население Сибири: От катастрофы к возрождению (конец 30-х — конец 50-х гг.). Новосибирск, 1991; *Корнилов Г. Е.* Уральское село и война: Проблемы демографического развития. Екатеринбург, 1993; *Кышпанаков В. А.* Население Хакасии: 1917-1990гг. Абакан, 1995.
5. РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 793, л. 3.
6. Там же, д. 791, л. 68.
7. Там же, д. 2219, л. 119-120.
8. Там же, д. 1025, л. 18.
9. Сост. по: Там же, д. 553, л. 1-3; д. 794, л. 4.
10. Там же, д. 793, л. 198.
11 Там же, д. 1872, л. 202.
12. Сост. по: Там же, д. 402, л. 3; д. 553, л. 1; д. 794, л. 4.
13. ГАРФ, ф. А-482, оп. 47, д. 440, л. 16.
14. Сост. по: РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 402, л. 57-57 об.; д. 546, л. 15; д. 797, л. 13.
15. Сост. по: Там же, д. 546, л. 15; д. 797, л. 13; д. 1014, л. 1; д. 1456, л. 9; ГАРФ, ф. А-347, оп. 11, д. 263, л. 25.
16. Сост. по: РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 799, л. 3-3 об.
17. Составлена по тем же данным, что и таблица 15.4.
18. Сост. по: РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 547, л. 2; д. 799, л. 3.
19. Гигиена и санитария. 1947. № 2. С. 33.
20. ГАРФ, ф. 9226, оп. 1, д. 636, л. 112.
21. О военном голоде в российской деревне написан ряд интересных работ: *Вылцан М. А.* Крестьянство России в годы большой войны 1941-1945: Пиррова победа. М., 1995; *Анисков В. Т.* Жертвенный подвиг деревни. Новосибирск, 1993.
22. ГАРФ, ф. А-482, оп. 47, д. 440, л. 41.
23. Там же, л. 25.
24. Там же, л. 50.
25. Там же, д. 519, л. 90 об.
26. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО), ф. п-4, оп. 5, Д. 481, л. 326.
27. *Микоян А. И.* В Совете по эвакуации//Военно-исторический журнал. 1989. №3. С. 31,37.

28. ГАРФ, ф. 9226, оп. 1, д. 636, л. 73.
29. Там же, д. 483, л. 98 об.
30. Там же.
31. Государственный архив Красноярского края (ГАКК), ф. 1384, оп. 1, д. 193, л. 229.
32. Новосибирский городской государственный архив (НГГА), ф. 33, оп. 1, д. 560, л. 43.
33. Государственный архив Омской области (ГАОО), ф. 1143, оп. 1, д. 116, л. 96.
34. ГАРФ, ф. 9226, оп. 1, д. 636, л. 77.
35. *МитеревГ. А.* Инфекции периода войн// Войны и здоровье человечества. М, 1965. С. 10.
36. РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 554, л. 56.
37. Гигиена и здоровье. 1942. № 1-2. С. 15.
38. РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 793, л. 204.
39. Сост. по: Там же, д. 2248, л. 23, 26.
40. ГАРФ, ф. 8009, оп. 6, д. 1898, л. 15.
41. Там же, ф. 9226, оп. 1, д. 636, л. 115.
42. РГАЭ, ф. 4372, оп. 46, д. 835, л. 16.
43. Там же, оп. 43, д. 709, л. 93-94 об.
44. ГАРФ, ф. 8009, оп. 6, д. 1898, л. 16 об.
45. Сост. по: РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 791, л. 112-113.
46. Сост. по: Там же, д. 801, л. 5-5 об.
47. Сост. по: Там же, д. 1014, л. 1; д. 1456, л. 9; ГАРФ, ф. А-374, оп. 11, д. 263, л. 25.
48. РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 1014, л. 1; д. 1456, л. 9; ГАРФ, ф. А-374, оп. 11, д. 263, л. 25.
49. Сост. по: *Корнилов Г. Е.* Уральское село и война... С. 66; *Исупов В. А.* Городское население Сибири. С. 95.
50. Сост. по: РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 1012, л. 68.
51. *Корнилов К. Е.* Уральское село и война. С. 76.
52. *Исупов В. А.* Городское население Сибири. С. 108.
53. См.: *МаксудовС.* Вызов со стороны демографии// СССР: внутренние противоречия. 1985. № 14. С. 107.
54. Советская медицина. 1944. № 10-11. С. 31.
55. 50 лет советского здравоохранения. 1917-1967. М., 1967. С. 60.
56. *Рикман О. А.* Детские инфекции в годы Великой Отечественной войны // Медико-санитарные последствия войны и мероприятия по их ликвидации. Труды второй конференции (17-19 декабря 1946 г.). Т. 1. М., 1948. С. 152.
57. ГАРФ, ф. 8009, оп. 6, д. 1995, л. 130 об.
58. РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 540, л. 57.
59. Сост. по: *Земское В. Н.* ГУЛАГ (историко-социологический аспект) // Социологические исследования. 1991. № 6. С. 14-15.
60. Государственный архив Алтайского края (далее ГААК), ф. Р-635, оп. 2, д. 74, л. 76.

61 Там же, л. 28.
62. ГАНО, ф. 1199, оп. 2, д. 3, л. 35, 35 об., 36.
63. ГААК, ф. Р-635, оп. 2, д. 74, л. 83.
64. Центр документации новейшей истории Омской области (ЦЦНИОО), ф. 17, оп. 17, д. 195, л. 36.
65. Там же, л. 51.
66. ГАНО, ф. 1199, оп. 1 а, д. 15, л. 9.
67. *Исупов В. А.* Городское население Сибири. С. 104.
68. Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги. М., 1992. С. 57-58; *Земское В. Н.* Заключенные, спецпереселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные, высланные. (Статистико-географический аспект)// История СССР. 1991. №5. С. 155.
69. 40-50-е годы: Последствия депортации народов. (Свидетельствуют архивы НКВД — МВД СССР.) // История СССР. 1992. № 1. С. 138.
70. *Чернов В. Н.* Питание было калорийным: О продовольственном снабжении и численности Красной Армии в годы Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. 1999. № 1. С. 93.
71. 50 лет Вооруженных сил СССР. М., 1968. С. 362, 459.
72. Великая Отечественная война Советского Союза. 1941-1945. М., 1965. С. 569.
73. *Кравченко С. Г.* Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1970. С. ПО.
74. ГАНО, ф. П-4, оп. 6, д. 621, л. 543.
75. Там же, ф. 29, оп. 1, д. 352, л. 43 об.
76. Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, конфликтах, боевых действиях и военных конфликтах: Стат. исследование. М., 1993. С. 146.
77. ГАНО, ф. 29, оп. 1, д. 350, л. 15.
78. ГАОО, ф. 1143, оп. 4, д. 1, л. 7, 8.
79. ЦГА Бурятии, ф. 665, оп. 1, д. 1226а, л. 8 об.
80. Гриф секретности снят. С. 146.
81. Советское здравоохранение. 1944. № 10-11. С. 16.
82. Известия. 1998. 25 июня.
83. Советское здравоохранение. 1944. № 10-11. С. 17.
84. *Дашичев В. И.* Банкротство стратегии германского фашизма: Исторические очерки, документы и материалы. Т. 2. М., 1971. С. 431.
85. Там же. С. 19.
86. Там же. С. 38.
87. РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 1469, л. 53; д. 1471, л. 8, 12, 13, 15; д. 2217, л. 16, 21, 23.
88. Там же, д. 1471, л. 14.
89. РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 1469, л. 63.
90. *Леикин В. И.* О ходе ликвидации медико-санитарных последствий войны в Великолукской области // Медико-санитарные последствия... Т. 1. С. 38.

91. Известия. 1984. 20 декабря.
92. РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 2214, л. 83.
93. Там же, д. 2217, л. 7.
94. *Марзеев А. Н.* Санитарные последствия разрушения городов Украины в период войны и оккупации 1941-1945 гг.// Медико-санитарные последствия... Т. 1.С. 127.
95. Там же. С. 128.
96. Правда. 1969. 24 марта; Известия. 1975. 20 марта; Милитаризм: Цифры и факты. М., 1985. С. 70.
97. *Филимонов М. В.* Об итогах исчисления потерь среди мирного населения на оккупированной территории СССР и РСФСР в годы Великой Отечественной войны //Людские потери... С. 124.
98. *Каган С. С.* Первые итоги ликвидации последствий войны и германо-фашистской оккупации УССР в области охраны народного здоровья // Медико-санитарные последствия... Т. 1. С. 14.
99. *Шилов М. С.* О ходе ликвидации медико-санитарных последствий войны в Курской области // Там же. С. 47, 48.
100. *Унучек О. И.* О ликвидации медико-санитарных последствий войны в Нов городской области // Там же. С. 78.
101. *Рязанов В. А.* Некоторые данные о санитарных последствиях войны по РСФСР и задачи государственной санитарной инспекции // Санитарные последствия войны и мероприятия по их ликвидации. Труды первой конференции 22-24 апреля 1946 г. М., 1947. С. 11.
102. *Шахотъко Л. П.* Воспроизводство населения Белорусской ССР. Минск, 1985. С. 15.
103. *Каган С. С.* Первые итоги ликвидации... С. 14.
104. ГАРФ, ф. А-374, оп. 11, д. 359, л. 36.
Ю5.Шкляр Б. М. Мероприятия по ликвидации санитарных последствий войны и оккупации в Днепропетровской области // Медико-санитарные последствия... Т. 1. С. 51.
106. РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 2214, л. 14-16.
107. Там же, л. 16.
108. Там же.
109. Сост. по: Там же, д. 1469, л. 7.
110. Там же, д. 1452, л. 168.
111. Там же, д. 1469, л. 7.
112. Гигиена и санитария. 1944. № 7-8. С. 57.
113. *Новосельский С. А.* Выживаемость и смертность детей 0-1 года в Ленинграде в послеблокадном периоде // Гигиена и санитария. 1946. № 7—8. С. 4.
114. Гигиена и санитария. 1944. № 7-8. С. 58.
115. *Новосельский С. А.* Выживаемость и смертность детей... С. 3.
116. Там же.
117. Великая Отечественная война 1941-1945: Энциклопедия. М., 1985. С. 401.
118. Сост. по: РГАЭ, ф. 1562, оп. 336, д. 1452, л. 168.
119. Сост. по: Там же, оп. 329, д. 1452, л. 111, 168; д. 2219, л. 120.
120. Сост. по: Там же, д. 546, л. 15; д. 797, л. 13; д. 1014, л. 1; д. 1456, л. 9; ГАРФ, ф. А-374, оп. 11, д. 355, л. 25.
121. РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 1451, л. 125.
122. Там же, д. 1452, л. 99.
123. Сост. по: Там же, д. 553, л. 1; д. 794, л. 4; д. 796, л. 159.
124. Сост. по: Там же, д. 1009, л. 18.
125. Там же, д. 1879, л. 19.
126. Там же.
127. Там же, д. 2224, л. 4-5.
128. Там же, л. 5.
129. *Гельфанд В. С.* Население СССР за 50 лет (1941-1990): Стат. справочник. Пермь, 1992. С. 257.
130. Население Советского Союза: 1922-1991. М., 1993. С. 74, 126.
131. РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 1871, л. 109.
132. Сост. по: Там же, д. 553, л. 1.
133. Сост. по: Там же, л. НО.
134. Там же, л. 109.
135. *Садвокасова Е. А.* Социально-гигиенические аспекты регулирования размеров семьи. М., 1969. С. 116.
136. Государственный архив Читинской области (ГАЧО), ф. 64, оп. 1, д. 108, л. 4 об.
137. ГАНО, ф. 11, оп. 4а, д. 69, л. 3.
138. Там же.
139. ГАРФ, ф. 8009, оп. 6, д. 1913, л. 83, 85.
140. Сост. по: РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 1469, л. 7.
141. Там же, д. 791, л. 111.
142. Правда. 1946. 14 марта.
143. Большая советская энциклопедия. М., 1950-1958. Т. 7. С. 191.
144. См., например: *Кузнецов А. Д.* Трудовые ресурсы СССР и их использование. (К вопросу об экономической мощи страны.) М., 1960. С. 11.
145. Международная жизнь. 1961. № 12. С. 8.
146. *Урланис Б. Ц.* Людские потери в войнах// Вопросы истории. 1965. №5. С. 46-47.
147. Lorimer F. The population of the Soviet Union: History and Prospects. Geneve, 1946. P. 182.
148. Ibid.
149. *Арнтц Г.* Людские потери во Второй мировой войне // Итоги Второй мировой войны. М., 1957. С. 601.
150. *Брежнев Л. И.* Великая победа советского народа. М., 1965. С. 15.
151. *Урланис Б. Ц.* Методы исчисления людских потерь от войн// Проблемы Демографической статистики. М., 1959. С. 294; *Венецкий И. Г.* К вопросу о расчетах «косвенных» потерь населения вследствие войн // Там же. С. 316.
152. *Власьееич Ю. Е.* Экономическое бремя милитаризма. М., 1980. С. 51.

153. *Поляков Л. Е.* Цена войны: Демографический аспект. М., 1985. С. 87.
154. *Кваша А. Я.* Демографическое эхо войны // Проблемы исторической демо графии СССР. Киев, 1988. С. 21.
155. *Козлов В. И.* О людских потерях Советского Союза в Великой Отечествен ной войне 1941-1945 годов // История СССР. 1989. № 2. С. 134.
156. *Кваша А. Я.* О методике определения людских потерь в Великой Отечест венной войне // Социологические исследования. 1989. № 1. С. 60-66.
157. Население Советского Союза. С. 74.
158. Там же. С. 74, 75.
159. Там же. С. 77.
160. Там же.
Ш.ГельфандВ. С. Население СССР... С. 18.
162. Там же. С. 269-270.
163. Там же. С. 267.
164. *Арнтц Г.* Людские потери...
165. *Соколов Б. В.* Цена победы. Великая Отечественная война: неизвестное об известном. М., 1991. С. 7.
166. *Арнтц Г.* Людские потери... С. 600.
167. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945. Т. 6. М., 1965. С. 30.
168. Правда. 1969. 24 марта.
169. Великая Отечественная война 1941-1945: Энциклопедия. С. 509.
170. *Соколов В. Б.* Цена победы... С. 11.
171. Цена победы: Интервью с начальником Генерального штаба Вооруженных сил СССР генералом армии М. А. Моисеевым // Военно-исторический жур нал. 1990. № 3. С. 14.
172. Там же.
173. Неоплаченный долг // Военно-исторический журнал. 1992. № 9. С. 29.
174. Там же. С. 30.
175. *Нагаев И. М.* Без вести пропавшая... память? Документы об увековечении памяти погибших воинов Красной Армии 1925—1946 гг.// Военно-исторический журнал. 1998. № 1. С. 72.
176. Неоплаченный долг. С. 30.
177. Гриф секретности снят. С. 128.
178. *Клейменов А. Н.* По долгу памяти//Военно-исторический журнал. 1990. № 4. С. 4.
179. Там же. С. 5.
180. *Ларин М. В., Банасюкевич В. Д.* Информационный потенциал автоматизи рованного банка данных о безвозвратных потерях в годы Великой Отече ственной войны // Людские потери СССР. С. 68.
181. Гриф секретности снят. С. 133.
182. Там же. С. 129.
183. *Басов А. В.* Историческая наука. Новые трактовки причин и хода Великой Отечественной войны// Россия в XX веке: Историки мира спорят. М., 1994. С. 462.
184. *Горькое Ю.* Маршал победы // Слово. 1996. № 11-12. С. 19.
185. *Гуркин В. В.* Людские потери Советских Вооруженных Сил в 1941-1945 гг.: Новые аспекты // Военно-исторический журнал. 1999. № 2. С. 2-13.
186. Известия. 1998. 25 июня.
187. Гриф секретности снят. С. 130-131; Известия. 1998. 25 июня.
188. Гриф секретности снят. С. 146, 147.
189. Великая Отечественная война 1941-1945: Энциклопедия. С. 452.
190. *Соколов Б. В.* О соотношении потерь в людях и боевой технике на совет ско-германском фронте в ходе Великой Отечественной войны// Вопросы истории. 1988. № 9. С. 117.
191. *Мельтюхов М. И.* Идеологические документы мая — июня 1941 года о событиях второй мировой войны// Другая война: 1939-1945. М., 1996. С. 98.
192. *Козлов В. И.* О людских потерях... С. 132.
193. *Чернов В. Н.* Питание было калорийным... С. 94.
194. Там же. С. 93.
195. Гриф секретности снят. С. 146-147.
196. Там же. С. 130-131.
197. Правда. 1969. 24 марта.
198. Великая Отечественная война 1941-1945: Энциклопедия. С. 509, 756.
199. Известия. 1985. 29 апреля.
200. *Рыбкин Е. И.* Мировоззрение и военная история // Военно-исторический журнал. 1989. № 3. С. 52.
201. *Козлов В. И.* О людских потерях... С. 135.
202. *Соколов Б. В.* Цена победы... С. 11.
203. *Мерцалов А. Н., МерцаповаЛ. А.* Сталинизм и война. М., 1994. С. 358.
204. *Семиряга М. И.* Военнопленные, коллаборационисты и генерал Власов // Другая война. С. 313.
205. *Пронин А. В.* Трагедия плена: гуманизм против бесчеловечности // Военно-исторический журнал. 1998. № 1. С. 94.
206. Известия. 1998. 25 июня.
207. *Айзенштат Я.* Записки секретаря военного трибунала. Ьош1оп, 1991. С. 6, 7, 9.
208. Великая Отечественная война 1941-1945: Энциклопедия. С. 479.
209. Там же. С. 530, 531.
210. См.: *Кваша А. Я.* О методике определения... С. 62.
211. *Семиряга М. И.* Военнопленные, коллаборационисты... С. 320.
212. Там же. С. 324.
213. Великая Отечественная война 1941-1945: Энциклопедия. С. 294.
214. *Козлов В. И.* О людских потерях... С. 137.
215. *Гельфанд В. С.* Население СССР...

216. Там же. С. 8.
217. Сост. по: Там же. С. 190-194.
218. Там же. С. 268.
219. Сост. по: Там же. С. 241.
220. Население Советского Союза. С. 126.
221. *Гельфанд В. С.* Население СССР... С. 37-39, 52-54.
222. Там же. С. 19.
223. Там же. С. 37, 40, 43,46, 49, 52, 267.
224. Сост. по: РГАЭ, ф. 1562, оп. 20, д. 564, л. 2, 3 об.; оп. 329, д. 1452, л. 111.
225. Там же, д. 405, л. 2; д. 1452, л. 102-103.
226. Сост. по: *Корнилов Г. Е.* Уральское село и война. С. 22; *Алексеев В. В., Исупов В. А.* Население Сибири... С. 64, 80, 84; *ИсуповВ. А.* Городское населе ние Сибири. С. 17.
227. Великая Отечественная война 1941-1945: Энциклопедия. С. 729.
228. *Корнилов Г. Е.* Уральское село... С. 146.
229. *Исупов В. А.* Городское население Сибири. С. 234.
230. РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 405, л. 2; д. 1452, л. 102-103.
231. Сост. по: РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 405, л. 2.
232. *Константинов О. А.* Новые городские поселения СССР периода Великой Отечественной войны // Научные записки Ленинградского финансово-эконо мического института. Вып. 12. 1956. С. 77.
233. Там же. С. 78, 94.
234. РГАЭ, ф. 4372, оп. 45, д. 318, л. 128.
235. Там же, л. 128-129.
236. Государственный архив Тюменской области (ГАТюмО), ф. 1725, оп. 1, д. 138, л. 22.
237. РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 405, л. 2; д. 1452, л. 102-103.
238. *Арутюнян Ю. В.* Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М., 1970. С. 324.
239. РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 2214, л. 16.
240. Великая Отечественная война 1941-1945: Энциклопедия. С. 738.
241. Сост. по: РГАЭ, ф. 1562, оп. 20, д. 564, л. 2 об.
242. ГАРФ, ф. А-374, оп. 21, д. 112, л. 11.
243. Там же.
244. Медико-санитарные последствия... Т. 2. С. 19.
245. ГАРФ, ф. А-374, оп. 11, д. 359, л. 35 об.
246. РГАЭ, ф. 1562, оп. 20, д. 629, л. 118, 155.
247. Там же, оп. 329, д. 1452, л. 102.
248. Там же, д. 2219, л. 119.
249. Население Советского Союза... С. 74, 126.
250. Сост. по: *Гельфанд В. С.* Население СССР... С. 39, 42, 45, 48, 51, 54.

Глава 16

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ТУПИК

9 мая 1945 г. закончилась Великая Отечественная война. Через несколько месяцев, 2 сентября, Япония, подвергшаяся мощной атаке Красной армии и американским атомным бомбардировкам, отказалась от ставшего бессмысленным сопротивления и подписала акт о безоговорочной капитуляции. Так была поставлена точка в самой кровавой в истории человечества войне, начатой обычными вооружениями и завершенной реактивной авиацией, баллистической ракетой и ядерной бомбой. В эйфории победы советским людям, на долю которых выпади самые суровые испытания, казалось, что все самое тяжелое позади. Сталин, авторитет которого был непререкаем, в обращении к народу 2 сентября 1945 г. заявил: «Мы пережили тяжелые годы. Но теперь каждый из нас может сказать: мы победили. Наступил долгожданный мир для народов всего мира»[1].

Смертность населения в 1945-1946 гг.

Первые послевоенные месяцы, казалось бы, подтверждали надежды советских людей на лучшее будущее, хотя жизнь, как и прежде, оставалась предельно трудной. Западные районы СССР лежали в руинах. Сельское хозяйство, понесшее в годы войны наибольший урон, агонизировало. Промышленность по инерции продолжала в огромных количествах выпускать боевую технику. Люди голодали. Продуктовые карточки оставались самой дорогой «валютой».

Но осознание факта победоносного окончания войны придавало людям дополнительный заряд жизненной энергии, что само по себе повышало степень сопротивляемости народа. Первые полтора года после завершения войны являют собой период кратковременного, но очевидного улучшения демографической ситуации.

Во втором полугодии 1945 г. и особенно в 1946 г. как в городах, так и в сельской местности продолжилась тенденция к снижению смертности среди ординарного населения, наметившаяся еще в военные годы. Важной причиной снижения смертности было внедрение в повседнев-

ную медицинскую практику новейших по тому времени препаратов — антибиотиков. Первые образцы советского пенициллина были синтезированы З. В. Ермольевой еще в 1942 г., но производство этого высокоэффективного препарата удалось организовать только в 1944 г.

На пенициллин возлагались большие надежды. Его выпуск быстро увеличивался и в 1946 г. стал массовым. В этом году производство пенициллина по отношению к 1944 г. возросло почти в 14 тысяч (!) раз[2]. Одновременно в стране увеличивалось производство хорошо зарекомендовавших себя в военные годы препаратов сульфаниламида. Только за 1945-1946 гг. их выпуск вырос на 20%[3].

Немаловажное значение имел и факт статистического характера, делавший сравнение демографических итогов 1945 и 1946 гг. очень показательным: с завершением боевых действий число смертей сократилось уже потому, что солдаты и офицеры не погибали сотнями тысяч на полях сражений. По данным В. С. Гельфанда, в 1945 г. общий коэффициент смертности населения СССР (с учетом боевых потерь) составлял 44,2, тогда как в мирном 1946 г. — 12‰[4].

Таким образом, совпадение двух социально-демографических трендов: прекращения боевых действий, с одной стороны, и продолжающегося снижения смертности ординарного населения — с другой, обусловили общее уменьшение показателей смертности населения СССР в первые полтора года после завершения Второй мировой войны. И если в 1945 г., как считает В. С. Гельфанд, в Советском Союзе скончалось 7,6 млн., то в 1946 г. — 2,0 млн. человек[5]. По подсчетам Е. М. Андреева, Л. Е. Дарского и Т. Л. Харьковой, в 1946 г. число умерших в СССР составило 2,7 млн.[6], по данным ЦСУ СССР — 1,8 млн. человек (без Камчатской, Нижне-Амурской, Калининградской областей и Хабаровского края)[7]. Министр внутренних дел СССР С. Кругов, основываясь на материалах загсовской регистрации умерших, информировал председателя Госплана СССР Н. А. Вознесенского, что в 1946 г. в стране скончалось 1,9 млн. человек[8].

Несовершенство учета естественного движения населения в СССР — факт общеизвестный. О точности приведенных цифр можно спорить, но это не меняет принципиальных выводов: во второй половине 1945 и в 1946 г. смертность сокращалась. Общие коэффициенты смертности населения страны в 1946 г. колебались, по разным оценкам, в пределах от 12[9] до 16‰[10].

Компенсаторная волна рождаемости

Важным элементом улучшения демографической ситуации в первые послевоенные годы явилось заметное увеличение рождаемости. В 1946г. загсами СССР было оформлено 4,1 млн. актов о рождении детей". По данным ЦСУ СССР, в 1946 г. на свет появилось 4 млн. младенцев (без Камчатской, Нижне-Амурской, Калининградской областей и Хабаровского края)[12], в 1947 г. — около 4,5 млн.[13]. Для сравнения укажем, что в 1945 г. в СССР родилось 2,7 млн. человек[14]. В РСФСР, по сведениям В. П. Попова, общий коэффициент рождаемости увеличился с 15,9‰ в 1945 г. до 24,9‰ в 1946 г.[15] Данные об уровне рождаемости в СССР в 1945-1946 гг. по современным оценкам представлены в таблице 16.1[16].

Таблица 16.1

Общие коэффициенты рождаемости **населения СССР в 1945—1946 гг.**

Год	По оценке Е. М. Андреева, Л. Е. Дарского, Т. Л. Харьковой	По оценке В. С. Гельфанда
1945	Нет свед.	15,9
1946	28,5	23,8 „

Увеличение рождаемости в 1946-1947 гг. в демографической литературе получило наименование послевоенной компенсаторной волны. С окончанием боевых действий и развернувшейся демобилизацией солдат и офицеров действие факторов, препятствующих рождению детей, было ослаблено (а это были главным образом деформации половозрастного состава населения, дефицит женихов и вообще мужчин бракоспособных возрастов).

Начиная со второй половины 1945 г. в полной мере проявил себя процесс воссоединения уже сложившихся и образования новых брачных пар. В течение короткого времени (с июня 1945 г. по конец 1947 г.) из армии было демобилизовано около 8,5 млн. человек, преимущественно мужчин[17]. Из них основная часть — до 7 млн. человек — была распущена по домам уже к сентябрю 1946 г.[18] В городские поселения РСФСР в 1946 г. прибыло свыше 3 млн. мужчин, в том числе 512 тыс. в цветущем возрасте от 25 до 29 лет, 476 тыс. в возрасте 30-34 года, 369 тыс. в возрасте 35-39 лет". Демобилизация не ликвидировала полностью дисбаланс в соотношении полов, но все же привела к некоторому сближению численности мужчин и женщин брачных возрастов. Дефицит женихов

был несколько ослаблен. Таким образом, в основе компенсаторной волны лежала реализация вынужденно отложенных в военные годы рождений, что, в свою очередь, обусловливалось улучшением ситуации на брачном рынке.

В 1945 г. в Советском Союзе было зарегистрировано немногим более миллиона браков[20], в 1946 г. — 2,1 млн.[21]. И если в 1945 г. на тысячу человек населения СССР приходилось 7 зарегистрированных браков[22], то в 1946 г. — свыше 12, в 1947 г. — около 11 браков[23].

В действительности брачных пар было значительно больше, чем показывает статистика, поскольку далеко не все фактические браки регистрировались официально, что было особенно характерно для послевоенных лет. Согласно действовавшему в то время указу Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания „Мать-героиня" и учреждении ордена „Материнская слава" и медали „Медаль материнства"», мужчины, состоящие в незарегистрированном браке, в случае рождения ребенка освобождались от любых материальных обязательств, в том числе и от алиментов[24].

По-видимому, таким образом Сталин пытался укрепить расшатавшиеся за годы войны семейные устои, но получил прямо противоположный результат. Государство признавало только официально зарегистрированные браки. Указ от 8 июля 1944 г. фактически поощрял мужчин к внебрачному сожительству. Наличие незарегистрированных, но фактически существующих брачных пар подтверждается тем фактом, что для послевоенного периода демографической истории Советского Союза характерно особенно большое число детей, родившихся вне брака (этим детям в свидетельстве о рождении в графе «отец» ставился прочерк).

Число разводов после окончания войны было сведено к минимуму. Тем же указом предусматривались жесткие законодательные меры, значительно ограничивавшие свободу развода. Результат реализации указа очевиден: если в 1944 г. в СССР было зафиксировано 69 тыс. разводов, то в 1946г. — 17,4 тыс.[25]

Вследствие быстрого увеличения числа брачных пар (в условиях слитности брачного и репродуктивного поведения) рождаемость не могла не увеличиться. Но реализация вынужденно отложенных в 1942-1945 гг. браков и рождений — так называемая компенсаторная волна — в действительности была не в состоянии покрыть потери военных лет. Компенсаторная волна ослаблялась сохранявшимися возрастно-половыми диспропорциями, а также искусственным регулированием числа детей в семье путем нелегальных абортов. Кроме того, роль понижающего фактора играли тяжелые условия жизни людей, дефицит жилья, продуктов питания, промтоваров. Многие женщины избегали рождения ребенка, так как не были уверенны в официальной регистрации фактических брачных отношений и алиментных обязательствах со стороны мужчин.

В итоге компенсаторная волна оказалась кратковременным явлением советской демографической истории. Интенсивность деторождения так и не достигла уровня довоенных лет. Даже в 1947г. (период наивысшего всплеска компенсаторной волны) уровень рождаемости в СССР был существенно ниже, чем в 1940 г. —далеко не благополучном в демографическом отношении.

Демографический кризис 1946-1947 гг.

Летом 1946 г. ряд западных регионов Советского Союза: Молдавию, Украину, Центрально-Черноземную область, Нижнее Поволжье, Северный Кавказ — охватила жестокая засуха, возможно, превосходившая по своим климатическим параметрам засуху 1921 г. Однако даже урожай, выращенный в благополучных районах, был убран с большими потерями: истощенные женщины, подростки, старики и инвалиды, составлявшие основу трудовых ресурсов разоренной войной советской деревни, оказались не в силах справиться с уборкой. Значительная часть урожая 1946 г. ушла под снег.

Объем продовольственных ресурсов Советского Союза резко сократился. Урожайность зерновых в СССР в 1946 г. составила, по официальным данным, всего 4,6 ц/га против 6,8 ц/га в далеко не самом урожайном 1940 г., картофеля — соответственно 73 и 99 ц/га, овощей — 54 и 91 ц/га. Производство зерна в стране упало ниже дореволюционного уровня. В 1913 г. в России было собрано 86 млн. т зерна, тогда как в 1946 г. в 2 раза меньше — всего 39,6 млн.. т[26].

Возможно, голода можно было избежать даже при таком скромном урожае. Но для этого жители сельской местности должны были иметь возможность полнее использовать ресурсы своего личного приусадебного хозяйства. Однако советское правительство накануне голода пришло к выводу, что размеры личных подворий крестьян слишком велики и это отрывает их от работы на общественных полях. 19 сентября 1946 г. Совет министров СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление «О мерах по ликвидации нарушений устава сельскохозяйственной артели в колхозах». В соответствии с этим постановлением размеры личных при-

усадебных хозяйств были урезаны, а земли как «незаконно захваченные» были возвращены колхозам[27]. За самое короткое время в общественную собственность было возвращено несколько миллионов гектаров земли. Эти земли, после того как были изъяты у крестьян, фактически не использовались. Разоренные войной колхозы не имели сил и средств для их обработки. А производство продуктов в личных подворьях крестьян резко упало.

Вместе с тем, несмотря на надвигавшийся голод, советское правительство, преследуя идеологические и политические цели, с готовностью отзывалось на просьбы о поставках продовольствия со стороны Франции, Болгарии, Румынии, Польши, Чехословакии, Югославии. По данным В. Ф. Зимы, в эти и другие страны в 1946-1947 гг. из СССР было отправлено 2,5 млн. т зерна[28].

Но главным фактором, породившим голод, была стратегия развития СССР, избранная Сталиным. В годы послевоенных пятилеток были реанимированы все социально-экономические противоречия и конфликты, характерные для предвоенных лет. Подавляющая часть имевшихся в стране ресурсов, как и прежде, вкладывалась в тяжелую промышленность и военно-промышленный комплекс. Перекачка средств из сельского хозяйства в промышленность не прекратилась и после окончания войны. План четвертой пятилетки (1946-1950 гг.), декларативно провозглашавший восстановление промышленности и сельского хозяйства, на самом деле был направлен на реконструкцию отраслей, имевших военное значение, и в первую очередь на выполнение атомной и ракетной программ. И если до войны «людей съели машины», то теперь — атомная бомба и баллистическая ракета.

Таким образом, не столько послевоенная разруха и засуха, сколько политика сталинского руководства, абсолютный приоритет тяжелой промышленности и военно-промышленного комплекса, пренебрежительное отношение тоталитарного режима к человеку и его нуждам привели к мучительному голоду 1946-1947 гг.

Стремясь обеспечить продовольствием в первую очередь работников «нужных» отраслей, армию и чиновников, сталинское правительство решилось на беспрецедентный шаг. Количество населения, снабжаемое хлебом централизованно (по карточкам), в конце 1946 г. было сокращено. И если в третьем квартале 1946 г. карточная система распространялась на 87,8 млн. человек, то в конце года — примерно на 60 млн.[29]. Таким образом, около 27 млн. человек оказались «лишними». Для отдельных групп городского населения — главным образом для так называемых иждивенцев — были урезаны нормы выдачи хлеба. Одновременно уменьшались фонды коммерческой торговли хлебом и крупой.

В итоге вторая половина 1946 г. и большая часть 1947 г. прошли под знаком голода. Феномен голода 1946—1947 гг. достаточно детально исследован в монографии В. Ф. Зимы[30]. Мы же сосредоточимся на исследовании его демографических последствий.

Таблица 16.2 показывает, что в 1947 г. рождаемость еще увеличивалась •— в данном случае сказывалась инерционность процесса детопроизводства: огромное количество зачатий, произведенных в 1946 г. во время действия компенсаторной волны, сразу после демобилизации солдат и офицеров[31]. Последствия голода в полной мере проявились (с учетом 9-месячного периода вынашивания ребенка) только в 1948 г. Согласно оценке Е. М. Андреева, Л. Е. Дарского и Т. Л. Харьковой, в 1948г. общий коэффициент рождаемости в СССР по отношению к 1947 г. сократился почти на 11%. Дефицит рождений в абсолютном выражении составлял 597 тыс. человек.

Таблица 16.2

Динамика рождаемости населения СССР (в границах 1991 г.) в 1946-1948 гг.

	Оценка Е. М. Андреева, Л. Е. Дарского, Т. Л. Хярьковой		Оценка В. С. Гельфанда	
	родилось, тыс. человек	Ко	родилось, тыс. человек	[700]
1946	4 886,0	28,5	4 037,9	23,8
1947	5 118,0	29,6	4421,1	25,7
1948	4521,0	26,4	4 840,9	27,8

В. С. Гельфанд, как это видно из данных таблицы 16.2, отрицает сам факт снижения рождаемости в 1948 г. Однако правота Е. М. Андреева, Л. Е. Дарского и Т. Л. Харьковой подтверждается архивными документами ЦСУ СССР. Материалы текущего учета недостаточно точны, но все же показывают направление развития естественного движения населения. Эти данные приведены ниже[32]:

Год	Число родившихся, тыс. человек
1946	4031,2
1947	4 454,6
1948	4 125,1

•

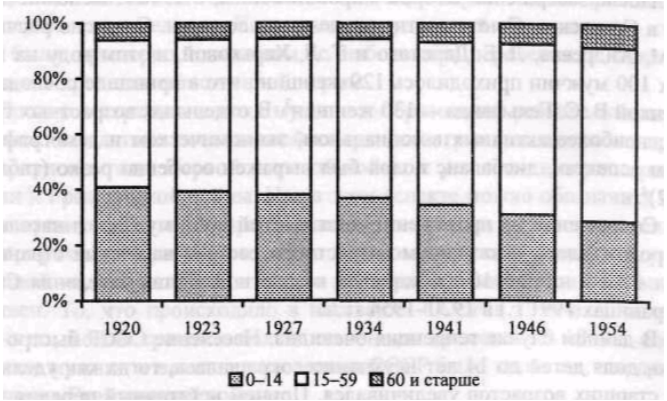


Рис. 10. **Возрастной состав населения СССР в 1920-1954 гг.**

Демографическая подсистема общества обладает огромным запасом жизнестойкости, способностью к демографической регенерации, а именно к восстановлению после катастроф и кризисов не только своей численности, но и структуры. Но со снижением удельного веса детей, по мере нарастания процесса старения населения и уменьшения доли мужчин, способность населения России к демографической регенерации ослабевала. Потенциал жизнестойкости народов страны после окончания Великой Отечественной войны оказался в значительной мере исчерпанным.

Снижение способности к демографической регенерации ускоряло явно негативный процесс, который очень трудно описать статистически, поскольку преобладающей здесь является не столько демографическая, сколько социальная компонента. Количественные потери людей подспудно оборачивались потерями качества населения. Впервые на это обратил внимание П. А. Сорокин в статье, опубликованной еще в 1922 г. и посвященной социально-демографическим результатам Первой мировой и Гражданской войн. Подвергнув анализу изменения в численности и составе россиян за 1913-1921 гг., ученый пришел к выводу о «биологической и нервно-мозговой деградации населения»[6]. Выводы П. А. Сорокина, быть может, несколько поспешные в 1922 г. (он не учел огромной способности России к демографической регенерации), могут быть вполне приемлемы при анализе ситуации, сложившейся в середине XX столетия.

Вслед за П. А. Сорокиным нельзя игнорировать тот очевидный факт, что в ходе демографических кризисов и катастроф:

- более всего потерпели ущерб самые крепкие и активные возрастные группы;
- погибали преимущественно мужчины, а не женщины. Население, как выражается П. А. Сорокин, «обабилось»[7];
- погибали самые крепкие мужчины, тогда как физически или умственно ослабленные не призывались в армию, оставались в массе своей в тылу и давали ослабленное потомство;
- был уничтожен или вынужден эмигрировать интеллектуальный цвет российского народа (ученые, писатели, художники, инженеры, дипломаты, администраторы);
- полностью как класс были уничтожены российские предприниматели;
- был ликвидирован самый трудолюбивый слой российского крестьянства;
- огромные потери понесла лучшая, самая квалифицированная часть российских рабочих;
- ухудшалось состояние здоровья населения. Миллионы людей переболели инфекционными и желудочно-кишечными болезнями, были инфицированы туберкулезом, поражены дистрофией. Среди выживших увеличивалась прослойка физически ослабленных людей, обладающих пониженным иммунитетом и сопротивляемостью.

Отрицательная селекция демографических кризисов и катастроф очевидна. Не только огромные количественные потери населения, но и необратимый качественный ущерб — важнейшее следствие демографических кризисов и катастроф.

Мертвые хватают живых. Прошлое тысячами незримых нитей связано с настоящим. Исторический фактор всегда влиял, влияет и будет влиять на современность. У медиков есть термин «отягощенная наследственность». Этой отягощенной наследственностью в полной мере обладают наши современники. Еще долгое время историческое прошлое будет негативно воздействовать не только на демографическое, но на экономическое, социальное и нравственное развитие страны.

Восстановление, возврат к норме, безусловно, возможны. Россия слишком большая страна, чтобы исчерпать до конца весь потенциал Демографической и социальной регенерации. Но это потребует очень Долгих лет стабильного развития.

Грозненской, Курской, Ростовской, Ульяновской областях, в Удмуртской АССР[45]. Так, в Воронежской области за 1946-1947 гг. число умерших выросло в 2 раза, в Ростовской — на 165%[46].

Таблица 16.3

Причины смерти населения СССР в 1946-1947 гг.

Причины смерти	Умерло		1947 г. к 1946 г., %
	1946 г.	1947 г.	
Брюшной тиф и паратиф	2556	2022	79,1
Сыпной тиф	731	2201	301,1
Возвратный тиф	103	486	471,8
Корь	2705	5334	193,5
Скарлатина	1510	1228	81,3
Коклюш	946	2896	306,1
Дифтерия	2709	3081	113,7
Грипп	875	1 550	177,1
Дизентерия	10515	31 628	300,8
Гемоколит	172	329	191,3
Малярия	1917	1 860	97,0
Туберкулез органов дыхания	50643	63879	126,1
Прочий туберкулез	10911	12718	116,6
Воспаление легких	44985	77313	171,9
Токсическая диспепсия	13 160	24659	197,3
Острый гастроэнтероколит	9201	18101	196,7
Прочие	262 703	359 854	137,0
Всего	416342	609 039	146,3

Как известно, материалы текущего учета населения нуждаются в значительном уточнении. Поэтому, чтобы получить более корректные с научной точки зрения цифры, обратимся к таблице 16.4, в которой приведены современные оценки динамики смертности населения СССР (в границах 1991 г.)[47].

Таблица 16.4

Смертность населения СССР в 1946-1947 гг.

Год	Оценка Б. М. Андреева, Л. Б. Дарского, Т. Л. Харьковом		Оценка В. С. Гельфанда	
	умерло, тыс. человек	%.	умерло, тыс. человек	%.
1946	**2710,0**	**15,8**	**2 033,3**	**12,0**
1947	**3518,0**	**20,3**	**2218,8**	**12,9**

По оценке Е. М. Андреева, Л. Е. Дарского и Т. Л. Харьковом, число умерших в СССР за 1946-1947 гг. увеличилось на 808 тыс. человек, а общий коэффициент смертности вырос на 28,5%. Более осторожную оценку дает В. С. Гельфанд, согласно расчетам которого количество умерших за указанный период возросло на 185,5 тыс., а общий коэффициент смертности — на 7,5%. Так как число умерших в 1947 г. по оценке В. С. Гельфанда ниже, чем по данным текущей статистики, для которой характерен недоучет демографических событий, оценка Е. М. Андреева, Л. Е. Дарского и Т. Л. Харьковой представляется более точной.

Среди умерших в 1947 г., как и в период голода 1933 г., преобладали мужчины. В РСФСР, в частности, на долю мужчин во всей совокупности умерших в 1947 г. приходилось почти 54%[48]. Согласно расчетам Е. М. Андреева, Л. Е. Дарского и Т. Л. Харьковой, средняя продолжительность жизни женщин в 1947 г. составляла 46,4 года (против 51,0 в 1946 г.), тогда как мужчин — 34,8 лет (против 41,5 в 1946 г.)[49].

В возрастной структуре умерших преобладали дети. По данным В. Ф. Зимы, в 1947 г. из общего числа умерших 31% составляли дети до 4 лет, из них большинство в возрасте до года[50]. Детская смертность в 1947 г. вообще резко увеличилась. Согласно текущему учету населения, в этом году умерли, не дожив до 1 года, 514 тыс. младенцев, тогда как в 1946 г. — 299 тыс. (рост почти в 2 раза)[51]. Коэффициент детской смертности в СССР, составлявший в 1946г. 167, в 1947г. увеличился до 190‰[52].

В основе столь значительного увеличения детской смертности лежали факторы экзогенного происхождения, прежде всего инфекционные и желудочно-кишечные болезни, вызванные ухудшением условий существования. За 1946-1947 гг. число младенцев, умерших от возвратного тифа выросло в 4 раза, от сыпного тифа, коклюша и дизентерии — в 3, от кори, гемоколита, токсической диспепсии, острого гастроэнтероколита — почти в 2 раза[53].

Число жертв голода 1946-1947 гг. определить чрезвычайно сложно, так как из-за неординарности самого периода, множества бурных событий, дестабилизирующих ситуацию, почти невозможно рассчитать демографически «нормальную» смертность. По мнению В. П. Попова, только в РСФСР прямые потери от голода в 1946-1947 гг. достигли 1 млн. человек[54]. Согласно подсчетам В. Ф. Зимы, от послевоенного голода и эпидемий в СССР скончалось не менее 2 млн. человек, в основном сельские жители[55]. Представляется, что эти цифры существенно завышены.

Если принять за основу, что в 1947 г. в стране скончалось 3,5 млн. человек, а демографическую «норму» смертности условно определить на уровне 1946 г. (2,7 млн. человек), то избыточная смертность в 1947 г. составит:

$$3{,}5 - 2{,}7 = 0{,}8 \text{ млн. человек.}$$

С учетом дефицита рождений, потери населения СССР в ходе послевоенного голода вряд ли превысят величину 1 млн. человек.

Число жертв голода 1946-1947 гг. могло быть и больше, но нельзя не отдать дань уважения отечественному здравоохранению. Накопившие огромный опыт работы в экстремальных условиях Великой Отечественной войны, советские медики противопоставили эпидемическому валу не только совершенные по тем временам технологии лечения (антибиотики и сульфаниламидотерапию), но и свою самоотверженность. Демографический кризис в 1946-1947 гг. так и не перерос в крупномасштабную демографическую катастрофу, и этим в значительной степени страна обязана тысячам рядовых врачей, фельдшеров и медсестер.

Голод и сопутствующие ему сокращение рождаемости, рост смертности и отток населения в относительно благополучные районы страны, в особенности из сельской местности в города, не только замедлил, но даже вызвал сокращение численности населения отдельных регионов Советского Союза. В частности, в 1947 г. на 12,5% уменьшилось население Молдавии (с 2,4 млн. человек на 1 декабря 1946 г. до 2,1 млн. на 1 октября 1947 г.). Прекратился рост численности населения Украины[56]. Определилась стагнация в изменении численности населения РСФСР.

Таблица 16.5 показывает, что в период самого жестокого голода (зима — весна 1947 г.) численность населения России уменьшилась на 3,2%[57]. В конце лета и осенью, с началом уборки урожая и выходом страны из состояния голода, падение численности населения прекратилось, началось его медленное увеличение. В итоге в 1947 г. население РСФСР увеличилось, но на незначительную величину — 0,7%.

Таблица 16.5

Динамика численности населения РСФСР (в границах 1947 г.) в 1947 г.

Календарный месяц	Тыс. человек	К предшествующему месяцу, %
Январь	95 939,7	
Апрель	95815,0	96,8
Август	96218,0	100,4
Декабрь	96 648,0	100,4
Декабрь 1947г. к январю 1947г., %	—	100,7

Темпы роста численности населения СССР в целом тоже замедлились. По наиболее достоверной оценке Е. М. Андреева, Л. Е. Дарского и Т. Л. Харьковой, численность населения Советского Союза выросла всего на 0,9% со 172,1 млн. на начало 1947 г. до 173,7 млн. человек на начало 1948 г.[58] Скорее всего, этот незначительный рост происходил главным образом за счет республик Средней Азии и Закавказья, тогда как население северных и западных регионов Советского Союза не только не увеличивалось, но сокращалось.

Демографическая ситуация в 1948-1953 гг.

По мнению В. Ф. Зимы, голод в СССР не закончился в 1947 г., но продолжился в 1948 и даже в 1949 гг. «Послевоенный голод, — пишет исследователь, — затянулся на всю пятилетку» (имеется в виду четвертая пятилетка. — *Авт.)*[59]. Не утверждая обратное, констатируем, однако, тот факт, что демографическая ситуация в стране в 1948-1949 гг. заметно улучшилась.

Из таблицы 16.6 видно, что рождаемость в 1949 г. на 17,4% превысила показатели 1948 г.[60] В дальнейшем общие коэффициенты рождаемости в СССР стабилизировались на достаточно высоком уровне, проявляя тенденцию к медленному сокращению. В действительности рождаемость понижалась значительно быстрее, чем это показывают общие коэффициенты, сильно зависящие от воздействия структурных факторов. Учитывая это, обратимся к более точному измерителю — суммарному коэффициенту рождаемости, показывающему, сколько в среднем детей рожали женщины в том или ином году, при условии сохранения в последующем существующего уровня рождаемости. В 1948 г. суммарный коэффициент рождаемости в СССР составлял 2,8, в 1949 г. — 3,3, в

1950 г. — 3,1, в 1953 г. — 2,8[61]. Таким образом, если общие коэффициенты рождаемости показывают, что рождаемость в стране за 1949-1953 гг. уменьшилась на 14,8%, то суммарные коэффициенты — на 15,2%.

Таблица 16.6

Воспроизводство населения СССР (в границах 1991 г.) в 1948-1953 гг., %о

Год	Родилось	Умерло	Естественный прирост
1948	26,4	13,6	12,9
1949	31,0	12,6	18,4
1950	28,8	11,7	17,2
1951	29,1	11,6	17,5
1952	28,3	11,4	16,9
1953	26,4	11,0	15,4

Таблица 16.7 показывает, что в наибольшей степени рождаемость сократилась у женщин старшего диапазона возрастов — от 35 до 49 лет[62]. Изменения календаря рождений говорит прежде всего о том, что процесс рождаемости постепенно становился все более контролируемым. Вопреки воле правительства, женщины, родив ребенка в молодом возрасте (на возрастной диапазон 20-29 лет приходился высший пик рождений), в дальнейшем уклонялись от деторождения.

Таблица 16.7

Оценка возрастных показателей рождаемости в СССР (в границах 1991 г.) в 1949-1953 гг.

Возраст матерей	Число рождений на 1000 женщин		1953 г. к 1949 г., %
	1949 г.	1953 г.	
15-19	31,9	20,7	64,9
20-24	164,2	154,7	94,2
25-29	186,2	162,7	87,4
30-34	125,9	117,1	93,0
35-39	91,7	70,1	71,8
40^4	49,2	34,6	70,3
45^19	12,7	7,3	57,5
50-54	2,9	2,3	79,3

В сущности, в Советском Союзе в конце 1940-х — начале 1950-х гг. вновь развернулся прерванный войной процесс демографического перехода. Все попытки сталинского правительства противодействовать этому процессу, удержать рождаемость на высоком уровне при помощи различного рода запретов (до середины 1950-х гг. в СССР действовал принятый еще в 1936г. запрет абортов) оказались безуспешными. В этом аспекте конец 1940-х — начало 1950-х гг. являет собой «повторение пройденного» — слепок с демографической ситуации конца 1930-х _начала 1940-х гг. СССР вновь захлестнула волна нелегальных абортов, заметно сокращавших рождаемость. По данным Е. А. Садвокасовой, на территории РСФСР в 1948 г. число искусственных прерываний беременности выросло более чем в 1,5 раза по сравнению с 1939 г.[63] О распространенности запрещенных законом абортов говорит и тот факт, что в 1950 г. в России вследствие нелегального прерывания беременности в антисанитарных условиях скончалось свыше 1,5 тыс. женщин и их число продолжало нарастать[64].

Медленное сокращение рождаемости сопровождалось сравнительно быстрым снижением смертности. Только за 1947-1953 гг. общий коэффициент смертности населения СССР понизился почти на 46%. И если в 1947 г. в стране скончались 3,5 млн. человек, то в 1953 г. — немногим более 2 млн.[65].

Сокращалась и детская смертность. В 1947 г., как уже говорилось, из каждой тысячи младенцев умерли, не дожив до года, 190 детей, в 1950 г. — 104, в 1953 г. — 92[66]. Таким образом, за 1947-1953 гг. коэффициент детской смертности в Советском Союзе понизился на 51,6%.

Снижение детской смертности, в свою очередь, предопределяло заметное увеличение продолжительности жизни советского населения. В 1953 г. ожидаемая продолжительность жизни населения СССР достигла 59 лет, в том числе у женщин — почти 63 лет, у мужчин — 55 лет[67]. Никогда раньше в своей демографической истории Россия не знала такого успеха.

Положительные величины естественного прироста (рождаемость значительно превышала смертность) при отсутствии внешней миграции (Советский Союз был закрытой страной, в которой отъезд за границу был невозможен) обеспечили достаточно быстрый рост населения страны. К 1953г. — году смерти Сталина — в СССР проживало 187-188 млн. человек. На рубеже 1954-1955 гг. Советский Союз восстановил довоенную численность населения. В таблице 16.8 представлены различные оценки показателей численности населения СССР (в границах 1991 г.) в 1948-1954 гг.[68]

Таблица 16.8

Динамика численности населения СССР в 1948-1954 гг., тыс. человек

Год	Оценка Е. М. Андреева, Л. Е. Дарского, Т. Л. Харьковом	Оценка В. С. Гельфанда	Оценка ЦСУ СССР
1948	173 702	172874,0	Нет свед.
1949	175954	175669,3	Нет свед.
1950	179217	178546,9	178 547
1951	182321	181602,6	181 603
1952	185539	184777,9	184778
1953	188 700	187977,3	187977
1954	191 626	191 003,9	191 004
1954г. к 1948г., %	110,3	110,5	.

Складывается впечатление, что сталинский режим сумел все же решить демографические проблемы, обеспечить стабильный рост населения на основе высокой рождаемости и относительно низкой смертности. Однако это впечатление поверхностно. В действительности демографическая сфера развивается по очень сложным законам, а за кажущимся благополучием первой половины 1950-х гг. скрывался демографический тупик.

В сущности, в конце 1940-х — начале 1950-х гг. на полную мощность заработал механизм пассивного направления борьбы со смертностью, в конечном итоге обеспечивший феномен, ранее обозначенный в книге как советский демографический парадокс. Смертность в СССР снижалась на фоне еще невысокого (хотя и медленно растущего) уровня жизни, хронического дефицита высококачественных продуктов питания, промтоваров и жилья. Низкому уровню жизни и повышенной болезненности населения советское правительство вновь, как и в 1930-е гг., противопоставило государственное здравоохранение. Огромную роль в снижении смертности играло широкое распространение антибиотиков и препаратов сульфаниламида.

Но эффективность избранного пути борьбы со смертностью снижалась. Этот путь оправдывал себя в период высокой смертности и низкой продолжительности жизни, обусловленных инфекционными и желудочно-кишечными болезнями, но был бесполезен в борьбе со смертностью

эндогенного происхождения, которая занимала все больший удельный вес в структуре причин смерти советского населения. По сути, к середине 1950-х гг. почти все резервы тактического направления были исчерпаны.

Страна оказалась на пороге демографического тупика, выход из которого был только в переходе к активному направлению борьбы со смертностью. Но этот переход не мог состояться при жизни Сталина, так как, в свою очередь, требовал серьезных политических изменений.

Примечания

1 *Сталин И. О* Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1946. С. 206.
2. РГАЭ, ф. 4372, оп. 46, д. 835, л. 11.
3. Там же.
4. *Гельфанд В. С.* Население СССР за 50 лет. (1941-1990): Стат. справочник. Пермь, 1992. С. 241-242.
5. Там же. С. 194-195.
6. Население Советского Союза: 1922-1991. М., 1993. С. 118.
7. РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 2229, л. 1.
8. Там же, д. 2641, л. 111.
9. *Гельфанд В. С.* Население СССР за 50 лет... С. 241-242.
10. Население Советского Союза. С. 120.
11. РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 2641, л. 111.
12. Там же, д. 2229, л. 1.
13. Там же, д. 2634, л. 31.
14. *Гельфанд В. С.* Население СССР за 50 лет... С. 194.
15. *Попов В. П.* Причины сокращения численности населения РСФСР после Великой Отечественной войны// Социологические исследования. 1994. № 10. С. 81.
16. Сост. по: *Гельфанд В. С.* Население СССР за 50 лет... С. 241-242; Население Советского Союза. С. 120.
П. Данченко В. Н. Демобилизация Советской армии и решение проблемы кадров в первые послевоенные годы // История СССР. 1970. № 3. С. 98.
18. *Попов В. П.* Причины сокращения... С. 86.
19. РГАЭ, ф. 1562, оп. 20, д. 754, л. 4.
20. Там же, оп. 329, д. 1871, л. 109.
21. Там же, д. 2229, л. 1.
22. Там же, д. 1871, л 109.
23. Женщины в СССР: Стат. сборник. М., 1975. С. 97.
24. Сборник законов и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938-1967. Т. 2. М., 1968. С. 409-417.
25. РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 1871, л. 110; д. 2229, л. 1.

26. Народное хозяйство СССР: Юбилейный статистический ежегодник М 1972. С. 215-216.
27. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч II М., 1953. С. 1042.
28. *Зима В. Ф.* Голод в СССР 1946-1947 годов: Происхождение и последствия М., 1996. С. 149.
29. *Любимов А. В.* Торговля и снабжение в годы Великой Отечественной войны М., 1968. С. 202.
30. *Зима В. Ф.* Голод в СССР 1946-1947 годов...
31. Сост. по: Население Советского Союза. С. 118; *Гельфанд В. С.* Население СССР за 50 лет... С. 195-197, 242.
32. РГАЭ, ф. 1562, оп. 20, д. 758, л. 1; оп. 329, д. 2634, л. 3.
33. *Попов В.* Я. Причины сокращения... С. 81.
34. РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 2641, л. 111; д. 2634, л. 3.
35. ГАРФ, ф. А-374, оп. 14, д. 1690, л. 10.
36. *Зима В. Ф.* Голод в СССР 1946-1947 годов... С. 173.
37. РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 2671, л. 297, 317.
38. *Зима В. Ф.* Голод в СССР 1946-1947 годов... С. 170.
39. Там же. С. 81.
40. Советское здравоохранение. 1949. № 1. С. 9.
41. ГАРФ, ф. А-374, оп. 11, д. 502, л. 15.
42. РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 2641, л. 133.
43. Сост. по: Там же, д. 2634, л. 23.
44. Там же, л. 3.
45. *Зима В. Ф.* Голод в СССР 1946-1947 годов. С. 161.
46. ГАРФ, ф. А-374, оп. 30, д. 11989, л. 69, 71, 102.
47. Сост. по: Население Советского Союза. С. 118, 120; *Гельфанд В. С.* Население СССР за 50 лет... С. 195, 196, 242.
48. ГАРФ, ф. А-374, оп. 11, д. 557, л. 13.
49. Население Советского Союза. С. 135.
50. *Зима В. Ф.* Голод в СССР 1946-1947 годов... С. 163.
51. РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 2229, л. 1; д. 2634, л. 3.
52. Население Советского Союза. С. 135.
53. РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 2634, л. 23.
54. *Попов В. П.* Причины сокращения... С. 87.
55. *Зима В. Ф.* Голод в СССР 1946-1947 годов. С. 179.
56. Там же. С. 166, 167.
57. Сост. по: Отечественная история. 1993. № 1. С. 43; РГАЭ, ф. 1562, оп. 20, д. 684, л. 2, 103.
58. Население Советского Союза. С. 118.
59. *Зима В. Ф.* Голод в СССР 1946-1947 годов. С. 94.
60. Сост. по: Население Советского Союза. С. 118.
61. Там же. С. 120.
62. Сост. по: Там же. С. 136.

63 *Садвокасова Е. А.* Социально-гигиенические аспекты регулирования размеров семьи. М., 1969. С. 116.
64. ГАРФ, Ф- А-374, оп. 30, д. 11913, л. 193.
65. Население Советского Союза... С. 118.
66. Там же. С. 135.
67. Там же.
68. Сост. по: Население Советского Союза. С. 118—119; *Гельфанд В. С.* Население СССР за 50 лет... С. 60-78; Население СССР. 1987: Стат. сборник. М., 1988. С. 8.

Глава 17

МЕРТВЫЕ ХВАТАЮТ ЖИВЫХ
(вместо заключения)

На протяжении первой половины XX столетия напряженность демографической подсистемы российского общества была столь велика, что кризис стал хроническим явлением истории. По меньшей мере трижды демографические кризисы перерастали в катастрофы, совпадавшие по времени с крупнейшими социальными потрясениями в стране. Перманентно высокая смертность, в том числе и детская, воспринималась народом как привычное явление повседневности.

Многомиллионные потери населения, таким образом, тесно переплетались с деятельностью коммунистической государственной машины. Природная стихия, ранее представлявшая главный источник демографических бедствий, в XX столетии нашла себе достойную замену, с той лишь разницей, что государство оказалось более жестоким и число жертв неизмеримо возросло.

В структуре населении России в ходе демографических кризисов и катастроф образовывались глубокие провалы, своего рода «демографические ямы», сгладить которые уже невозможно. Образовавшиеся шрамы останутся навсегда.

Для иллюстрации скачкообразного демографического развития страны на рис. 9 приводятся графики численности поколений, которые построены на основе материалов переписей населения 1939 и 1959гг. Они являют собой своего рода «линию жизни» народов России и, как в зеркале, отражают полную драматизма демографическую историю страны. Графики взаимно дополняют друг друга. Первый охватывает период с 1900 по 1938 гг., второй — с 1900 по 1958 гг.

Оба графика отчетливо демонстрируют чередование демографических спадов и подъемов, столь резких, что делает их похожими на зубья пилы.

1900-1903 гг. Этап относительно стабильного развития демографической подсистемы России.

1904-1905 гг. Демографический кризис, обусловленный Русско-японской войной.

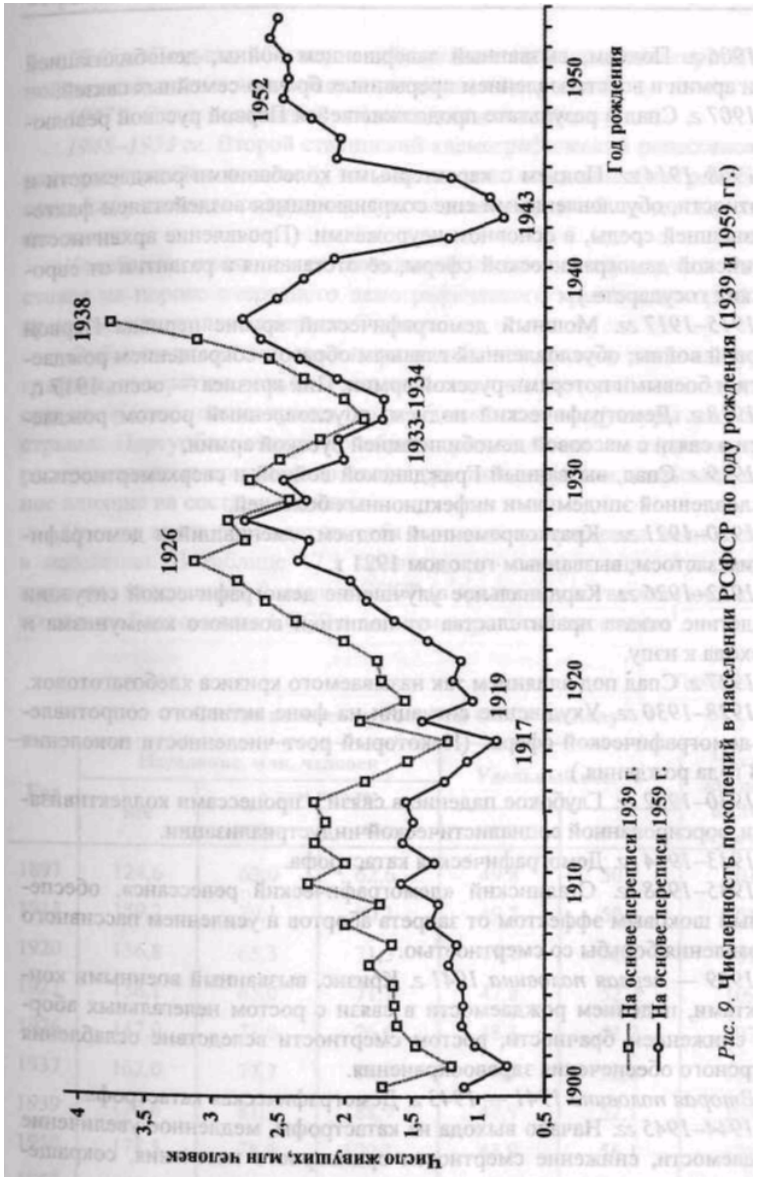


Рис. 9. **Численность поколений в населении РСФСР по году рождения (1939 и 1959 гг.)**

1906г. Подъем, вызванный завершением войны, демобилизацией части армии и восстановлением прерванных брачно-семейных связей.

1907 г. Спад в результате продолжившейся Первой русской революции.

1908-1914 гг. Подъем с характерными колебаниями рождаемости и смертности, обусловленными еще сохраняющимся воздействием факторов внешней среды, в основном неурожаями. (Проявление архаичности российской демографической сферы, её отставания в развитии от европейских государств.)

1915-1917 гг. Мощный демографический кризис периода Первой мировой войны, обусловленный главным образом сокращением рождаемости и боевыми потерями русской армии. Пик кризиса — осень 1917г.

1918г. Демографический подъем, обусловленный ростом рождаемости в связи с массовой демобилизацией русской армии.

1919 г. Спад, вызванный Гражданской войной и сверхсмертностью, обусловленной эпидемиями инфекционных болезней.

1920-1921 гг. Кратковременный подъем, сменившийся демографическим застоем, вызванным голодом 1921 г.

1922-1926 гг. Кардинальное улучшение демографической ситуации вследствие отказа правительства от политики военного коммунизма и перехода к нэпу.

1927 г. Спад под влиянием так называемого кризиса хлебозаготовок.

1928—1930гг. Ухудшение ситуации на фоне активного сопротивления демографической сферы. (Некоторый рост численности поколения 1928 года рождения.)

1930-1932 гг. Глубокое падение в связи с процессами коллективизации и форсированной социалистической индустриализации.

1933-1934 гг. Демографическая катастрофа.

1935-1938 гг. Сталинский «демографический ренессанс», обеспеченный шоковым эффектом от запрета абортов и усилением пассивного направления борьбы со смертностью.

1939 — первая половина 1941 г. Кризис, вызванный военными конфликтами, падением рождаемости в связи с ростом нелегальных абортов, снижением брачности, ростом смертности вследствие ослабления ресурсного обеспечения здравоохранения.

Вторая половина 1941 — 1943 г. Демографическая катастрофа.

1944-1945 гг. Начало выхода из катастрофы, медленное увеличение рождаемости, снижение смертности ординарного населения, сокращение детской смертности.

1946г. Подъем, обеспеченный послевоенной компенсаторной волной рождаемости и дальнейшим снижением смертности.

1947 г. Спад, вызванный послевоенным голодом.

1948-1953 гг. Второй сталинский «демографический ренессанс», характеризующийся высокой, но постепенно снижающейся рождаемостью, сокращением смертности, увеличением средней продолжительности жизни.

Колебания численности поколений свидетельствуют, что Россия стояла на пороге очередного демографического кризиса, который был предотвращен только смертью Сталина.

«Зубья пилы», столь ярко выраженные как на том, так и на другом графике, говорят не только о многомиллионных потерях населения России на протяжении полувека, но и об искажении структуры населения страны. Пертурбационные колебания рождаемости и неравномерное распределение смертности по половозрастным группам оказывали сильное влияние на состав населения.

Прежде всего обращает на себя внимание сокращение доли мужчин в населении. В таблице 17.1 представлено соотношение мужского и женского населения в России и СССР (в границах соответствующих лет) по оценке Госкомстата СССР и данным переписей населения[1].

Таблица 17.1

Состав населения России и СССР по полу

Год	Население, млн.. человек			Удельный вес, %		Число женщин на 100 мужчин
	все	в том числе:				
		муж.	жен.	муж.	жен.	
1897	124,6	62,0	62,6	49,8	50,2	101
1913	159,2	79,1	80,1	49,7	50,3	101
1920	136,8	65,3	71,5	47,7	52,3	109
1922	136,1	65,0	71,1	47,8	52,2	109
1926	147,0	71,0	76,0	48,3	51,7	107
1937	162,0	77,7	84,9	48,0	52,0	109
1939	170,6	81,7	88,9	47,9	52,1	109
1950	178,5	78,4	100,1	43,9	56,1	128
1953	188,0	83,4	104,7	44,3	55,7	126

Для России начала XX столетия был характерен сбалансированный по полу состав населения. Численность и удельный вес мужчин и женщин были примерно одинаковы, с небольшим перевесом в сторону женщин в пределах естественной нормы.

Процесс сокращения доли мужчин и образование резкого женского перевеса вследствие повышенной смертности граждан мужского пола развернулся в годы Первой мировой войны и усилился в период революции и Гражданской войны. Нэп в этом аспекте можно обозначить как кратковременный этап с преобладанием тенденции к восстановлению демографического равновесия. Но с началом коллективизации и форсированной индустриализации баланс демографических весов был вновь нарушен. То, что происходило в населении СССР в 1930-е — начале 1940-х гг., можно сравнить только с военным временем. В 1939 г. соотношение мужчин и женщин в населении СССР было таким же, как после окончания Гражданской войны.

Таблица 17.2

Соотношение мужчин и женщин в различных диапазонах возрастов в 1946 г. в СССР (в границах 1991 г.)

Возраст	На 100 мужчин приходится женщин	
	по оценке Е. М. Андреева, Л. Е. Дарского, Т. Л. Харьковой	по оценке В. С. Гельфанда
0-14	100	101
15-19	108	111
20-24	140	142
25-29	153	145
30-34	155	157
35-39	150	146
4(M4	160	173
45-49	165	160
50-54	138	154
55-59	148	161
60 и старше	187	167
Всего	129	130

После завершения Второй мировой войны, в 1946 г. женский перевес в Советском Союзе достиг предельных величин. Согласно расчетам Е. М. Андреева, Л. *Е.* Дарского и Т. Л. Харьковой, в этом году на каждых 100 мужчин приходилось 129 женщин[2], что в принципе совпадает с оценкой В. С. Гельфанда— 130 женщин[3]. В отдельных возрастных группах, наиболее активных в социальном, экономическом и демографическом аспектах, дисбаланс полов был выражен особенно резко (таблица 17.2)[4].

Сокращение на протяжении десятилетий доли мужчин в населении сопровождалось искажением возрастного состава населения страны. В табл. 17.3 и на рис. 10 представлен возрастной состав населения СССР (в границах 1991 г.) в 1920-1954 гг.[5]

В данном случае тенденция очевидна. Население СССР быстро старело, доля детей до 14 лет неуклонно сокращалась, тогда как удельный вес старших возрастов увеличивался. Причем негативный перелом произошел во второй половине 1930-х — начале 1940-х гг. До 1934 г. сокращение доли детей сопровождалось повышением прослойки лиц трудоспособного возраста, после 1934 г. — форсированным увеличением удельного веса поколений старше 60 лет.

Таблица 17.3

Возрастной состав населения СССР в 1920-1954 гг., %

Год (на начало)	Возраст, лет		
	0-14	15-59	60 и старше
1920	40,9	52,9	6,2
1923	39,3	54,7	60
1927	38,0	56,2	5,8
1934	36,9	57,3	5,8
1941	34,5	58,5	7,0
1946	31,1	61,5	7,4
1954	28,7	62,8	8,5

Снижение доли детей в населении влекло за собой массу проблем социального и экономического характера, ухудшало перспективы демографического развития, способствовало еще большему падению рождаемости и тормозило увеличение средней продолжительности жизни.

Примечания

1. Население СССР. 1987: Стат. сборник. М., 1988. С. 44; Всесоюзная перепись населения 1937 г.: Краткие итоги. М., 1991. С. 47; Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги. М., 1992. С. 20.
2. Население Советского Союза: 1922-1991. М., 1993. С. 126.
3. *ГельфандВ. С.* Население СССР за 50 лет (1941-1990): Стат. справочник Пермь, 1992. С. 54.
4. Население Советского Союза. 1993. С. 126; *ГельфандВ. С.* Население СССР за 50 лет... С. 52-54.
5. Население Советского Союза... С. 121-124, 126, 128.
6. *Сорокин П.* Современное состояние России // Новый мир. 1992. № 4. С. 192.
7. Там же. С. 199.

Содержание

Глава 1- В лодке Харона (вместо введения) 3
Глава 2. Демографические катастрофы в России в контексте всемирной истории 9
Глава 3. Стабильность кризиса или кризис стабильности? 13
Глава 4. Источники информации 17
Глава 5. Демографические измерители 31
Глава 6. Население и территория 33
Глава 7. Население Российской империи в начале XX столетия 39
Глава 8. Первая мировая война: кризис или катастрофа? 47
Глава 9. Жертвы революционной лихорадки 58
Глава 10. Затишье перед бурей 71
Глава 11. «Великий перелом» 77
Глава 12. Машины съели людей 83
Глава 13. Сталинский «демографический ренессанс» 101
Глава 14. В преддверии катастрофы 124
Глава 15. В тени победы 140
Глава 16. Демографический тупик 215
Глава 17. Мертвые хватают живых (вместо заключения) 234